

**Обзор судебной практики
по делам, связанным с разрешением споров
о защите интеллектуальных прав**

Верховным Судом Российской Федерации проведено обобщение практики рассмотрения Судебными коллегиями по гражданским делам, по экономическим спорам, по административным делам Верховного Суда Российской Федерации, судами общей юрисдикции и арбитражными судами дел, связанных с разрешением споров о защите интеллектуальных прав, после принятия совместного постановления пленумов Верховного Суда Российской Федерации и Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 26 марта 2009 г. № 5/29 «О некоторых вопросах, возникших в связи с введением в действие части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации».

За указанный период произошли существенные изменения как в законодательном регулировании вопросов правовой охраны и защиты прав на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации, так и в организационной структуре судебной системы в связи с необходимостью совершенствования правосудия в сфере защиты интеллектуальных прав, повышения его эффективности и качества, а также обеспечения единообразия судебной практики.

Так, в соответствии с Федеральным конституционным законом от 6 декабря 2011 г. № 4-ФКЗ «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон «О судебной системе Российской Федерации» и Федеральный конституционный закон «Об арбитражных судах в Российской Федерации» в связи с созданием в системе арбитражных судов Суда по интеллектуальным правам» и Федеральным законом от 8 декабря 2011 г. № 422-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с созданием в системе арбитражных судов Суда по интеллектуальным правам» с 3 июля 2013 года в системе арбитражных судов начал работу первый специализированный суд – Суд по интеллектуальным правам, который в качестве суда первой инстанции рассматривает отдельные дела об оспаривании нормативных правовых актов в сфере правовой охраны результатов интеллектуальной деятельности и средств индивидуализации, а также дела по спорам о предоставлении или прекращении правовой охраны результатов интеллектуальной деятельности и приравненных к ним средств индивидуализации юридических лиц, товаров, работ, услуг и предприятий (за исключением объектов авторских и смежных прав, топологий интегральных микросхем). В качестве суда кассационной инстанции Суд по интеллектуальным правам осуществляет пересмотр судебных актов в области защиты интеллектуальных прав, вынесенных арбитражными судами первой и апелляционной инстанции, а также судебных актов, вынесенных Судом по интеллектуальным правам в качестве суда первой инстанции. Целью создания

этого суда явилась необходимость совершенствования правосудия в сфере защиты интеллектуальных прав, повышения его эффективности и качества, а также обеспечения единообразия судебной практики.

Федеральным законом от 2 июля 2013 г. № 187-ФЗ были внесены изменения в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам защиты интеллектуальных прав в информационно-телекоммуникационных сетях, в соответствии с которыми с 1 августа 2013 года к подсудности Московского городского суда была отнесена новая категория дел – гражданские дела, связанные с защитой исключительных прав на фильмы, в том числе кинофильмы, телефильмы, в информационно-телекоммуникационных сетях, в том числе в сети «Интернет», и по которым им приняты предварительные обеспечительные меры в соответствии со ст. 144¹ Кодекса. Впоследствии в силу Федерального закона от 24 ноября 2014 г. № 364-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации» был расширен перечень объектов, исключительные права на которые в информационно-телекоммуникационных сетях могут защищаться путем подачи заявления о принятии предварительных обеспечительных мер и подачи искового заявления по требованию, в связи с которым судом приняты такие меры. К их числу были отнесены все объекты авторских и (или) смежных прав, кроме фотографических произведений и произведений, полученных способами, аналогичными фотографии.

Кроме того, реформированию подверглась и сама часть четвертая Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ). Наиболее существенные изменения и дополнения были внесены Федеральным законом от 12 марта 2014 г. № 35-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации», затронувшие как общие положения раздела VII ГК РФ (ст. 1229, 1246, 1250 – 1251 и другие), так и отдельные нормы глав 70 – 76 этого раздела.

Регулирование некоторых вопросов правовой охраны результатов интеллектуальной деятельности было изменено также федеральными законами от 21 февраля 2010 г. № 13-ФЗ, от 24 февраля 2010 г. № 17-ФЗ, от 4 октября 2010 г. № 259-ФЗ, от 8 декабря 2011 г. № 422-ФЗ, от 2 июля 2013 г. № 185-ФЗ, от 2 июля 2013 г. № 187-ФЗ, от 23 июля 2013 г. № 222-ФЗ, от 31 декабря 2014 г. № 530-ФЗ. В частности, Федеральным законом от 2 июля 2013 г. № 187-ФЗ была введена новая ст. 1253¹, устанавливающая особенности ответственности информационного посредника.

Изучение поступивших материалов судебной практики показало, что при рассмотрении дел данной категории судами в целом соблюдаются требования действующего законодательства, регулирующего вопросы защиты прав на результаты интеллектуальной деятельности, а также учитываются разъяснения, данные в указанном выше совместном постановлении пленумов высших судов № 5/29 и ранее принятых постановлениях (в случае применения законодательства об интеллектуальной собственности, действовавшего до 1 января 2008 г.). За рассматриваемый период сформировалась единообразная судебная практика применения большинства положений части четвертой ГК РФ, о чем свидетельствуют и представленные ниже данные статистики.

Статистические данные

Результаты изучения данных статистики рассмотрения судами общей юрисдикции дел о защите интеллектуальных прав свидетельствуют о том, что в 2014 году количество дел данной категории, производство по которым было окончено, снизилось по сравнению с аналогичными показателями за 2012 – 2013 годы.

Так, если в 2012 году с вынесением решения было рассмотрено 770 дел (в том числе с удовлетворением требования – 596 дел), в 2013 году – 636 дел (из них с удовлетворением требования – 475 дел), то в 2014 году с вынесением решения рассмотрено 579 дел этой категории (в том числе с удовлетворением требования – 455 дел). Это на 9,0 % меньше, чем в 2013 году, и на 24,8 % меньше, чем в 2012 году.

При этом по сравнению с 2011 годом (с вынесением решения рассмотрено 1112 дел), в котором было рассмотрено наибольшее количество дел за период с 2004 по 2014 год, в 2014 году количество дел о защите прав на результаты интеллектуальной деятельности, рассмотренных с вынесением решения, уменьшилось на 47,9 %. Количество таких дел в 2014 году сопоставимо с уровнем 2007 года (с вынесением решения рассмотрено 505 дел).

На протяжении последних трех лет практически одинаково процентное соотношение количества дел, рассмотренных с вынесением решения об удовлетворении заявленных требований, и общего количества дел данной категории. В 2012 году с удовлетворением требований было рассмотрено 77,4 % дел, в 2013 году – 74,7 %, в 2014 году – 78,6 %.

Присужденные к взысканию суммы по удовлетворенным искам, включая моральный ущерб, увеличились по сравнению с 2013 годом на 92,7 % (в 2013 году – 120 619 027 руб., в 2014 году – 232 453 695 руб.)

В апелляционном порядке в 2014 году было пересмотрено 7,4 % дел, по 6,4 % из них решения были отменены, по 1,0 % изменены. Аналогичные показатели за 2012 – 2013 годы свидетельствуют о незначительном увеличении количества отмененных в апелляционном порядке решений.

По сравнению с 2013 годом почти на 40 % уменьшилось количество дел данной категории, рассмотренных с нарушением установленных процессуальным законодательством сроков.

В 2014 году арбитражными судами субъектов Российской Федерации рассмотрено 10 109 дел, связанных с защитой интеллектуальных прав, что на 1,11 % больше, чем в 2013 году. Существенное количество рассмотренных исковых заявлений приходится на дела, связанные с защитой авторских и смежных прав (51%), а также прав на товарные знаки (21%). В апелляционном порядке арбитражными судами рассмотрена 2 491 апелляционная жалоба по делам данной категории, что составило 17,4 % от дел, рассмотренных судами первой инстанции. В 2014 году Судом по интеллектуальным правам в качестве суда первой инстанции рассмотрено 783 дела; в кассационном порядке – 1360 дел, в том числе по жалобам на решения, принятые Судом по интеллектуальным правам в качестве суда первой инстанции, 264 дела, а по жалобам на судебные акты, принятые судами субъектов Российской Федерации и арбитражными апелляционными судами, – 1096 дел.

Сумма удовлетворенных арбитражными судами требований о возмещении убытков или взыскании компенсации по делам о защите исключительных прав в

2014 году составила 192 млн руб. При этом всего по спорам, связанным с охраной интеллектуальной собственности, арбитражными судами субъектов Российской Федерации в 2013 году взыскано 3 389 196 000 руб., в 2014 году – 1 900 414 000 руб.

I. Авторское право и смежные права

1. Исключительное право не подлежит защите путем взыскания компенсации морального вреда, поскольку является имущественным правом.

Автор обратился в суд с иском к ряду организаций о защите интеллектуальных прав, взыскании компенсации за неправомерное использование произведений, компенсации морального вреда, полагая, что ответчики нарушили его интеллектуальные права на созданные им произведения, распространив сборник, содержащий сочинения, в которых частично копируются сочинения истца.

Решением суда, оставленным без изменения апелляционным определением, исковые требования частично удовлетворены, в пользу автора с ответчиков взыскана компенсация за неправомерное использование произведений, а также взыскана компенсация морального вреда.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации отменила состоявшиеся судебные постановления по следующим основаниям.

Разрешая спор, суд исходил из того, что книжное издание, распространенное ответчиками, содержит произведения, которые копируют сочинения истца, при этом фрагменты из сочинений истца составляют большую часть текста, положенного в основу произведений, которые размещены в сборнике. В данном издании истец в качестве автора сочинений не указан, доказательств того, что сочинения истца использованы ответчиками в соответствии с действующим законодательством, суду не представлено.

При этом суд, руководствуясь ст. 151 и 1251 ГК РФ, взыскал в пользу истца компенсацию морального вреда за нарушение ответчиками его прав на распоряжение результатом интеллектуальной деятельности, считая их личными неимущественными правами.

Между тем положениями ст. 1229, 1270 ГК РФ определено, что исключительное право (право на распоряжение результатом интеллектуальной деятельности) представляет собой имущественное право.

Согласно ст. 1251 ГК РФ защите путем взыскания компенсации морального вреда подлежат только личные неимущественные права автора, исключительное право защите путем взыскания компенсации морального вреда не подлежит, поскольку к неимущественным не относится.

Права истца, нарушенные ответчиками путем продажи (распространения) сборника сочинений, содержащего произведения, автором которых он является, к личным неимущественным правам автора, за нарушение которых полагается взыскание компенсации морального вреда, действующим законодательством не отнесены.

Какие личные неимущественные права истца были нарушены каждым из ответчиков и подлежат восстановлению путем взыскания компенсации морального

вреда на основании ст. 1251 ГК РФ, судами в решении не указано.

(Определения Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 23 декабря 2014 г. № 5-КГ14-126, от 27 января 2015 г. № 5-КГ14-129)

2. Каждое из музыкальных произведений (песен), содержащихся на незаконно распространенном диске, является самостоятельным объектом исключительных прав, подлежащих защите путем взыскания компенсации, размер которой рассчитывается за каждое из указанных произведений.

Общество обратилось в суд с иском к А. о компенсации за нарушение исключительных авторских прав на музыкальные произведения.

Иск мотивирован тем, что в торговом помещении А. был реализован компакт-диск с записями шести музыкальных произведений (песен), исключительные права на которые принадлежат обществу.

Общество просило суд взыскать в его пользу компенсацию в размере 10 000 руб. за использование каждого из шести объектов авторских прав, права на которые принадлежат обществу.

Решением суда иск удовлетворен.

Апелляционным определением решение суда первой инстанции изменено: уменьшен размер взыскиваемой компенсации за нарушение исключительных авторских прав на музыкальные произведения, в остальной части решение оставлено без изменения.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации отменила апелляционное определение по следующим основаниям.

Удовлетворяя иск, суд первой инстанции пришел к выводу о том, что распространение компакт-диска привело к нарушению исключительных прав истца на музыкальные произведения. В соответствии с положениями п. 1 ст. 1229 и п. 3 ст. 1252 ГК РФ суд возложил на ответчика обязанность выплатить компенсацию за допущенное нарушение из расчета 10 000 руб. за каждое музыкальное произведение.

Изменяя решение суда первой инстанции и уменьшая размер взыскиваемой компенсации, суд апелляционной инстанции исходил из того, что ответчиком незаконно распространен один экземпляр компакт-диска, на котором были записаны шесть музыкальных произведений, что образует одно нарушение исключительных прав истца.

Между тем суд апелляционной инстанции не учёл, что каждое из музыкальных произведений (песен), содержащихся на диске, является самостоятельным произведением, авторские и смежные права на которое подлежат защите, и компенсация, предусмотренная п. 3 ст. 1252 ГК РФ, рассчитывается за незаконное использование каждого произведения.

Таким образом, вывод суда апелляционной инстанции о взыскании компенсации за нарушение исключительных прав в меньшем размере основан на неправильном применении положений п. 3 ст. 1252, ст. 1301 ГК РФ.

(Определения Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 18 ноября 2014 г. № 85-КГ14-8, от 11 ноября 2014 г. № 85-КГ14-7; постановление Суда по интеллектуальным правам от 5 февраля 2014 г. по делу № А12-12748/2013)

3. Различие текстов двух произведений по смысловой нагрузке, характеру изложения и их ориентированность на различные читательские аудитории сами по себе не являются обстоятельствами, исключающими факт заимствования фрагментов одного произведения из другого.

Г. обратился в суд с иском к Ш., С. и издательству о защите авторских прав, указывая, что является автором диссертации, публичная защита которой состоялась в 2007 году, а также статьи, опубликованной в 2009 году в журнале, в 2010 году издательством была издана книга, авторами которой указаны Ш., С. и которая содержит фрагменты диссертации Г. и научной статьи. Просил суд взыскать с ответчиков компенсацию за нарушение исключительных прав на произведение, компенсацию морального вреда, изъять из оборота нереализованные экземпляры книги.

Решением суда, оставленным без изменения апелляционным определением, в удовлетворении иска отказано.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации отменила состоявшиеся судебные постановления по следующим основаниям.

Отказывая в удовлетворении иска Г., суд исходил из того, что в книге Ш. и С. имеются фразы и формулировки, схожие с теми, которые были использованы в диссертации и статье истца, однако произведения истца и ответчиков различны по смысловой нагрузке, характеру изложения и ориентированы на различные читательские аудитории. Произведения Г. являются научными произведениями, тогда как произведение Ш. и С. адресовано читателям, не являющимся специалистами в области экономики.

Суд пришел к выводу о том, что наличие в книге широко распространенных фраз, явно схожих по содержанию с имеющимися в общедоступных источниках, которые использовались Г. при написании его произведений, само по себе не может свидетельствовать о заимствовании Ш. и С. формулировок именно из диссертации и статьи Г. Фрагменты произведений истца и выводы, изложенные в его работах, по мнению суда, являются общеизвестными фактами, которые изложены в той или иной форме в разных источниках.

Исходя из характера спора о защите авторских прав на истце лежит обязанность доказать факты принадлежности ему авторских прав и использования данных прав ответчиком, на ответчике – выполнение им требований действующего законодательства при использовании соответствующих произведений.

Согласно разъяснениям, содержащимся в п. 28 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации и Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 26 марта 2009 г. № 5/29 «О некоторых вопросах, возникших в связи с введением в действие части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации», при анализе вопроса о том, является ли конкретный результат интеллектуальной деятельности объектом авторского права, судам следует учитывать, что, по смыслу ст. 1228, 1257 и 1259 ГК РФ в их взаимосвязи, таковым является только тот результат, который создан творческим трудом. При этом надлежит иметь в виду, что, пока не доказано иное, результаты интеллектуальной деятельности предполагаются созданными творческим трудом. Необходимо также иметь в виду, что само по себе отсутствие новизны, уникальности и (или) оригинальности результата интеллектуальной деятельности

не может свидетельствовать, что такой результат создан не творческим трудом и, следовательно, не является объектом авторского права.

Для разрешения данного дела юридически значимым являлось обстоятельство, подтверждающее соответствие фрагментов диссертации и статьи истца, содержание которых повторяется в книге Ш. и С., критериям объектов авторского права, которым предоставляется правовая охрана, или отсутствие такого соответствия.

При этом различие текстов по смысловой нагрузке, характеру изложения и их ориентированность на различные читательские аудитории сами по себе не являются обстоятельствами, исключающими возможность заимствования из других источников.

В этом случае установить факты, имеющие юридическое значение для дела, и достичь целей гражданского судопроизводства, определенных в ст. 2, 57 ГПК РФ, без использования специальных знаний невозможно.

Следовательно, при рассмотрении данного дела заключение эксперта относилось к необходимым средствам доказывания.

Между тем выводы о том, что фрагменты произведений истца, совпадение с которыми имеется в книге ответчиков, представляют собой общеизвестные факты, и соответствующие части произведений Г. не подлежат защите с точки зрения авторского права, сделаны судом, не обладающим специальными знаниями в области лингвистики и экономики, без привлечения специалистов и назначения экспертизы.

Суд, рассматривавший дело, не выполнив возложенные на него процессуальным законом (ст. 79 ГПК РФ) обязанности, не распределил должным образом бремя доказывания, не определил обстоятельства, имеющие правовое значение для разрешения спора, не вынес их на обсуждение сторон и при наличии к тому законных оснований не рассмотрел вопрос о возможности назначения соответствующей экспертизы и привлечения специалистов.

(Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 9 апреля 2013 г. № 5-КГ13-2)

4. Представление музыкального произведения с помощью радиоприёмника, размещённого в месте, открытом для свободного посещения, является публичным исполнением произведения, а не сообщением произведения в эфир.

Сообщением в эфир или по кабелю, то есть сообщением произведения для всеобщего сведения (включая показ или исполнение) по радио или телевидению, является как прямая трансляция произведения из места его показа или исполнения, так и неоднократное сообщение произведения для всеобщего сведения, которые производятся теле- или радиоккомпанией в соответствии с условиями заключенного между ней и правообладателем или организацией по управлению правами на коллективной основе лицензионного договора.

Организация по управлению правами на коллективной основе обратилась в суд с иском к индивидуальному предпринимателю о взыскании денежной компенсации за нарушение авторских прав, указав, что в помещении салона

красоты, принадлежащего ответчику, было осуществлено бездоговорное публичное исполнение музыкального произведения, в связи с чем просила взыскать с ответчика компенсацию за нарушение исключительного права на публичное исполнение произведений, расходы на оплату государственной пошлины, расходы на проведение экспертизы записи исполненных произведений.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения судом второй инстанции, в удовлетворении иска отказано.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации признала, что имеются основания, предусмотренные ст. 387 ГПК РФ, для отмены состоявшихся судебных постановлений в кассационном порядке.

Отказывая в удовлетворении заявленных требований организации, суд пришёл к выводу о том, что индивидуальным предпринимателем не осуществлялось незаконное публичное исполнение музыкального произведения, в помещении салона красоты состоялось сообщение музыкального произведения в эфир, то есть для всеобщего сведения, которое предоставляется неограниченному кругу лиц организацией эфирного вещания.

Вместе с тем лицом, осуществляющим публичное исполнение произведения (в том числе при его представлении в живом исполнении), является юридическое или физическое лицо, организующее публичное исполнение в месте, открытом для свободного посещения, или в месте, где присутствует значительное число лиц, не принадлежащих к обычному кругу семьи, то есть лицо, которое берёт на себя инициативу и ответственность за проведение соответствующего мероприятия (п. 32 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 5, Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации № 29 от 26 марта 2009 г. «О некоторых вопросах, возникших в связи с введением в действие части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации»).

Именно это лицо должно заключить договор о предоставлении ему права на публичное исполнение произведения с правообладателем или организацией по управлению правами на коллективной основе и выплачивать полагающееся вознаграждение.

Судом установлено, что в помещении салона красоты посредством радиостанции осуществлялось публичное исполнение музыкальных произведений с помощью технических средств (радиоприёмника).

Таким образом, в данном случае имело место представление музыкального произведения с помощью технических средств, а именно радиоприёмника, размещённого в салоне красоты, т.е. месте, открытом для свободного посещения, что, по смыслу действующего гражданского законодательства (п. 1, подп. 6 п. 2 ст. 1270 ГК РФ), является публичным исполнением произведения, а не сообщением произведения в эфир, как указал суд.

Использование музыкального произведения – объекта авторского права, в том числе при его публичном исполнении в отсутствие лицензионного договора, заключённого с правообладателем либо с РАО, неправомерно и влечёт ответственность, предусмотренную ст. 1301 ГК РФ.

Такой лицензионный договор, как установлено судом, ответчиком не заключался.

На то обстоятельство, что трансляция музыкального произведения осуществлялась в салоне красоты не для широкого круга лиц, ответчик при рассмотрении дела также не ссылаясь.

(Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 12 марта 2013 г. № 24-КГ13-1, постановление Суда по интеллектуальным правам от 3 сентября 2014 г. по делу № А55-17979/2013)

5. Организация эфирного и кабельного вещания в деле о защите ее смежных прав должна доказать, что публичное исполнение телепередачи осуществлялось ответчиком в месте с платным входом.

Акционерное общество обратилось в арбитражный суд с иском к обществу с ограниченной ответственностью (далее – общество) о взыскании компенсации за нарушение исключительных прав акционерного общества как организации эфирного и кабельного вещания на использование сообщения телепередач путем публичного исполнения телепередач обществом в гостинице (п. 1 и подп. 6 п. 2 ст. 1330 ГК РФ).

Суд первой инстанции, отказывая в иске, исходил из недоказанности факта публичного исполнения телепередач, сочтя, что истец не доказал факт взимания ответчиком платы непосредственно за вход в гостиницу либо включения в стоимость гостиничного номера услуг спутникового телевидения и тем самым обстоятельства извлечения собственной прибыли.

Суд апелляционной инстанции, отказывая в удовлетворении требования акционерного общества, исходил из следующего.

Из положений подп. 6 п. 2 ст. 1330 ГК РФ следует, что публичное исполнение радио- или телепередачи является их использованием только в случае их сообщения в местах с платным входом.

Следовательно, публичное исполнение телепередач в местах со входом без взимания платы, то есть свободных для посещения, не нарушает исключительные права акционерного общества.

Суд апелляционной инстанции сделал вывод, что истец не доказал факт того, что ответчик взимал плату непосредственно за вход в гостиницу либо включал в стоимость гостиничного номера услуги спутникового телевидения и тем самым извлекал прибыль. Нахождение сообщаемого телепередачи телеприемника в помещении гостиницы само по себе не является нарушением исключительных прав акционерного общества на использование сообщений телепередач.

(Постановление Суда по интеллектуальным правам от 22 июня 2015 г. по делу № А23-4387/2014)

6. Действия курьера исключительно по доставке книги от продавца покупателю не являются использованием содержащихся в ней произведений, указанным в подп. 2 п. 2 ст. 1270 ГК РФ.

К. обратился в суд с иском к организации, оказывающей курьерские услуги (далее – курьер), книжному торговому дому, организации, осуществляющей продажу товаров дистанционным способом (далее – продавец), о взыскании компенсации за нарушение авторского права, компенсации морального вреда, указав, что является автором сочинений, опубликованных в 1997 году, в 2005 году издательством было введено в гражданский оборот книжное издание. При сопоставлении текстов сочинений, размещенных в этом издании, было установлено частичное копирование произведения, автором которого является К. В 2011 году К.

заказал данный сборник через интернет-магазин у организации, осуществлявшей дистанционную торговлю. Полагал, что таким образом ответчики распространили книгу (сборник), в которой без согласия истца воспроизводятся фрагменты сочинений, автором которых он является.

Решением суда, оставленным без изменения апелляционным определением, исковые требования удовлетворены.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации отменила состоявшиеся по делу судебные постановления, указав следующее.

Удовлетворяя исковые требования, суд исходил из того, что доставка сборника была произведена курьером, при этом на выданном К. чеке была проставлена отметка о том, что продавцом является курьер по поручению организации, осуществляющей продажу дистанционно, а потому сделкой, совершенной курьером от своего имени и по поручению организации, нарушены права К. как автора сочинений.

Вместе с тем судом установлено, что дистанционная торговля с использованием сети «Интернет», где размещаются каталоги предполагаемых к реализации товаров, в том числе книг, осуществляется продавцом.

Исходя из положений ст. 499 ГК РФ по договору розничной купли-продажи с условием о доставке товара покупателю на продавца возлагается обязанность не только передать товар покупателю, но и доставить его.

Обязанность доставки покупателю заказанного товара осуществил ответчик (курьер) на основании агентского договора, заключенного с продавцом, согласно которому агент (курьер) обязался по поручению принципала (продавца), от своего имени и за счет принципала, за вознаграждение доставлять заказы клиентам принципала – физическим лицам по адресам, указанным принципалом, и принимать оплату за них, перечислять принципалу полученные за заказы денежные средства за вычетом вознаграждения.

Исполнение обязательства может быть возложено должником на третье лицо, если из закона, иных правовых актов, условий обязательства или его существа не вытекает обязанность должника исполнить обязательство лично. В этом случае кредитор обязан принять исполнение, предложенное за должника третьим лицом (п. 1 ст. 313 ГК РФ).

С учетом положений п. 1 ст. 313 ГК РФ исполнение обязанности продавца по доставке товара покупателю может быть возложено им на третье лицо, что не влечет замену продавца по договору купли-продажи на указанное лицо.

По смыслу п. 1 ст. 1005 ГК РФ, предметом агентского договора является совершение агентом юридических и фактических действий от своего имени, но за счет принципала либо от имени и за счет принципала.

Следовательно, в случае, если на агента возложена обязанность по совершению юридических и фактических действий не по заключению, а по исполнению договора розничной купли-продажи, заключенного между принципалом и третьим лицом, агент не приобретает права и не становится обязанным по указанному договору, а несет ответственность лишь за надлежащее совершение действий по его исполнению, предусмотренных в агентском договоре.

В силу положений приведенной нормы права и условий агентского договора курьер не приобрел права и обязанности продавца, вытекающие из договора купли-продажи, поскольку обеспечивал его исполнение только в части поставки товара,

заказанного ранее продавцом, а также получения и передачи денежных средств от покупателя к продавцу за вычетом вознаграждения.

Согласно подп. 2 п. 2 ст. 1270 ГК РФ использующим произведение может быть признано лицо, которое распространяет указанное произведение путем продажи или иного отчуждения его оригинала или экземпляров.

Таким образом, действия курьера по осуществлению исключительно поставки товара от продавца покупателю (К.) не являются использованием произведения, указанным в подп. 2 п. 2 ст. 1270 ГК РФ.

Вопрос о нарушении действиями ответчиков иных принадлежащих истцу авторских прав, подлежащих защите в судебном порядке, путем их неправомерного использования судом не исследовался и в судебном заседании не обсуждался.

(Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 27 января 2015 г. № 5-КГ14-129)

7. Возможность взыскания компенсации за нарушение исключительного права на произведение не зависит от того, знал ли нарушитель о неправомерности своих действий.

М. обратилась в суд с иском к издательству и полиграфической организации о защите авторских прав и взыскании компенсации морального вреда, указав, что ответчики нарушили ее авторские права, опубликовав в издании – фотоальбоме – 12 фотографий, автором которых она является, однако в качестве автора не указана. Поскольку договор на использование фотографий с ней не заключался, М. просила суд взыскать с ответчиков авторское вознаграждение и компенсацию морального вреда с каждого ответчика.

Решением суда исковые требования М. удовлетворены частично. С издательства взыскана компенсация за нарушение авторского права и компенсация морального вреда. В удовлетворении исковых требований к другому ответчику отказано.

Судом второй инстанции указанное решение в части удовлетворения требований М. отменено и вынесено новое решение об отказе в иске.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации отменила определение областного суда, указав следующее.

Разрешая спор и удовлетворяя частично заявленные требования, суд первой инстанции исходил из того, что издательство было не вправе включать в фотоальбом без разрешения М. фотографии, автором и обладателем интеллектуальных прав на которые она является. Нарушение авторских прав истца является основанием для возложения на ответчика (издательство) ответственности.

Отменяя решение суда и отказывая М. в удовлетворении исковых требований, суд второй инстанции исходил из того, что издательство не знало об авторстве М. на спорные фотографии, в связи с чем отсутствовала вина ответчика в нарушении авторских прав истца и не имелось оснований для возложения на него ответственности.

Вместе с тем согласно ст. 1301 ГК РФ в случаях нарушения исключительного права на произведение автор или иной правообладатель наряду с использованием других применимых способов защиты и мер ответственности, установленных Кодексом (ст. 1250, 1252 и 1253), вправе в соответствии с п. 3 ст. 1252 Кодекса

требовать по своему выбору от нарушителя вместо возмещения убытков выплаты компенсации в установленном размере.

Исходя из положений п. 3 ст. 1250 ГК РФ в редакции, действовавшей на момент рассмотрения дела, основанием для взыскания компенсации являлся доказанный факт нарушения авторских прав, компенсация не ставилась в зависимость от того обстоятельства, знал ли нарушитель о неправомерности своих действий.

Судом установлено, что договор с М. на использование фотографий, автором которых она является, не заключался, между тем указанные фотографии были опубликованы в изданном сборнике.

Кроме того, в силу п. 3 ст. 1250 ГК РФ отсутствие вины нарушителя не освобождает его от обязанности прекратить нарушение интеллектуальных прав, а также не исключает применения в отношении нарушителя мер, направленных на защиту таких прав.

(Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 19 апреля 2011 г. № 77-В10-9).

Федеральным законом от 12 марта 2014 г. № 35-ФЗ в ст. 1250 ГК РФ были внесены изменения. Согласно новой редакции п. 3 названной статьи меры ответственности за нарушение интеллектуальных прав подлежат применению при наличии вины нарушителя, если иное не установлено Кодексом.

Отсутствие вины доказывается лицом, нарушившим интеллектуальные права.

Если иное не установлено ГК РФ, предусмотренные подп. 3 п. 1 и п. 3 ст. 1252 Кодекса меры ответственности за нарушение интеллектуальных прав, допущенное нарушителем при осуществлении им предпринимательской деятельности, подлежат применению независимо от вины нарушителя, если такое лицо не докажет, что нарушение интеллектуальных прав произошло вследствие непреодолимой силы, то есть чрезвычайных и непредотвратимых при данных условиях обстоятельств.

При этом отсутствие вины нарушителя не освобождает его от обязанности прекратить нарушение интеллектуальных прав, а также не исключает применение в отношении него мер, предусмотренных подп. 5 п. 1 ст. 1252, подп. 2 п. 1 ст. 1252 ГК РФ, подп. 4 п. 1 ст. 1252, осуществляемых за счет нарушителя (п. 5 ст. 1250 Кодекса).

8. Издание тиража произведения в дополнение к тиражу, вышедшему ранее без согласия авторов, само по себе не свидетельствует о незаконном использовании произведения, если на момент выхода произведения в свет издатель обладал правом на его использование.

Группа авторов обратилась в суд с иском к издательству о защите авторских прав, возмещении расходов на оплату услуг представителей, указав, что в 2001 году истцами в соавторстве подготовлен учебник для вузов под общей редакцией одного из соавторов. Осуществляя принадлежащие истцам имущественные права на учебник, они передали право на два издания учебника ответчику. Между ответчиком и ответственным редактором учебника, представлявшим весь авторский коллектив, заключено два договора – договор от 6 июня 2001 г. о передаче литературного (научного) произведения для использования со сроком действия три года с даты подписания договора и авторский договор от 15 ноября

2006 г. со сроком действия четыре года с момента выхода в свет первого тиража учебника, изданного в рамках этого договора.

В период отсутствия у ответчика законных оснований для использования учебника им в нарушение принадлежащих истцам исключительных прав осуществлено и зарегистрировано в ФГУ «Российская книжная палата» еще одно издание учебника общим тиражом 7 000 экземпляров: 4 000 экземпляров – первый тираж (подписан в печать 24 октября 2005 г.) и дополнительный тираж – 3 000 экземпляров (подписан в печать 9 ноября 2006 г.), а также осуществлено его распространение. Осуществленное ответчиком издание учебника общим тиражом 7 000 экземпляров с нарушением принадлежащих истцам исключительных прав на использование этого учебника дает истцам право требовать от ответчика компенсацию в двукратном размере стоимости всех экземпляров учебника, изготовленных с нарушением авторских прав, в части, пропорциональной объему созданного авторского текста учебника.

Решением суда, оставленным без изменения апелляционным определением, заявленные иски удовлетворены частично.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации не согласилась с выводами нижестоящих судов по следующим основаниям.

Разрешая спор и удовлетворяя частично заявленные требования, суд исходил из того, что второй тираж учебника, вышедший в свет в январе 2007 года, является дополнительным тиражом к незаконно вышедшему в 2005 году тиражу, он воспроизведен и распространен ответчиком без разрешения правообладателей, его правовая связь с авторским договором от 15 ноября 2006 г. отсутствует. Указанный авторский договор, по мнению суда, не легализует то издание учебника, которое ответчик осуществил или подготовил без законных оснований.

Между тем для признания использования произведения законным не имеет значения, основным или дополнительным тиражом оно выпущено, имеет значение лишь то, обладало ли лицо на момент выхода произведения в свет правом на его использование.

Издательство осуществило выпуск в свет дополнительного тиража произведения в период действия авторского договора от 15 ноября 2006 г., в связи с чем, по смыслу положений Закона Российской Федерации от 9 июля 1993 г. № 5351-1 «Об авторском праве и смежных правах», действовавшего на момент возникновения спорных правоотношений, имело право на издание учебника; нарушения авторских прав истцов допущено не было, что не было учтено судом.

В решении суда не приведена правовая норма, позволяющая признать использование литературного произведения в период действия договора незаконным по тому основанию, что тираж издан в дополнение к тиражу, вышедшему ранее без согласия авторов.

(Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 31 мая 2011 г. № 5-В11-22)

9. Истец, обращающийся в суд за защитой прав на персонаж как на часть произведения, должен обосновать, что такой персонаж существует как самостоятельный результат интеллектуальной деятельности.

Партнерство обратилось в арбитражный суд с иском к индивидуальному предпринимателю о взыскании компенсации за нарушение исключительных прав

на использование персонажей детского мультипликационного сериала по 10 000 руб. за каждый из 7 персонажей.

Решением арбитражного суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением арбитражного суда апелляционной инстанции, исковые требования удовлетворены, с ответчика в пользу истца взыскано 70 000 руб. Суды сочли, что ответчиком допущено нарушение исключительного права на все 7 персонажей, вместе с тем признаков, в силу которых указанные герои аудиовизуального произведения могут быть в соответствии с п. 7 ст. 1259 ГК РФ признаны персонажами как объектами авторского права, не определили.

Постановлением арбитражного суда кассационной инстанции судебные акты изменены. Исковые требования удовлетворены частично. С предпринимателя в пользу партнерства взыскано 10 000 руб. – компенсация за нарушение исключительных прав. При этом суд не согласился с правовой позицией судов первой и апелляционной инстанций относительно определения охраняемого объекта авторского права, пришел к выводу, что незаконное использование нескольких частей (персонажей) одного произведения, даже являющихся самостоятельными объектами авторских прав, составляет одно нарушение исключительного права на произведение.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации (далее – Судебная коллегия), отменяя постановление суда кассационной инстанции и направляя дело в данный суд на новое рассмотрение, руководствовалась следующим.

Исходя из положений п. 3 и п. 7 ст. 1259 ГК РФ персонаж произведения может быть объектом авторских прав, если он по своему характеру признан самостоятельным результатом творческого труда автора (п. 7 ст. 1259) и выражен в какой-либо объективной форме (п. 3 ст. 1259).

Из п. 21 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 19 июня 2006 г. № 15 «О вопросах, возникших у судов при рассмотрении гражданских дел, связанных с применением законодательства об авторском праве и смежных правах» и п. 29 постановления Пленума Верховного Суда РФ № 5, Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ № 29 от 26 марта 2009 г. «О некоторых вопросах, возникших в связи с введением в действие части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» (далее – постановление Пленума № 5/29) следует, что поскольку принадлежность части произведения, названия произведения и персонажа произведения к объектам авторского права обусловлена тем, что они по своему характеру являются самостоятельным результатом творческого труда, повлекшим возможность их использования независимо от самого произведения в целом, в каждом конкретном случае следует устанавливать наличие у таких объектов признаков, позволяющих сделать такой вывод.

По мнению Судебной коллегии, вывод суда кассационной инстанции не учитывает положений п. 7 ст. 1259 ГК РФ, призванных обеспечить правовую охрану части произведения, названию произведения, персонажу произведения наряду с охраной самого произведения и независимо от всего произведения в целом.

В связи с этим признание отдельных действующих героев мультипликационного сериала персонажами в смысле положений п. 7 ст. 1259 ГК РФ может повлечь нарушение авторского права на часть этого произведения как

объекта охраняемых авторских прав и взыскание данной компенсации за каждый факт такого нарушения.

Наличие признаков, позволяющих считать перечисленных истцом действующих героев (всех или отдельных) такими персонажами произведения и воспроизведенные на закладках отдельные фрагменты мультипликационного сериала с изображением этих героев частями указанного произведения, которые по своему характеру могут быть признаны самостоятельным результатом творческого труда, подлежало установлению судами при рассмотрении дела.

С учетом положений п. 1 ст. 1263, п. 7 ст. 1259 ГК РФ, а также разъяснений, содержащихся в п. 29 постановления Пленума № 5/29, персонажем аудиовизуального произведения как самостоятельным результатом творческого труда автора могут являться созданные и зафиксированные в аудиовизуальном ряде мультфильмов динамические рисованные (кукольные) образы главных героев, в отличие от других действующих героев обладающие такой совокупностью признаков, которые делают их оригинальными, узнаваемыми и отличительными от других героев в силу их внешнего вида, движений, голоса, мимики и иных других признаков, предназначенных для зрительного и слухового (в случае сопровождения звуком) восприятия.

При этом истец, обращающийся в суд за защитой прав на персонаж как на часть произведения, должен обосновать, что такой персонаж существует как самостоятельный результат интеллектуальной деятельности.

Выводов о наличии или отсутствии оснований для признания указанных истцом действующих лиц аудиовизуального произведения персонажами этого произведения, а размещенных с их изображением на канцелярских товарах фрагментов из указанного сериала частями произведения как объектами авторских прав в соответствии с п. 7 ст. 1259 ГК РФ, судами не сделано.

На основании п. 28 постановления Пленума № 5/29 при анализе вопроса о том, является ли конкретный результат объектом авторского права, судам следует учитывать, что, по смыслу ст. 1228, 1257 и 1259 ГК РФ в их взаимосвязи таковым является только тот результат, который создан творческим трудом. При этом надлежит иметь в виду, что пока не доказано иное, результаты интеллектуальной деятельности предполагаются созданными творческим трудом.

Отсутствие указанной оценки не позволяет определить объекты авторских прав, в отношении которых допустил нарушение ответчик, характер нарушения, а соответственно, размер компенсации, подлежащий взысканию на основании ст. 1301 ГК РФ.

(Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 11 июня 2015 г. № 309-ЭС14-7875)

10. Незаконное использование части произведения, названия произведения, персонажа произведения является нарушением исключительного права на произведение в целом, если не доказано, что часть произведения является самостоятельным объектом охраны.

Совместное использование нескольких частей и (или) персонажей одного произведения образует один факт использования.

Партнерство обратилось в арбитражный суд с иском к обществу с ограниченной ответственностью о взыскании компенсации за нарушение его

исключительных прав, выразившееся в размещении на реализованной ответчиком футболке персонажей детского мультипликационного сериала.

Решением арбитражного суда первой инстанции требования истца удовлетворены в полном объеме. Суд взыскал компенсацию на основании ст. 1301 ГК РФ за незаконное размещение на товаре каждого отдельно взятого персонажа мультипликационного сериала.

Отменяя решение суда первой инстанции, арбитражный суд апелляционной инстанции сделал вывод о том, что с ответчика в пользу истца подлежит взысканию компенсация за нарушение исключительных прав на произведение как за одно правонарушение.

Суд указал, что правовой охране подлежит произведение, в котором персонаж понимается как его часть, содержащая описание или изображение того или иного действующего лица в форме (формах), присущей (присущих) произведению. Незаконное использование персонажа произведения является нарушением исключительного права на само произведение.

В связи с этим реализацию товара, на котором размещены изображения нескольких персонажей одного произведения (детского мультипликационного сериала), следует рассматривать как одно правонарушение.

(Судебные акты по делам № А35-7619/2013, А45-13982/2013, А41-66126/2013, А40-107382/2013)

11. Воспроизведение правомерно опубликованного произведения для удовлетворения профессиональных потребностей без согласия автора или иного правообладателя и без выплаты вознаграждения законом не предусмотрено.

Отсутствие вины нарушителя не освобождает его от обязанности прекратить нарушение интеллектуальных прав и не исключает применение в отношении его мер, направленных на защиту таких прав.

М. обратилась в суд с иском к В. о защите права авторства и исключительного права на использование произведения, указав, что является автором и обладателем исключительных прав на отдельные главы книги; в 2008 году издательством университета был опубликована книга, автором которой указан В. Данное издание содержит разделы (темы), в содержании которых частично воспроизведено содержание глав книги М., при этом В. не получал согласия М. на воспроизведение глав книги М.

М. полагала, что при издании книги В. были нарушены ее авторские права, и просила суд обязать ответчика опубликовать в СМИ сведения о нарушении ответчиком ее авторских прав с указанием имени действительного правообладателя, взыскать с ответчика компенсацию морального вреда за нарушение права авторства, компенсацию за нарушение исключительного права на использование произведения, а также запретить повторное издание или допечатку, опубликование в электронном виде, распространение в сети «Интернет», в электронных правовых базах книги В. с включением положений чужого произведения, автором которого является М.

Решением суда, оставленным без изменения судом второй инстанции, в удовлетворении иска отказано.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской

Федерации отменила вынесенные по делу судебные постановления по следующим основаниям.

Суд первой инстанции, разрешая дело и отказывая М. в иске, сослался на то, что частичное использование ответчиком опубликованного произведения в печатном виде курса лекций в незначительном количестве экземпляров имело место в его профессиональной деятельности – преподавательской, а именно для чтения лекций, т.е. в целях удовлетворения собственных профессиональных потребностей, что является воспроизведением в личных целях. Виновных действий, повлекших нарушение прав истца, ответчиком совершено не было.

Между тем положения ст. 1273 ГК РФ (в редакции, действующей на момент рассмотрения дела судом), допускающие без согласия автора или иного правообладателя и без выплаты вознаграждения воспроизведение гражданином исключительно в личных целях правомерно обнародованного произведения, составляют исключение из общего правила об исключительном праве автора произведения на его использование и предоставляют права третьим лицам на свободное использование чужого произведения только при доказанности воспроизведения в личных целях.

Воспроизведение правомерно опубликованного произведения для удовлетворения профессиональных потребностей без согласия автора или иного правообладателя и без выплаты вознаграждения законом не предусмотрено.

Учитывая разъяснения, содержащиеся в п. 34 постановления Пленума № 5/29 и п. 32 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 июня 2006 г. № 15 «О вопросах, возникших у судов при рассмотрении гражданских дел, связанных с применением законодательства об авторском праве и смежных правах», для признания воспроизведения, осуществляемого исключительно в личных целях, необходимо наличие совокупности таких признаков, как некоммерческий характер использования (использование, не приносящее доход) и аудитория последующего использования произведения, а именно потребности пользователя или круга его семьи. Отсутствие одного из этих признаков свидетельствует об иных, не личных целях воспроизведения.

Использование ответчиком напечатанной (воспроизведенной) книги в процессе повседневной трудовой преподавательской деятельности для чтения лекций нельзя считать личным использованием, поскольку в данном случае она используется не для собственных (семейных, бытовых) потребностей и не для решения своих личных дел в процессе работы, а для потребностей обучающихся. Профессиональная деятельность преподавателя не является его личной сферой, не является и деятельностью в личных целях, так как в процессе обучения между преподавателем и обучающимися складываются не личные связи, а отношения по обучению, конечным результатом которых является передача преподавателем знаний обучающемуся.

При этом преподавательская деятельность, в которой в том числе при чтении лекций используется воспроизведенное произведение, сопровождается получением ответчиком вознаграждения (оплата труда), что составляет его доход (выгоду). Оплачиваемая деятельность преподавателя не является благотворительной некоммерческой деятельностью. То обстоятельство, что у ответчика отсутствовал гонорар за издание произведения, для возникших между сторонами по делу правоотношений юридического значения не имеет.

В связи с этим воспроизведение В. в его книге, напечатанной издательством

университета, глав другой книги, автором которых является М., в нарушение правил, установленных ст. 1273 ГК РФ, даже в нескольких экземплярах является нарушением исключительного права автора на использование произведения.

Кроме того, согласно ст. 1274 ГК РФ допускается без согласия автора или иного правообладателя и без выплаты вознаграждения, но с обязательным указанием имени автора, произведение которого используется, и источника заимствования цитирование в оригинале и в переводе в научных, полемических, критических или информационных целях правомерно обнародованных произведений в объеме, оправданном целью цитирования, включая воспроизведение отрывков из газетных и журнальных статей в форме обзоров печати; использование правомерно обнародованных произведений и отрывков из них в качестве иллюстраций в изданиях, радио- и телепередачах, звуко- и видеозаписях учебного характера в объеме, оправданном поставленной целью.

В печатном воспроизведенном экземпляре книги В. в разделе о рекомендуемой литературе называется книга, содержащая произведения истца. Между тем чужие использованные страницы из этого произведения и имя истца в книге В. не указаны, не поставлены кавычки, а объем заимствования не оправдан целью цитирования, при этом ответчиком были нарушены правила цитирования. Указание в качестве «рекомендации прочитать», по мнению заявителя, нельзя рассматривать как цитирование, сноски или информацию об использовании самим ответчиком рекомендуемой читателям литературы. Кроме того, правила цитирования не допускают, чтобы сноска на используемое произведение давалась не в том месте, где приведена цитата, а в другом месте текста.

(Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 24 мая 2011 г. № 5-В11-32)

12. Права на персонажи аудиовизуальных произведений – мультипликационных фильмов, созданных до 3 августа 1992 года, принадлежат предприятию, осуществившему съёмку мультфильма, то есть киностудии (или её правопреемнику). У физических лиц, принимавших участие в создании мультфильмов в указанный период, отсутствуют исключительные права на мультфильмы и их персонажи.

У. обратился в суд с иском к организации о взыскании компенсации за нарушение авторских прав и запрете распространять USB-накопители, выполненные в форме игрушек с изображением персонажей мультфильмов, указывая, что он является автором этих персонажей, что ответчик без договора с автором персонажей выпускает USB-накопители в форме игрушек с изображением литературных героев и продает их, тем самым, по мнению истца, незаконно использует созданные творческим трудом истца объекты авторских прав.

Решением суда, оставленным без изменения судом второй инстанции, отказано в удовлетворении исковых требований по следующим основаниям.

В силу п. 7 ст. 1259 ГК РФ авторские права распространяются на часть произведения, на его название, на персонаж произведения, если по своему характеру они могут быть признаны самостоятельным результатом творческого труда автора и отвечают требованиям, установленным п. 3 данной статьи.

Таким образом, авторским правом охраняется как всё произведение в целом, так и любая оригинальная самостоятельная часть этого произведения, его название,

персонаж независимо от их достоинств и назначения, если они выражены в какой-либо объективной форме.

В силу ст. 1259 ГК РФ самостоятельными объектами авторских прав наряду с литературными и сценарными произведениями являются аудиовизуальные произведения.

Обладателем исключительного права на персонаж мультипликационного фильма как часть произведения является обладатель исключительного права на мультипликационный фильм, т.е. на всё произведение в целом.

Авторскими правами на аудиовизуальное произведение, а, следовательно, и на персонажи мультипликационных фильмов – действующих лиц в произведении, признается за юридическим лицом – предприятием, осуществившим съемку фильма, что соответствовало требованиям ч. 1 ст. 486 ГК РСФСР 1964 г., действовавшей на момент создания мультипликационных фильмов

В соответствии со ст. 486 ГК РСФСР 1964 г. авторское право на кинофильмы принадлежало киностудии «Союзмультфильм» как предприятию, осуществившему съемку фильмов, и действовало бессрочно (ст. 498 ГК РСФСР). Объем авторского права киностудии определялся ст. 479 ГК РСФСР и включал в себя в т.ч. право на опубликование, воспроизведение и распространение своих произведений всеми дозволенными законом способами.

Авторское право киностудии на фильмы было сохранено за ней и после введения в действие Закона Российской Федерации от 9 июля 1993 г. № 5351-I «Об авторском праве и смежных правах» (п. 4 постановления Верховного Совета РФ от 9 июля 1993 г. № 5352-I «О порядке введения в действие Закона РФ «Об авторском праве и смежных правах», ст. 6 Федерального закона от 18 декабря 2006 г. № 231-ФЗ).

Статья 6 Федерального закона от 18 декабря 2006 г. № 231-ФЗ указывает, что авторское право юридических лиц, возникшее до 3 августа 1993 г., то есть до вступления в силу Закона Российской Федерации от 9 июля 1993 г. № 5351-I «Об авторском праве и смежных правах», прекращается по истечении семидесяти лет со дня правомерного обнародования произведения, а если оно не было обнародовано – со дня создания произведения. К соответствующим правоотношениям по аналогии применяются правила части четвертой ГК РФ. Для целей их применения такие юридические лица считаются авторами произведений.

Обладателем исключительного авторского права на мультипликационные фильмы в настоящее время является ФГУП «Объединенная государственная киноколлекция» (до переименования – ФГУП «Фильмофонд киностудии «Союзмультфильм»), которое предоставило ответчику права на использование соответствующих объектов авторского права – персонажей аудиовизуальных произведений (мультипликационных фильмов) производства киностудии «Союзмультфильм».

Истец принимал участие в работе над фильмами на основании авторско-правовых договоров, с ним были заключены договоры о создании сценариев мультфильмов, соответственно, его права и обязанности, как и права и обязанности киностудии, определялись этими договорами.

В данном случае автор сценария, принимавший участие в создании мультипликационных фильмов, не вправе претендовать на обладание исключительными правами на использование этих фильмов, а также их персонажей.

В свою очередь, киностудия должна соблюдать исключительные авторские права на сценарные произведения. При этом автор не лишен права на использование созданного его творческим трудом сценарного произведения, включая и его персонажи, по своему усмотрению, в том числе путем передачи его другому лицу для создания нового произведения путем иной оригинальной экранизации, постановки, что полностью соответствует требованиям международного права, в частности Бернской конвенции по охране литературных и художественных произведений 1886 года, а также требованиям ст. 1260, 1263 ГК РФ, которые регулируют и права авторов сценарных произведений при создании аудиовизуальных произведений или при создании производных произведений.

Нарушений авторских прав автора сценария к мультипликационным фильмам при рассмотрении данного дела судом не установлено, истцом также не представлено доказательств, что третьим лицом нарушались условия заключенного с ним авторского договора на создание сценариев к мультфильмам, как не доказано и то, что третье лицо передавало кому-либо принадлежащие истцу авторские права на использование персонажей сценарных произведений.

Киностудия «Союзмультфильм» являлась единственным обладателем исключительных прав на использование созданных ею мультипликационных фильмов; в настоящее время указанные права принадлежат правопреемнику киностудии – ФГУП «Объединённая государственная киноколлекция».

Таким образом, киностудия «Союзмультфильм» заключила с ответчиком лицензионный договор, по которому ответчик получил простую (неисключительную) лицензию на использование зафиксированных в аудиовизуальном ряде мультипликационных фильмов персонажей путем их воспроизведения и распространения в пространственно-объемной форме в виде корпусов USB-накопителей. При этом согласия автора сценария к указанным мультипликационным фильмам на заключение данного лицензионного договора закон не требует, поскольку автор сценария не является обладателем исключительных прав на аудиовизуальное произведение в целом и на его часть – персонаж.

При таких обстоятельствах суд пришел к выводу о том, что выпуск и распространение ответчиком USB-накопителей в виде фигурок персонажей не нарушает законных интересов и прав истца на принадлежащие ему литературные произведения и их персонажи, поскольку при изготовлении указанных USB-накопителей эти объекты авторского права – сказки-повести и сценарии к мультипликационным фильмам – не использовались, соответственно, авторские права писателя и автора сценариев к мультипликационным фильмам не нарушались.

(Решение Басманного районного суда города Москвы от 19 апреля 2011 г., оставленное в силе определением Московского городского суда от 21 ноября 2011 г.)

13. При рассмотрении требований о защите авторских прав необходимо установление того, кто является автором результата интеллектуальной деятельности и можно ли данный результат считать таковым (то есть создан ли он творческим трудом автора).

Принцип исчерпания права, предусматривающий возможность участия в гражданском обороте именно экземпляра произведения, правомерно введенного в этот оборот, без дальнейшего согласия правообладателя, не

наделяет участников гражданского оборота правом по своему усмотрению использовать сам результат интеллектуальной деятельности (а не его экземпляр на материальном носителе) без выплаты вознаграждения правообладателю.

Сеть «Интернет» не является местом, открытым для свободного посещения, по смыслу ст. 1276 ГК РФ.

Б. обратился в суд с иском к обществу с ограниченной ответственностью, физическому лицу о защите авторских прав, указав, что является автором каталога проектов дачных домов и бань. На сайте ответчика в сети «Интернет» размещены принадлежащие ему произведения, чем нарушены его авторские права.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения апелляционным определением областного суда, в удовлетворении исковых требований отказано.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации не согласилась с постановлениями нижестоящих судов по следующим основаниям.

С учётом положений п. 1 ст. 1228 ГК РФ суду при рассмотрении дел, связанных с авторством на результат интеллектуальной деятельности, для правильного разрешения спора надлежит установить, кто является автором результата интеллектуальной деятельности и можно ли данный результат таковым считать (то есть создан ли он творческим трудом автора).

Перечень результатов интеллектуальной деятельности и приравненных к ним средств индивидуализации юридических лиц, товаров, работ, услуг и предприятий, которым предоставляется правовая охрана (интеллектуальной собственностью), содержится в п. 1 ст. 1225 ГК РФ и является исчерпывающим.

Разрешая спор, суд первой инстанции не установил, каким именно охраняемым результатом интеллектуальной деятельности являются графические эскизы, представленные Б.

Одновременно с этим, отказывая в удовлетворении исковых требований, суд первой инстанции пришёл к выводу о том, что Б. не доказал то обстоятельство, что является автором произведений, размещённых на сайте ответчика в сети «Интернет». При этом в судебном заседании было установлено, что в 2012 году Российским авторским обществом «Копирус» осуществлено депонирование экземпляра каталога, автором которого значится Б., а потому в силу положений п. 1 ст. 1300 ГК РФ его авторство презюмируется.

Суд первой инстанции также пришёл к выводу об исчерпании права, предусмотренном ст. 1272 ГК РФ.

Между тем данный принцип предусматривает возможность участия в гражданском обороте именно экземпляра произведения, правомерно введённого в этот оборот, без дальнейшего согласия правообладателя, не наделяя участников гражданского оборота правом по своему усмотрению использовать сам результат интеллектуальной деятельности (а не его экземпляр на материальном носителе) без выплаты вознаграждения правообладателю.

В соответствии со ст. 1276 ГК РФ допускаются без согласия автора или иного правообладателя и без выплаты вознаграждения воспроизведение и распространение изготовленных экземпляров, сообщение в эфир или по кабелю, доведение до всеобщего сведения произведения изобразительного искусства или

фотографического произведения, которые постоянно находятся в месте, открытом для свободного посещения, за исключением случаев, если изображение произведения является основным объектом использования или изображение произведения используется в целях извлечения прибыли.

Допускается свободное использование путем воспроизведения и распространения изготовленных экземпляров, сообщения в эфир или по кабелю, доведения до всеобщего сведения в форме изображения произведений архитектуры, градостроительства и произведений садово-паркового искусства, расположенных в месте, открытом для свободного посещения, или видных из этого места.

Ссылаясь на положения ст. 1276 ГК РФ как на ещё одно основание для отказа в удовлетворении исковых требований Б., суд не учёл, что графические эскизы, которые истец полагал результатами своего творческого труда, не относятся к перечисленным в названной норме права результатам интеллектуальной деятельности.

Кроме того, сеть «Интернет» – это информационно-телекоммуникационная сеть, которая не является местом, открытым для свободного посещения, по смыслу ст. 1276 ГК РФ, что судом также учтено не было.

(Определения Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 19 мая 2015 г. № 84-КГ15-1, от 26 мая 2015 г. № 84-КГ15-4)

14. Права на авторский контроль и надзор за реализацией архитектурного проекта, не будучи по своей правовой природе правомочиями в составе исключительного права, не предполагают возможность применения при их нарушении компенсаторного механизма, предусмотренного при нарушении имущественных авторских прав.

Ж. обратилась в суд с иском к обществу с ограниченной ответственностью, проектному институту о признании авторских прав, взыскании компенсации за их нарушение, компенсации морального вреда, указав, что ею был выполнен эскизный проект и разработка рабочей документации здания ветеринарной клиники. Полагала, что после окончания проектных работ в ходе реализации договора строительного подряда ей не была предоставлена возможность осуществления авторского надзора за строительством объекта.

Решением суда первой инстанции иск удовлетворён частично: признано авторское право Ж. на архитектурный проект, реализованный ответчиком в архитектурном объекте, строительство которого не завершено; в пользу Ж. взыскана компенсация за нарушение права на авторский надзор, а также компенсация морального вреда.

Апелляционным определением областного суда решение суда первой инстанции изменено, снижен размер взысканной компенсации.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации не согласилась с определением суда апелляционной инстанции, указав следующее.

Судом при рассмотрении спора было установлено нарушение права автора на авторский контроль, в связи с чем суд удовлетворил требование истца о взыскании компенсации в соответствии со ст. 49 Закона Российской Федерации от 9 июля

1993 г. № 5351-I «Об авторском праве и смежных правах» (далее – Закон), действовавшего на момент возникновения правоотношений.

При этом суд не учёл, что правоотношения между сторонами возникли в период действия Закона, когда был заключён договор подряда и создан архитектурный эскиз, имели длящийся характер и на момент обращения Ж. в суд с иском авторское право регулировалось положениями ГК РФ.

Право на авторский контроль (п. 2 ст. 1294 ГК РФ) по своему содержанию не является имущественным правом, имеет своей целью при реализации создание дополнительной правовой защиты от искажения авторского замысла и целостности произведения. Это право участия в реализации проекта его автора (и только автора), которое не предназначено для передачи другому лицу. Таким образом, в рамках права на использование произведения (имущественного права) сформировано самостоятельное право, не носящее имущественный характер, а потому с учётом его правовой природы за его нарушение не может применяться компенсационный механизм, предусмотренный при нарушении имущественных прав автора.

Разрешая спор, суд указал, что ответчиком нарушено неимущественное право истца как автора архитектурного проекта.

При этом суд применил положения ст. 49 Закона, которые предусматривают взыскание компенсации за нарушение исключительных прав, являющихся имущественными.

Ссылка суда на то, что нормы четвёртой части ГК РФ содержат аналогичные положения, которые позволяют применить компенсационный механизм, предусмотренный за нарушение имущественных прав, при нарушении права неимущественного, признана неправильной, поскольку нормы гражданского законодательства такой возможности не допускают.

Суд сослался также на положения ст. 25 Федерального закона от 17 ноября 1995 г. № 169-ФЗ «Об архитектурной деятельности в Российской Федерации», в соответствии с которыми лицо, право которого нарушено при осуществлении архитектурной деятельности, может требовать полного возмещения причинённых ему убытков в соответствии с гражданским законодательством Российской Федерации.

Порядок возмещения убытков предусмотрен ст. 15 ГК РФ. Размер убытков подлежит доказыванию стороной, полагающей, что они были ей причинены, чего при рассмотрении дела истцом сделано не было.

Исходя из принципа диспозитивности гражданского законодательства для реализации лицом своего права необходимо его (лица) волеизъявление, в связи с чем само по себе неосуществление Ж. права на авторский контроль не свидетельствует о нарушении его ответчиками.

Суд при разрешении спора не установил, предпринимала ли Ж. попытки реализовать своё право на авторский контроль, а также причины, по которым это право реализовано не было: в связи с препятствиями в осуществлении, чинимыми ответчиками, либо в связи с бездействием самого истца.

(Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 12 мая 2015 г. № 36-КГ15-2)

15. Исключительное право на программу для ЭВМ, созданную в рамках исполнения установленных для работника (автора) трудовых

обязанностей, первоначально возникает у работодателя, если иное не предусмотрено договором.

Б. обратился в суд с иском к ГУП о признании автором программ для ЭВМ, взыскании компенсации за нарушение исключительного права, указав, что работал на предприятии, входящем в состав ГУП, в должности инженера автоматизированной системы управления, предприятие использовало его программы для ЭВМ и не производило оплату за их использование, чем нарушило права Б. как автора.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения апелляционным определением городского суда, исковые требования удовлетворены частично: Б. признан автором программ для ЭВМ, в удовлетворении остальной части исковых требований отказано.

Судом установлено, что Б. работал в филиале ГУП с 1989 года в качестве инженера автоматизированной системы управления, с декабря 1990 года по сентябрь 2011 года – в должности начальника отдела автоматизированной системы управления.

Согласно трудовому договору Б. был обязан выполнять требования должностной инструкции, единого тарифного квалификационного справочника, правил внутреннего трудового распорядка, коллективного договора и других нормативных актов.

Из положений инструкции следовало, что в служебные обязанности истца входило осуществление руководства по внедрению аппаратно-программных проектов по совершенствованию управления производством на основе современных средств вычислительной техники, коммуникаций и связи; участие в составлении технических заданий по созданию автоматизированной системы управления предприятием и отдельных подсистем; разработка мероприятий по повышению качества и надежности автоматизированной системы управления предприятием, расширению сферы ее применения, модернизации применяемых технических средств, а также совершенствование организации и подготовки задач управления производством.

Разрешая спор, суд исходил из того, что в соответствии со ст. 12 Закона Российской Федерации от 23 сентября 1992 г. № 3523-І «О правовой охране программ для электронных вычислительных машин и баз данных» исключительное право на разработанную Б. программу принадлежало работодателю, поскольку разработка программ для ЭВМ осуществлялась Б. в рамках заключённого с ним трудового договора и возложенных на него должностной инструкцией обязанностей.

Договоров об использовании служебного произведения, на основании которых Б. могла осуществиться оплата такого использования, сторонами не заключалось.

Таким образом, суд пришёл к выводу, что в соответствии с требованиями действовавшего законодательства у Б. не имелось оснований претендовать на вознаграждение.

Кроме того, судом установлено, что разработку программ истец осуществлял для их использования на предприятии с привлечением технических ресурсов предприятия и самостоятельно внедрял разработанные программы в производственную деятельность возглавляемого им отдела, программы

использовались только на предприятии и со времени увольнения истца не используются.

При таких обстоятельствах суд отказал в удовлетворении требований о взыскании компенсации за нарушение исключительного права истца.

(Решение Тверского районного суда г. Москвы от 21 ноября 2012 г., апелляционное определение судебной коллегии по гражданским делам Московского городского суда от 28 марта 2013 г.)

16. Автор произведения определяется на основе законодательства, действовавшего на момент создания данного произведения.

Г. обратился в суд с иском к организации, Л. о признании музыкальных произведений, выраженных в объективной форме в виде нотных записей в ряде музыкальных произведений, их составными частями и имеющими по отношению к ним самостоятельное значение; признании за ним (истцом) права на получение доходов в размере 50% от совместного использования с Л. этих музыкальных произведений как за соавтором данных произведений; обязании Л. выплачивать ему (истцу) доходы в размере 50% в случае совместного использования музыкальных произведений; обязании организации соблюдать личные неимущественные права авторов на имя при воспроизведении и распространении материальных носителей, содержащих фонограммы музыкальных произведений, мотивируя свои требования тем, что данные музыкальные произведения были созданы совместным трудом с Л. в 1988 году. Его (истца) непосредственный вклад заключался в сочинении самостоятельных мелодий, которые позже вошли в указанные музыкальные произведения. В дальнейшем те части произведений, автором которых он является, исполнялись им самостоятельно публично в виде инструментальных пьес. Он (истец) является членом Общероссийской общественной организации «Российское авторское общество» (РАО) с 1989 года и за прошедший период в РАО зарегистрировал ряд произведений, в том числе инструментальные пьесы.

Решением суда, оставленным без изменения судом апелляционной инстанции, исковые требования Г. удовлетворены частично.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации с выводами нижестоящих судов не согласилась по следующим основаниям.

Разрешая спор по существу, суд первой инстанции, руководствуясь положениями части четвертой (ее ст. 1228, 1257 – 1259) ГК РФ, введенной в действие с 1 января 2008 г., пришел к выводу о частичном удовлетворении исковых требований, исходя из того, что установлен факт создания отдельных музыкальных произведений Г. и того, что эти произведения являются составными частями произведений, по поводу которых возник спор, в связи с чем эти произведения суд в мотивировочной части решения признал созданными совместным творческим трудом Л. и Г., то есть в соавторстве.

При этом суд второй инстанции, соглашаясь с тем, что к спорным правоотношениям подлежит применению Гражданский кодекс РСФСР 1964 г., указал, что применение судом первой инстанции норм четвертой части ГК РФ не привело к принятию судом незаконного решения, поскольку позиция законодателя по вопросу регулирования соавторства в Гражданском кодексе Российской

Федерации по сравнению с Гражданским кодексом РСФСР 1964 г. не изменилась.

Вместе с тем произведения, по поводу которых возник спор, созданы до 3 августа 1992 г.

С учётом разъяснений, содержащихся в п. 27 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 июня 2006 г. № 15 «О вопросах, возникших у судов при рассмотрении гражданских дел, связанных с применением законодательства об авторском праве и смежных правах», п. 2.2 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 5, Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации № 29 от 26 марта 2009 г. «О некоторых вопросах, возникших в связи с введением в действие части четвертой ГК РФ» вопрос о том, кто является обладателем прав на произведение, должен быть разрешен в соответствии с нормами ГК РСФСР 1964 г.

Это судом учтено не было, что повлекло применение не подлежащего применению закона.

Суду с учетом положений ст. 482, 475 ГК РСФСР 1964 г. следовало установить: о каких произведениях возник спор; когда выпущены в свет или выражены в объективной форме, позволяющей воспроизводить результат творческой деятельности автора, произведения, по поводу которых возник спор; аутентичность произведений, выраженных в объективной форме на представленных сторонами носителях (в частности, клавирах спорных произведений), тем, которые были выпущены в свет или выражены в объективной форме впервые; создавались ли эти произведения в соавторстве, то есть совместным творческим трудом Г. и Л.; в чем выражался творческий вклад Г. в создание этих произведений: является ли Г. соавтором или же исполнителем гитарных партий этих произведений.

Эти обстоятельства судом установлены не были.

При этом решение суда содержит взаимоисключающие выводы относительно произведений, по поводу которых возник спор, а именно: суд указывает, что эти произведения созданы в соавторстве, то есть совместным творческим трудом, при этом указывает, что они созданы с использованием других произведений, автором которых является Г., также ссылается на то, что произведения, автором которых является Г., включены в спорные произведения.

Г. изначально в исковом заявлении ссылался на то, что является исполнителем гитарных партий оспариваемых произведений, указывая при этом, что исполнителю принадлежит исключительное право на исполнение и что Л. запрещает истцу исполнять произведения. Уточнив исковые требования, Г. указывал в их обоснование, что его творческий вклад заключался в сочинении самостоятельных мелодий, которые позже вошли в спорные произведения и имеют самостоятельное значение.

Между тем, разрешая спор, суд не установил, являются ли произведения, по поводу которых возник спор, созданными с использованием других произведений, то есть производными либо составными, или же они созданы в соавторстве, а также были ли к моменту создания произведений, по поводу которых возник спор, созданы произведения, которые, как утверждал истец, вошли в оспариваемые произведения, и является ли Г. их автором.

Кроме того, суд, признав, что определенные такты в спорных произведениях имеют самостоятельное значение, не установил, имеют ли иные (оставшиеся) такты произведений самостоятельное значение. Между тем исходя из положений

ст. 482 ГК РСФСР 1964 г. в том случае, если произведение состоит из частей, каждая из них должна иметь самостоятельное значение, в ином случае оснований для признания произведения состоящим из частей не имеется и такое произведение представляет собой одно неразрывное целое.

При разрешении спора судом не был проверен довод Л. о том, что произведения, по поводу которых возник спор, представляют собой одно неразрывное целое.

Судом не учтено, что согласно ГК РСФСР 1964 г. исполнение произведения тем или иным лицом авторских прав не порождает, а смежные права объектом охраны не являлись.

Ссылки суда в решении на полиграфический вкладыш к аудиодиску с записью фонограмм произведений, на котором истец указан в качестве автора (соавтора) оспариваемых музыкальных произведений как на доказательство соавторства, а также указание суда на то, что автором произведения считается лицо, указанное в качестве такового на экземпляре произведения, нельзя признать правомерными, поскольку положение ст. 1257 ГК РФ к спорным правоотношениям не применимо, так как введено в действие с 1 января 2008 г.

По данному делу суд пришел к выводу о том, что в процессе рассмотрения дела возникли вопросы, требующие специальных познаний, в связи с чем определением суда по делу была назначена комплексная судебная музыковедческая экспертиза.

Однако мотивы назначения судом по данному делу комплексной экспертизы в нарушение требований ст. 82 ГПК РФ не приведены, проведение экспертизы поручено композиторам, данных о том, что указанные эксперты могут провести комплексную экспертизу, не имеется.

По результатам исследований общий вывод об обстоятельствах экспертами сформулирован не был, по некоторым вопросам эксперты дали противоречивые ответы.

Вместе с тем, поскольку для разрешения возникших вопросов судом была назначена комплексная экспертиза, постольку в соответствии с частью второй ст. 82 ГПК РФ по результатам исследований экспертами должен был быть сформулирован общий вывод об обстоятельствах.

Однако суд, несмотря на наличие противоречивых выводов экспертов, положил данное ими заключение в основу судебного решения, что является существенным нарушением норм процессуального права.

Суждение суда о том, что Л. не представлено доказательств, исключающих принадлежность авторских прав Г., в обоснование удовлетворения иска положено быть также не могло. Поскольку Г. заявлены требования по поводу соавторства, то именно ему надлежало представить доказательства в обоснование своих требований.

(Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 25 сентября 2012 г. № 5-КГ12-24)

17. Автор произведения, вошедшего в сложный объект, не обладает правом на его отзыв независимо от того, кому принадлежат интеллектуальные права на сам сложный объект.

Правовой режим сложного объекта распространяется на единое целое завершённое произведение, в котором невозможность использования хотя бы

одной составляющей его части приведет к утрате авторского замысла создателя сложного объекта и повлечет невозможность его дальнейшего применения.

Общероссийская общественная организация «Российское авторское общество» (далее – РАО) в интересах М. обратилась в суд с иском к учреждению культуры о взыскании компенсации за нарушение авторских прав и судебных расходов, указав следующее.

М., являющийся членом РАО, за время своей работы в учреждении создал ряд хореографических и вокально-хореографических произведений (постановок к спектаклям). В заявлении, адресованном РАО, он просил запретить ответчику исполнять его хореографию на неопределенный срок, однако впоследствии ответчик неоднократно использовал его произведения в своих выступлениях.

Решением районного суда, оставленным без изменения определением судебной коллегии по гражданским делам областного суда, исковые требования удовлетворены частично.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации отменила вынесенные по делу судебные постановления с направлением дела на новое рассмотрение в суд первой инстанции по следующим основаниям.

Разрешая дело по существу и удовлетворяя заявленные требования, суды первой и кассационной инстанций исходили из того, что исполняемые ответчиком произведения являются сложными объектами, положения абзаца второго ст. 1269 ГК РФ не применяются, поскольку их создателем является не ответчик, а истец М.

Ответчиком допущено нарушение принадлежащего М. исключительного права на произведение. Доказательств того, что им получено разрешение автора на исполнение запрещенных произведений, не представлено.

Между тем автору произведения, вошедшего в сложный объект, согласно положениям п. 1 ст. 1240, п. 1 ст. 1229, абзаца второго п. 2 ст. 1, ст. 1269 ГК РФ право отзыва произведения не принадлежит, при этом оно не ставится в зависимость от того, кому принадлежат интеллектуальные права на сам сложный объект.

Причиной отказа указанной категории авторов в праве на отзыв произведения является необходимость защиты прав и охраняемых законом интересов организатора создания сложного произведения, других авторов сложного объекта, поскольку без произведения, являющегося неотъемлемой частью сложного объекта, его дальнейшее использование невозможно.

Разрешая спор, суд пришел к выводу, что все произведения М. являются сложными объектами.

Между тем в случае, если хореографические постановки и вокально-хореографические произведения М. входят в состав сложного объекта, то в силу абзаца второго ст. 1269 ГК РФ истец не обладал правом их отзыва.

Вопрос о том, является ли заявление о запрете на исполнение хореографии реализацией права М. как автора на отзыв на основании ст. 1269 ГК РФ созданных им произведений с соответствующими последствиями или такой запрет сделан на основании какой-либо иной нормы закона, суд не исследовал.

Одновременно с этим судом не было учтено, что ст. 1240 ГК РФ называет один признак сложного объекта: он включает в себя несколько охраняемых результатов интеллектуальной деятельности, однако, по смыслу закона, он должен

представлять собой единое целое завершенное произведение, в котором невозможность использования хотя бы одной составляющей его части приведет к утрате авторского замысла создателя сложного объекта, в результате чего нарушится целостность результата интеллектуальной деятельности и его дальнейшее применение станет невозможным.

Перечень произведений, являющихся сложными объектами, указан в законе. Так, к ним относятся кинофильмы, иные аудиовизуальные произведения, театральные зрелищные представления, мультимедийные продукты, единые технологии.

Хореографические постановки и вокально-хореографические произведения сами по себе сложными объектами не являются, но могут входить в состав сложного объекта.

Какие именно произведения, исполняемые ответчиком, в которые включены произведения истца, являются сложными объектами, суд не установил, однако пришел к немотивированному выводу, что интеллектуальные права на них как на сложные объекты принадлежат М., в связи с чем последний обладал правом запретить использование своих произведений.

(Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 24 апреля 2012 г. № 45-В12-1)

18. Отсутствие в лицензионном договоре, заключенном между РАО и пользователем, указания на использование конкретных произведений конкретных авторов и перечень обнародованных произведений не свидетельствует о том, что условие о предмете договора сторонами не согласовано.

Общероссийская общественная организация «Российское авторское общество» (далее – РАО) обратилась в суд с иском к обществу о взыскании авторского вознаграждения за переданное право на публичное исполнение произведений, пени за нарушение сроков выплаты авторского вознаграждения, расходов на оплату государственной пошлины.

В обоснование требований истец указал, что между РАО и обществом заключен лицензионный договор о предоставлении права использования обнародованных произведений и дополнительное соглашение к нему, согласно которым ответчику на условиях простой (неисключительной) лицензии предоставлено право на публичное исполнение входящих в реестр (репертуар) РАО обнародованных произведений в помещении (на площадке, территории), владельцем которого является ответчик. Договор заключен на определенный срок и является действующим. За переданное по договору и дополнительному соглашению право на публичное исполнение произведений ответчик обязуется выплачивать РАО авторское вознаграждение в согласованном сторонами размере путем перечисления на расчетный счет РАО по окончании каждого месяца. Принятое по договору обязательство по выплате авторского вознаграждения за переданное право на публичное исполнение произведений ответчик не исполнил, в связи с чем образовалась его задолженность перед РАО.

Решением районного суда, оставленным без изменения судебной коллегией по гражданским делам областного суда, в удовлетворении иска отказано.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской

Федерации отменила вынесенные по делу судебные постановления, направив дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции, по следующим основаниям.

Разрешая дело, суд первой инстанции сослался на то, что оснований для удовлетворения иска РАО не имеется, поскольку дополнительным соглашением к лицензионному договору исключен пункт, предусматривающий существенное условие о предмете данного договора (сведения о названиях фактически исполнявшихся в течение отчетного периода произведений, фамилиях и инициалах (псевдонимах) их авторов), в связи с чем лицензионный договор нельзя признать соответствующим требованиям ст. 432 ГК РФ.

С такими выводами согласился суд кассационной инстанции.

В решении суд сослался на разъяснения, содержащиеся в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 июня 2006 г. № 15 «О вопросах, возникающих у судов при рассмотрении гражданских дел, связанных с применением законодательства об авторском праве и смежных правах». При этом судом не было учтено, что лицензионный договор был заключен сторонами уже после введения в действие части четвертой ГК РФ, то есть на момент его заключения и обращения РАО за судебной защитой изменилось законодательство, по вопросам применения которого давались разъяснения.

Вместе с тем, как установлено судом, РАО является объединением авторов (правопреемников авторов), основанным на членстве, которое на основании ст. 1242, 1243, 1244 ГК РФ и Устава управляет правами авторов и иных обладателей авторских прав на коллективной основе в различных сферах коллективного управления, то есть является организацией по управлению авторскими правами на коллективной основе.

В соответствии с приказом Федеральной службы по надзору за соблюдением законодательства в области охраны культурного наследия от 15 августа 2008 г. № 16 и свидетельством о государственной аккредитации организации по управлению правами на коллективной основе от 24 декабря 2008 г. РАО является аккредитованной организацией в следующей сфере коллективного управления – управление исключительными правами на обнародованные музыкальные произведения (с текстом или без текста) и отрывки музыкально-драматических произведений в отношении их публичного исполнения, сообщения в эфир или по кабелю, в том числе путем ретрансляции (подп. 6 – 8 п. 2 ст. 1270 ГК РФ).

В соответствии с п. 3 ст. 1244 ГК РФ в репертуар РАО вошли все обнародованные музыкальные произведения (с текстом или без текста) и отрывки музыкально-драматических произведений, и для их правомерного публичного исполнения на территории Российской Федерации необходимо заключить с РАО лицензионный договор о предоставлении права на публичное исполнение произведений.

Согласно заключенному РАО с ответчиком лицензионному договору общество предоставило пользователю на условиях простой (неисключительной) лицензии право на публичное исполнение входящих в реестр произведений (репертуар) РАО обнародованных произведений в помещении, владельцем которого является ответчик, а ответчик обязался ежемесячно выплачивать РАО авторское вознаграждение за публичное исполнение произведений в обусловленном размере.

Таким образом, в заключенном лицензионном договоре предусмотрен предмет договора – обнародованные произведения, входящие в реестр

произведений (репертуар) РАО.

Содержание понятия «реестр произведений (репертуар)» определено сторонами в преамбуле заключенного лицензионного договора как «обнародованные литературные, музыкальные произведения с текстом или без текста, отрывки музыкально-драматических произведений российских и иностранных авторов (иных правообладателей), коллективное управление которых осуществляет РАО».

В связи с этим выводы суда о том, что предмет договора не был согласован и лицензионный договор и дополнительное соглашение к нему являются незаключенными, признаны неправильными. Отсутствие в лицензионном договоре указания на использование конкретных произведений конкретных авторов и перечень обнародованных произведений не означает, что в данном договоре сторонами не определен его предмет, в данном случае поименованный как «произведения, входящие в реестр произведений (репертуар) РАО».

Кроме того, исключенный дополнительным соглашением пункт лицензионного договора содержал положение о том, что сведения о названиях фактически исполнявшихся в течение отчетного периода произведений, фамилиях и инициалах (псевдонимах) их авторов предоставляются ответчиком после окончания отчетного периода и пользователь несет ответственность за достоверность и полноту представляемых сведений, находился в разделе «Финансовые условия, порядок расчетов и предоставления документации» и регулировал отношения по представлению ответчиком в РАО отчетной документации. Таким образом, содержащиеся в нем положения не входили в круг существенных условий, наличие которых обязательно в лицензионном договоре (п. 6 ст. 1235 и ст. 432 ГК РФ).

(Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 3 июля 2012 г. № 18-В12-37)

19. Требования правообладателя о взыскании компенсации за нарушение авторских и (или) смежных прав подлежат удовлетворению, если ответчик не докажет, что использование произведения искусства, созданного творческим трудом автора, осуществлялось с согласия правообладателя.

Общероссийская общественная организация «Российское авторское общество» обратилась в суд с иском в интересах наследницы скульптора Тавасиева С.Д. к научно-производственной фирме о взыскании компенсации за нарушение авторских прав, ссылаясь на факты бездоговорного использования изображения памятника Салавату Юлаеву на сувенирных кружках и тарелках, которые реализовывались через торговую сеть.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения определением судебной коллегии по гражданским делам суда субъекта Российской Федерации, в удовлетворении исковых требований отказано.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации отменила состоявшиеся по делу судебные постановления и направила дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции по следующим основаниям.

Отказывая в удовлетворении исковых требований, суд первой инстанции, сославшись на положения ст. 71 ГПК РФ, указал, что имеющиеся в материалах дела копии договора от 18 февраля 1957 г., заключенного между дирекцией

художественных выставок и панорам Главного управления изобразительных искусств Министерства культуры СССР и скульптором (автором памятника) на изготовление памятника, являются недопустимыми доказательствами, подлинный экземпляр договора суду представлен не был.

Проверяя законность решения суда первой инстанции, суд второй инстанции не усмотрел оснований для его отмены, указав, поскольку из копии договора не усматривается, что скульптор, изготовивший памятник, является также и автором эскиза памятника, который был изображен на сувенирах. Кроме того, суд кассационной инстанции указал, что копия свидетельства о праве на наследство по закону надлежащим образом не заверена.

Между тем в ходе судебного разбирательства авторство скульптора Тавасиева С.Д. в отношении созданного им памятника Салавату Юлаеву ответчиком не оспаривалось.

Обстоятельств, опровергающих принадлежность авторских прав наследнице автора данного памятника культуры, в решении суда не указано.

Факт использования изображения объекта авторского права на своей продукции ответчиком не опровергался.

Кто и на каком основании в настоящий момент является обладателем авторских прав на данное произведение искусства, чьи права в случае нарушения подлежат защите, суд не установил.

С учетом положений ст. 56 ГПК РФ ответчик обязан был доказать выполнение требований действующего законодательства об охране авторских и смежных прав при использовании им произведений и (или) объектов смежных прав. В случае невыполнения данных требований ответчик в силу закона признается нарушителем авторского права и (или) смежных прав и для него должна наступить гражданско-правовая ответственность в соответствии с законодательством Российской Федерации.

(Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 2 марта 2010 г. № 49-В09-22)

20. Ретрансляция и передача в эфир телевизионных программ, содержащих авторские произведения, является использованием объектов авторского права.

Общественная организация «Российское авторское общество» обратилась в суд с иском к обществу, предоставляющему услуги по трансляции телевизионных программ по сети кабельного телевидения на территории области, о взыскании авторского вознаграждения, ссылаясь на то, что с 1 января 2006 г. ответчик осуществляет сообщение для всеобщего сведения по кабелю музыкальных произведений авторов без соответствующего соглашения.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения определением судебной коллегии по гражданским делам областного суда, в удовлетворении исковых требований отказано.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации отменила состоявшиеся по делу судебные постановления и направила дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции по следующим основаниям.

Судом при рассмотрении дела установлено, что общество согласно лицензии, выданной Федеральной службой по надзору в сфере связи, осуществляет,

используя технические средства, кабельное телевидение.

Общество также осуществляет ретрансляцию по сети кабельного телевидения ряда телевизионных программ.

В марте 2006 года общество осуществило ретрансляцию по кабельному телевидению телепрограмм, в которых были использованы произведения авторов, чьи интересы представляет РАО.

Отказывая в удовлетворении исковых требований, суд первой инстанции пришел к выводу о том, что трансляция телепрограмм не является объектом авторского права, поскольку общество не использует авторские произведения, получая от телевизионной компании не имущественные права автора, а разрешение на реализацию правомочий по сообщению программ по кабелю, и подобные правоотношения регулируются Законом Российской Федерации от 27 декабря 1991 г. № 2124-I «О средствах массовой информации». Законом обязанность по заключению лицензионных соглашений для соблюдения прав авторов возложена на ФГУП «Российская телевизионная и радиовещательная сеть». Общество несет такую обязанность лишь при выпуске собственных программ.

Между тем использованием произведения считается, в частности, сообщение его по кабелю, то есть сообщение произведения для всеобщего сведения по телевидению с помощью кабеля, провода, оптического волокна, в том числе путем ретрансляции.

В соответствии с условиями лицензионного соглашения, заключенного между ФГУП «Российская телевизионная и радиовещательная сеть» и РАО 14 июля 2004 г., о сообщении обнародованных произведений путем телевизионной передачи в эфир и радиопередачи в эфир и по кабелю (далее – Соглашение) лицензия не распространяется на сообщение произведений путем их телевизионной передачи по кабелю, проводам и иным аналогичным средствам.

Кроме того, в соответствии с Соглашением ФГУП «Российская телевизионная и радиовещательная сеть» не вправе переуступать третьей стороне право на телепередачу в эфир произведений, относящихся к репертуару РАО и полученных по данному соглашению, в том числе и право на ретрансляцию таких произведений.

С учётом положений подп. ii п. 1 ст. 11 bis Бернской конвенции по охране литературных и художественных произведений (Берн, 9 сентября 1886 г.), вступившей в силу для Российской Федерации 13 марта 1995 г., п. 2 ст. 16 Закона РФ «Об авторском праве и смежных правах» в случае, когда автор разрешает телерадиовещательной организации использовать свое произведение путем передачи в эфир, это не означает, что тем самым он санкционирует любое последующее использование его произведения (ретрансляцию, сообщение в публичных местах с помощью громкоговорителя, последующую запись переданного в эфир произведения и т.д.), для правомерного использования которого в каждом отдельном случае необходимо дополнительное разрешение автора.

В данном случае общество, предоставляющее услуги по трансляции телевизионных программ по сети кабельного телевидения, ни с авторами, ни с РАО соглашений не заключало, соответственно, право на использование произведений авторов, чьи интересы в данном деле представляет РАО, не приобрело.

При рассмотрении спора, возникшего между сторонами, суду необходимо было определить, какие правоотношения возникли между сторонами, имело ли

место использование произведений авторов и если имело, то кто является субъектом такого использования. Этого судом сделано не было, что привело к существенным нарушениям норм материального и процессуального права.

При рассмотрении дела суд установил, что общество является одновременно и «вещателем», и «оператором кабельной сети». При разрешении спора суду необходимо было с достоверностью определить правовое положение ответчика в зависимости от функций, осуществляемых им по отношению к программам, в которых использовались произведения авторов, в защиту интересов которых обратился истец.

Вывод суда о том, что в данном случае общество являлось только «оператором кабельной сети», поскольку «вещателем» оно является только при выпуске собственных программ и только в этом случае обязано заключать лицензионные соглашения для соблюдения прав авторов, признан неправильным и не основанным на материалах дела.

Из договора, заключённого ФГУП «Российская телевизионная и радиовещательная сеть» с ответчиком, видно, что он заключен на предоставление услуг по трансляции телевизионных программ в эфир на технических средствах ОРТПЦ (Областной радиотелевизионный передающий центр) с последующей их ретрансляцией по сети кабельного телевидения.

Предметом договора является трансляция телевизионных программ в эфир на технических средствах ОРТПЦ, с последующей их ретрансляцией по сети кабельного телевидения Телесети (ответчика).

Согласно договору ОРТПЦ обязуется обеспечить доставку программ телесети путем передачи телевизионного сигнала, несущего программы в эфир, а телесеть обязуется осуществлять трансляцию программ согласно стандартам качества, использовать программы только для трансляции по сети кабельного.

Из данного договора следует, что ответчику доставлялись программы, а он их в дальнейшем транслировал по сети кабельного телевидения.

Суд оценку данным условиям договора не дал и не указал, почему он считает, что доводы истца о том, что в данном случае имело место использование произведений путем сообщения по кабелю, в том числе путем ретрансляции, являются необоснованными.

В то же время суд в решении указал, что ответчик приобрел по договору не право на использование авторских произведений, а разрешение на сообщение по кабельной сети телепрограмм. При этом суд не принял во внимание, что именно в телепрограммах использованы авторские произведения, за защитой нарушенного права, на использование которых обратился истец, а факт сообщения по кабелю произведений является использованием произведения.

Ссылка в решении суда на то, что общество обязано обеспечить трансляцию программ без изменений и модификации в соответствие с сеткой вещания ОРТПЦ, не имея права прерывать трансляцию программ, производить их частичную замену или дополнять включением по своему усмотрению собственных видеоматериалов или продукции других компаний, в обоснование вывода, что ответчик не использовал произведения, также признана неправильной.

Данное условие договора определяет порядок использования доставленных программ и их трансляцию по сети кабельного телевидения, и не свидетельствует, о том, что при сообщении произведений, включенных в программы, отсутствует факт их использования. Запрет на изменение программ не означает

неиспользование произведений, включенных в эти программы, при сообщении их по кабелю в неизменном виде.

Отказывая в удовлетворении заявленных требований, суд также исходил из того, что истец не доказал, что ответчик использовал музыкальные произведения, на которые имеется ссылка в исковом заявлении.

Однако суд не учел, что ответчик не оспаривал факт трансляции телепрограмм, представленных ФГУП «Российская телевизионная и радиовещательная сеть».

Кроме того, суд в нарушение требований ст. 56 ГПК РФ неправильно распределил обязанности по доказыванию обстоятельств, на которые ссылались стороны.

Согласно п. 14 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 июня 2006 г. № 15 «О вопросах, возникших у судов при рассмотрении гражданских дел, связанных с применением законодательства об авторском праве и смежных правах» при разрешении вопроса о том, какой стороне надлежит доказывать обстоятельства, имеющие значение для дела о защите авторского права или смежных прав, суду необходимо учитывать, что ответчик обязан доказать выполнение им требований указанного закона при использовании произведений и (или) объектов смежных прав. В противном случае физическое или юридическое лицо признается нарушителем авторского права и (или) смежных прав и для него наступает гражданско-правовая ответственность в соответствии с законодательством Российской Федерации.

(Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 14 октября 2008 г. № 86-В08-18)

21. Использование оператором кабельной сети авторского произведения без разрешения правообладателя повлекло нарушение авторского права.

Общероссийская общественная организация «Российское авторское общество» обратилась в суд с иском к обществу о взыскании компенсации за нарушение авторских прав, ссылаясь на то, что общество является коммерческой организацией, осуществляющей предпринимательскую деятельность по предоставлению населению платных услуг кабельного телевидения на основании заключаемых с абонентами договоров. При совершении действий в защиту прав, управлением которых занимается РАО, были выявлены факты нарушения ответчиком исключительного имущественного авторского права на сообщение произведения для всеобщего сведения по кабелю.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения определением судебной коллегии по гражданским делам областного суда, в удовлетворении исковых требований отказано.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации отменила состоявшиеся по делу судебные постановления и направила дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции по следующим основаниям.

При рассмотрении дела судом установлено, что 30 декабря 2005 г. РАО и организация-вещатель заключили лицензионное соглашение, в соответствии с которым РАО предоставляет вещателю неисключительную лицензию на сообщение на территории Российской Федерации обнародованных произведений,

относящихся к репертуару РАО для всеобщего сведения путем их телевизионной передачи в эфир.

1 февраля 2007 г. между организацией-вещателем и обществом, осуществляющим предпринимательскую деятельность по предоставлению населению платных услуг кабельного телевидения, заключен договор о передаче прав.

В соответствии с указанным договором организация-вещатель в период с 1 февраля 2007 г. за вознаграждение предоставляет обществу неисключительное право на ретрансляцию (право на сообщение для всеобщего сведения по кабелю) всех произведений, являющихся содержанием формируемой организацией-вещателем телепрограммы.

На основании указанного договора в феврале 2007 г. общество осуществило ретрансляцию по кабельному телевидению телепрограммы, в которой были использованы музыкальные произведения иностранных авторов, имущественными правами которых на территории Российской Федерации управляет РАО.

Отказывая в удовлетворении исковых требований, суд первой инстанции исходил из того, что ответчик, являясь оператором кабельной сети, не осуществляет использование объектов авторского права, поскольку общество не участвует в формировании телевизионных программ, а оказывает населению лишь услуги связи, получая от телевизионной компании разрешение на реализацию правомочий по сообщению программы по кабелю, в связи с чем обязанность по осуществлению выплат правообладателям за использование их произведений на ответчика возложена быть не может.

Между тем в соответствии с условиями лицензионного соглашения, заключенного между РАО и организацией-вещателем 30 декабря 2005 г., о сообщении обнародованных произведений путем телевизионной передачи в эфир, лицензия не распространяется на сообщение произведений путем их телевизионной передачи по кабелю, проводам и иным аналогичным средствам.

Кроме того, в соответствии с соглашением организация-вещатель не вправе переуступать третьей стороне право на телепередачу в эфир произведений, относящихся к репертуару РАО и полученных по данному соглашению, в том числе и право на ретрансляцию таких произведений.

Как следует из содержания п. 2 ст. 16 Закона Российской Федерации от 9 июля 1993 г. № 5351-1 «Об авторском праве и смежных правах», действовавшего на момент возникновения спорных правоотношений, в случае, когда автор разрешает телерадиовещательной организации использовать свое произведение путем передачи в эфир, это не означает, что тем самым он санкционирует любое последующее использование его произведения (ретрансляцию, сообщение в публичных местах с помощью громкоговорителя, последующую запись переданного в эфир произведения и т.д.), для правомерного использования которого в каждом отдельном случае необходимо дополнительное разрешение автора.

В данном случае общество, предоставляющее услуги по трансляции телевизионных программ по сети кабельного телевидения, с РАО надлежащих соглашений не заключало, соответственно, право на использование произведений иностранных авторов, чьи интересы в этом деле представляет РАО, не приобрело.

Материалами дела подтверждено, что РАО относится к числу организаций, управляющих имущественными правами на коллективной основе; является членом

Международной конфедерации обществ авторов и композиторов (СИЗАК), созданной с целью обеспечения охраны и защиты создателей духовных ценностей и координации технической деятельности между обществами авторов и композиторов.

В качестве доказательств, подтверждающих полномочия РАО на управление имущественными авторскими правами иностранных авторов, истец представил заключенные договоры о взаимном представительстве интересов между РАО и иностранными авторскими обществами, а также выписки из системы IPI о принадлежности иностранных авторов к членам зарубежных авторско-правовых организаций.

Следовательно, РАО также вправе представлять интересы зарубежных авторов, являющихся членами авторско-правовых организаций.

При этом список IPI является международным списком авторов и используется для распределения собранного авторского вознаграждения и защиты авторских прав по всему миру, существует и распространяется между членами СИЗАК лишь в электронном виде, таким образом, информация, содержащаяся в нем, может быть получена на материальном носителе только путем распечатки соответствующих выписок.

В связи с изложенным вывод суда о том, что распечатки из системы IPI о принадлежности иностранных авторов к членам зарубежных авторских обществ, не являются допустимыми доказательствами по делу, признан неправильным.

(Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 27 октября 2009 г. № 16-В09-18)

22. Служебное задание на создание произведения может быть дано работодателем только в пределах установленных для работника (автора) трудовых обязанностей.

Б. и Т. обратились в суд с иском к акционерному обществу о взыскании денежных средств за нарушение авторских прав, ссылаясь на то, что ответчиком воспроизведены промышленным путем и распространялись произведения авторов без договора с правообладателем и без заключения соответствующей лицензии с Российским авторским обществом (РАО), что является, по мнению истцов, нарушением авторских прав.

Решением суда, оставленным без изменения определением суда второй инстанции, в удовлетворении исковых требований Б. и Т. отказано.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации с выводами нижестоящих судов не согласилась.

При рассмотрении дела судом установлено, что Б.Е. созданы 6 произведений декоративно-прикладного искусства. Данные произведения созданы Б.Е. в период с 1968 по 1976 год и заключениями художественного совета признаны авторскими произведениями. Наследником авторского права Б.Е. является Б.

Суд пришел к выводу о том, что к правоотношениям сторон подлежит применению Закон Российской Федерации от 9 июля 1993 г. № 5351-I «Об авторском праве и смежных правах», который действовал в период, когда ответчиком были воспроизведены промышленным путем и распространялись произведения, созданные Б.Е.

Отказывая в удовлетворении исковых требований Б., суд исходил из того, что все произведения декоративно-прикладного искусства, изготовленные автором Б.Е., созданы им в рабочее время за счет предприятия в порядке выполнения служебных обязанностей, в связи с чем исключительные права на использование произведений принадлежат ответчику.

При вынесении решения суд указал, что ответчик не обязан уплачивать Б. какие-либо платежи и компенсации за использование созданных Б.Е. произведений.

Между тем суд не учёл, что Закон Российской Федерации «Об авторском праве и смежных правах» введен в действие с 3 августа 1993 г., то есть после создания Б.Е. произведений декоративно-прикладного искусства.

Суд руководствовался ст. 16 Закона Российской Федерации «Об авторском праве и смежных правах», согласно которой автору в отношении его произведения принадлежат исключительные права на использование произведения в любой форме и любым способом, включая права на воспроизведение и распространение экземпляров произведения.

Б.Е. работал на заводе в качестве шлифовщика-алмазчика. Доказательств, свидетельствующих о том, что в круг служебных обязанностей Б.Е. входило создание произведений декоративно-прикладного искусства, не представлено, отсутствуют указания на это и в решении суда. Служебное задание могло быть дано работодателем только в пределах трудовых функций работника.

Каких-либо доказательств, свидетельствующих о том, что произведения декоративно-прикладного искусства, по поводу которых возник спор, являются служебными, поскольку созданы Б.Е. по служебному заданию работодателя либо в порядке выполнения служебных обязанностей, предусмотренных трудовым договором, ответчиком представлено не было.

Б.Е. во время создания произведений работал на государственном предприятии и в 1983 году еще до образования акционерного общества, был уволен с завода в связи с уходом на пенсию по возрасту.

Завод признавал авторство Б.Е., своевременно выплачивая авторские гонорары через Всесоюзное агентство по авторским правам.

Признавал авторство Б.Е. на изделия декоративно-прикладного искусства и ответчик – акционерное общество.

Вступившим в законную силу решением суда удовлетворен иск РАО, поданный в интересах авторов (наследников), в том числе и Б.Е., к акционерному обществу о взыскании авторского вознаграждения.

Другим вступившим в законную силу решением суда установлено нарушение авторских прав Б.Е. акционерным обществом и удовлетворен иск РАО, поданный в интересах Б.Е., о взыскании денежных средств за нарушение авторских прав.

Суд при вынесении решения не указал, какие иные предусмотренные законом основания в случае, если не считать произведения служебными, имелись у ответчика для использования произведений декоративно-прикладного искусства, созданных Б.Е., без согласия автора и без выплаты ему авторского вознаграждения.

При вынесении решения суд указал, что истец не представил доказательств, подтверждающих неправомерное использование созданных Б.Е. произведений.

В подтверждение факта выпуска и реализации ответчиком произведений декоративно-прикладного искусства, созданных Б.Е., истец сослался на размещенные в сети «Интернет» сведения о выпускаемой акционерным обществом

продукции по состоянию на июнь 2008 года, прейскуранты цен выпускаемой продукции, фотокопии CD-диска, купленного в магазине ответчика, с чеком и официальной информацией о выпуске продукции, ее изображением и каталогом по состоянию на 8 апреля 2004 г., каталог с CD-диска.

Таким образом, истец в соответствии с разъяснениями, данными в п. 14 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 июня 2006 г. № 15 «О вопросах, возникших у судов при рассмотрении гражданских дел, связанных с применением законодательства об авторском праве и смежных правах», представил суду доказательства, подтверждающие факт использования произведений декоративно-прикладного искусства ответчиком.

Доказательств, подтверждающих, что акционерным обществом выполнены требования Закона Российской Федерации «Об авторском праве и смежных правах» при использовании произведений, созданных Б.Е., ответчик суду не представил.

(Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 13 сентября 2009 г. № 83-В09-10)

23. Корпоративное мероприятие организации не является официальной церемонией, во время которой допускается исполнение музыкальных произведений без согласия их авторов и без выплаты авторского вознаграждения.

К. обратился в суд с иском к обществу о взыскании денежных средств за нарушение авторских прав и компенсации морального вреда, ссылаясь на то, что в июле 2006 г. им создан текст песни-гимна общества, которая стала обязательным атрибутом всех корпоративных мероприятий, проводимых ответчиком, но до настоящего времени ответчик не заключил с истцом договор о передачи прав на использование произведения.

Решением суда, оставленным без изменения определением суда второй инстанции, в удовлетворении исковых требований отказано.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации с выводами нижестоящих судов не согласилась.

Отказывая в удовлетворении исковых требований К., суд первой инстанции исходил из того, что ответчик нарушения авторских прав истца не допустил, созданный гимн компании является результатом труда нескольких авторов, а не исключительно одного истца, при создании этого произведения истец знал, для какой цели он создается, тем самым выразил желание передать результат своего труда компании, исполнение гимна на официальных мероприятиях не образует нарушения авторских прав истца.

Общество не осуществляло публичное исполнение гимна компании, воспроизведение гимна осуществлялось только на корпоративных мероприятиях, проводимых ответчиком, которые, по мнению суда, являются официальными мероприятиями.

Между тем в соответствии с Законом Российской Федерации от 9 июля 1993 г. № 5351-1 «Об авторском праве и смежных правах», действовавшим в период создания произведения и использования его ответчиком, автору в отношении его произведения принадлежат исключительные права на использование произведения

в любой форме и любым способом, в том числе при публичном исполнении произведения (ст. 16).

Статья 30 названного закона устанавливает, что право на использование объекта авторского права может передаваться только по авторскому договору, заключенному в письменной форме.

Исходя из положений ст. 4 Закона Российской Федерации «Об авторском праве и смежных правах» к публичному исполнению музыкального произведения относится любое воспроизведение данного произведения в месте, открытом для свободного посещения, которым и являются корпоративные мероприятия, проводимые обществом; корпоративное мероприятие не может являться официальной церемонией. К официальным церемониям относятся церемонии от имени государства, а также субъектов Российской Федерации.

Факты исполнения произведения ответчиком на корпоративных мероприятиях не оспаривались.

При этом судом установлено и сторонами при рассмотрении дела не оспаривалось, что авторский договор в отношении текста песни-гимна общества между истцом и ответчиком не заключался.

Таким образом, ответчик нарушил положения ст. 30 Закона Российской Федерации «Об авторском праве и смежных правах» и в соответствии со ст. 49 названного закона обязан уплатить автору компенсацию за нарушение авторских прав.

(Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 26 мая 2009 г. № 5-В09-45)

24. При исчислении 50-летнего срока действия авторского права, предусмотренного ст. 27 и 43 Закона РФ «Об авторском праве и смежных правах», не имеет значения, охранялось ли ранее произведение и в течение какого установленного прежним законодательством срока. Если ранее действовавший срок охраны закончился, но новый 50-летний не истек на 1 января 1993 года, произведение вновь получило авторско-правовую охрану.

РАО обратилось в суд с иском в интересах В., М. к театру, дому офицеров о защите авторских прав, ссылаясь на то, что при публичном показе спектакля незаконно использовалась хореография В.В. – без получения согласия от его наследников, без заключения с ними соответствующего договора и без выплаты авторского вознаграждения.

Решением суда, оставленным без изменения определением суда второй инстанции, в удовлетворении исковых требований отказано.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации с выводами нижестоящих судов не согласилась.

Судом установлено, что В.В. являлся балетмейстером спектакля, постановка и публичный показ которого состоялся в 1934 году.

23 марта 1964 г. В.В. умер, его наследниками по закону, в том числе и авторских прав, являются М. и В.

23 июня 2005 г. на сцене дома офицеров состоялся показ спектакля, поставленный театром. В театральном буклете указано, что при постановке спектакля использовалась хореография В.В., О., Е.

Отказывая в удовлетворении исковых требований, суд первой инстанции исходил из того, что показанный на сцене дома офицеров балет является самостоятельным хореографическим произведением. При этом хореографы О. и Е. творчески переработали хореографию В.В. в третьем акте балета, что, по мнению суда не является нарушением авторских прав В.В. в силу ст. 492 ГК РСФСР.

Суд также указал, что на момент первого показа балета в хореографии В.В. действовали Основы авторского права, утвержденные постановлением ЦИК СССР и С ПК СССР от 16 мая 1928 г., п. 11 которого был установлен десятилетний срок пользования авторским правом на хореографические произведения.

В связи с изложенным суд пришел к выводу о том, что срок пользования В.В. авторскими правами в отношении хореографии к балету истек в 1944 году.

Между тем в соответствии со ст. 3 постановления Верховного совета Российской Федерации от 9 июля 1993 г. № 5352-1 «О порядке введения в действие Закона РФ «Об авторском праве и смежных правах» сроки охраны авторских и смежных прав, предусмотренные ст. 27 и 43 Закона РФ «Об авторском праве и смежных правах» применяются во всех случаях, когда 50-летний срок действия авторского права или смежных прав не истек к 1 января 1993 г.

При исчислении указанного 50-летнего срока действия авторского права не имеет значения, охранялось ли ранее произведение и в течение какого установленного прежним законодательством об авторском праве срока. Если ранее действовавший срок охраны закончился, но новый 50-летний не истек на 1 января 1993 г., произведение вновь получило авторско-правовую охрану.

Поскольку на 1 января 1993 г. 50-летний срок после смерти В.В. не истек, произведения автора вновь стали охраняться авторским правом.

Таким образом, 23 июня 2005 г. (дата публичного исполнения балета) созданная В.В. хореография охранялась авторским правом, и в соответствии со ст. 16, 29, 30 Закона РФ «Об авторском праве и смежных правах» для ее правомерного использования требовалось получение разрешения наследников автора.

Кроме того, судом неправильно применены нормы материального права при определении правомерности использования хореографии В.В. путем ее переработки, поскольку суд первой инстанции руководствовался п. 1 ст. 492 Гражданского кодекса РСФСР, разрешающей свободное использование произведения, для создания нового, творчески самостоятельного произведения, однако данные правоотношения с 3 августа 1993 г. (даты вступления в силу Закона РФ «Об авторском праве и смежных правах») регулируются ст. 19 Закона РФ «Об авторском праве и смежных правах», а не ст. 492 ГК РСФСР.

Статья 19 Закона РФ «Об авторском праве и смежных правах» содержит исчерпывающий перечень случаев использования произведений без согласия авторов и без выплаты вознаграждения и не предусматривает возможности свободного использования чужого изданного произведения для создания нового произведения.

Положения ст. 492 ГК РСФСР 1964 г. не могут применяться к правоотношениям, возникшим после 3 августа 1993 г., как противоречащие действующему законодательству Российской Федерации, поскольку перечень случаев свободного использования, указанный в Законе РФ «Об авторском праве и смежных правах», не может быть расширен законодательным актом РСФСР.

При вынесении решения, суд, давая юридическую квалификацию взаимоотношений сторон и указывая нормы материального права, подлежащие применению по данному делу, не установил, когда было создано произведение, в котором использовались элементы хореографии В.В., и каким законом регулировались спорные правоотношения на момент создания данного произведения.

(Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 2 сентября 2008 г. № 78-В08-20)

25. Если не доказано, что фотографии выполнены работником в рамках исполнения служебных обязанностей и служебного задания, последний вправе требовать взыскания компенсации за нарушение исключительного права на созданные им произведения.

И. обратился в суд с иском к индивидуальному предпринимателю, издательству о взыскании компенсации за нарушение авторского права, указав, что в магазине, принадлежащем индивидуальному предпринимателю, приобрел фотоальбом, в котором имелись фотографические произведения, автором которых является он (истец). Указанные фотографии были сделаны им во время служебных командировок, когда он был корреспондентом центральной газеты погранслужбы. В его служебные обязанности входила только подготовка статей для этой газеты. Фотографии, которые включены в альбом, сделаны по собственной инициативе, собственным оборудованием и за свой счет. Поскольку права на воспроизведение произведений (фотографий) И. никому из ответчиков не передавал, он полагал, что ответчики нарушили его исключительное право на использование фотографий путем незаконного воспроизведения в фотоальбоме.

Решением суда в удовлетворении исковых требований отказано.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации отменила вынесенное судебное постановление по следующим основаниям.

Судом установлено, что между И. и издательством заключен контракт о прохождении военной службы в издательстве сроком на 5 лет.

И. проходил службу в должности постоянного корреспондента редакции газеты.

Разрешая спор и отказывая И. в удовлетворении иска, суд, руководствуясь положениями ст. 14 Закона Российской Федерации от 9 июля 1993 г. № 5351-1 «Об авторском праве и смежных правах», исходил из того, что на момент создания фотографических произведений истец состоял в служебных (трудовых) отношениях с издательством и, находясь в командировке, выполнял обязанности военной службы (служебные обязанности), в связи с чем созданные им произведения являются служебными и исключительное право на их использование принадлежит работодателю.

Между тем суд при рассмотрении дела пришел к выводу о том, что автором созданных фотографических произведений является И., что сторонами в судебном заседании не оспаривалось.

В качестве доказательства факта создания И. фотографий в порядке выполнения служебного задания в 1999 – 2000 гг. суд принял служебное задание для командировки истца в военный госпиталь в период с 26 февраля по 15 марта

2004 г., в котором И. ставятся типовые задачи о подготовке им текстовых материалов и фотоматериалов о сотрудниках госпиталя, а также финансовые документы (товарные чеки на пленку, расходный кассовый ордер, акт приемки фоторабот) за 2005 год, которые подтверждают возмещение издательством расходов И. на купленную фотопленку и оплату печати фотографий в 2005 году.

При этом суд, применяя аналогию между уничтоженными документами и сохранившимися, пришел к выводу о том, что именно в рамках служебных командировок истцу ставились задачи на проведение фотосъемок.

Между тем каких-либо доказательств того, что фотографии были созданы И. по служебному заданию работодателя и за его счет либо в порядке выполнения служебных обязанностей, предусмотренных контрактом, в суд представлено не было.

Доказательств, свидетельствующих о том, что в круг служебных обязанностей И. как постоянного корреспондента входило создание фотографических произведений, в материалах дела не имеется. Издательством таких доказательств также не представлено.

Контракт о прохождении военной службы с И. и приказ Федеральной пограничной службы Российской Федерации о назначении И. на должность также не содержат указания на то, что в обязанности И. как постоянного корреспондента входило создание в том числе фотографических произведений.

Служебное задание за 2004 год, а также имеющиеся в материалах дела финансовые документы за 2005 год не являются доказательствами, подтверждающими служебный характер фотографических произведений, созданных И. в 1999 – 2000 гг. – период нахождения в командировке, поскольку выдавались для создания иных материалов.

То обстоятельство, что служебные задания за 1999 – 2000 гг., а также денежные приходно-расходные документы и акты приема фоторабот за оспариваемый период у издательства не сохранились, также не опровергает утверждения И. о создании им фотографий не в порядке выполнения служебного задания.

О служебном характере фотографических произведений также не свидетельствует тот факт, что фотографии находились в фотоархиве издательства, и то обстоятельство, что фотографии произведены в светлое время суток (рабочее время).

Акт приема фоторабот издательством представлен не был. Кроме того, произведения находились в издательстве не в виде оригиналов-негативов, а в виде позитивов и иллюстраций к его статьям.

Тот факт, что истец в период изготовления оспариваемых произведений находился на службе в издательстве на должности постоянного корреспондента, сам по себе не может свидетельствовать о создании фотографий в качестве служебного задания.

Более того, должностная инструкция постоянного корреспондента также не свидетельствует о том, что в служебные обязанности И. входило проведение фотосъемки.

При таких обстоятельствах вывод суда первой инстанции о том, что фотографии выполнены И. в рамках исполнения служебного задания и служебных обязанностей, не подтвержден материалами дела и собранными по делу доказательствами.

С учетом того, что договор с И. на использование фотографий, автором которых он является, не заключался, а они были опубликованы в 2008 году в фотоальбоме, изданном издательством, то исключительное право И. на использование фотографий нарушено в результате указанных действий ответчика.

(Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 25 июня 2013 г. № 19-АПГ13-1)

II. Патентное право

26. Для установления факта использования изобретения необходимо установить использование каждого, а не отдельного признака изобретения, приведенного в независимом пункте содержащейся в патенте формулы изобретения.

Досрочное прекращение действия патента означает прекращение правовой охраны технического или художественно-конструкторского решения и его переход в общественное достояние в период до окончания установленного законом срока действия патента.

С момента досрочного прекращения действия патента прекращается и обязанность работодателя по выплате вознаграждения авторам служебного изобретения за его использование.

Группа авторов изобретения обратилась в суд с иском к организации (работодателю) о выплате вознаграждения за использование разработанного ими изобретения, пени за несвоевременную выплату вознаграждения, возмещении расходов на оплату государственной пошлины, указав, что 20 декабря 2001 г. организации выдан патент на это изобретение. Изобретение внедрено на производстве организации 6 января 1999 г. и продолжает использоваться, однако авторское вознаграждение за использование изобретения своевременно не выплачено.

Решением суда, оставленным без изменения вышестоящим судом, исковые требования удовлетворены.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации отменила состоявшиеся по делу судебные постановления, учитывая следующее.

Удовлетворяя заявленные исковые требования, суд исходил из того, изобретение, созданное истцами в связи с выполнением трудовых обязанностей, используется ответчиком (патентообладателем), от использования изобретения ответчик получает доход, однако авторское вознаграждение за использование изобретения своевременно не выплачивает. Кроме того, суд первой инстанции пришел к выводу о том, что действующее законодательство не содержит норм, предусматривающих прекращение выплаты вознаграждения авторам изобретения в связи с досрочным прекращением действия патента.

Статьей 1345, пп. 1, 3 ст. 1370 ГК РФ (как и ранее п. 2 ст. 8, ч. 3 п. 2 Патентного закона Российской Федерации от 23 сентября 1992 г. № 3517-1) презюмируется закрепление за работодателем исключительного права на служебное изобретение, созданное работником в связи выполнением своих трудовых обязанностей или конкретного задания работодателя, и права на

получение патента.

При этом работнику (автору) принадлежит право авторства на служебное изобретение, а также в предусмотренных законом случаях право на вознаграждение за использование служебного изобретения.

При рассмотрении дела в суде ответчик утверждал, что истцами не были представлены доказательства, подтверждающие использование организацией каждого признака формулы изобретения.

Однако суд, отклонив заявленное ответчиком ходатайство о проведении патентоведческой экспертизы, пришел к выводу о доказанности использования ответчиком формулы изобретения на том основании, что, три отличительных признака изобретения, содержащихся в формуле изобретения, указаны в регламенте производства, что подтверждает использование изобретения в производстве.

Между тем из положений п. 2 ст. 10 Патентного закона Российской Федерации от 23 сентября 1992 г. № 3517-І и п. 3 ст. 1358 ГК РФ следует, что для установления факта использования ответчиком изобретения необходимо установить использование каждого, а не отдельного признака изобретения, приведенного в независимом пункте содержащейся в патенте формулы изобретения, что судом сделано и отражено в решении не было.

Возражая против заявленных исковых требований, ответчик указал, что с марта 2009 г. организация не использует изобретение, поскольку 31 марта 2009 г. действие патента прекращено.

Момент, с которого действие патента на изобретение, полезную модель или промышленный образец прекращается досрочно на основании волеизъявления патентообладателя (по его заявлению), приурочен ко дню поступления заявления в федеральный орган исполнительной власти по интеллектуальной собственности (ст. 1364, 1399 ГК РФ).

Досрочное прекращение действия патента означает изменение режима юридической монополии, в котором находились охраняемые техническое или художественно-конструкторское решения, на режим общественного достояния в период до окончания установленного законом срока действия патента.

Приведенные нормы закона не были приняты во внимание судебными инстанциями, поскольку установив, что действие патента, выданного организации, было досрочно прекращено, суды возложили на ответчика обязанность по выплате вознаграждения всем авторам изобретения за его использование в течение всего периода, в том числе включающего время после прекращения действия патента.

(Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 17 мая 2011 г. № 46-В11-8, Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 15 февраля 2011 г. № 46-В10-31)

27. Досрочное прекращение действия патента влечет прекращение обязанности организации по выплате вознаграждения авторам изобретения за его использование.

Группа авторов обратилась в суд с иском к обществу о выплате вознаграждения за использование изобретения, пени за несвоевременную выплату вознаграждения, возмещении расходов на оплату государственной пошлины,

указав, что совместно с другими авторами разработали способ получения химического вещества. Обществу выдан патент на изобретение, оно внедрено на производстве и продолжает использоваться, однако авторское вознаграждение за использование изобретения своевременно не выплачено.

Решением суда, оставленным без изменения определением суда второй инстанции, иск удовлетворён.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации с выводами нижестоящих судов не согласилась по следующим мотивам.

Удовлетворяя заявленные исковые требования, суд исходил из того, что обществу был выдан патент на изобретение. Авторами изобретения являются заявители. Изобретение внедрено на производстве общества. Изобретение, созданное истцами в связи с выполнением трудовых обязанностей, используется ответчиком, от использования изобретения ответчик получает доход, однако авторское вознаграждение за использование изобретения своевременно не выплачивает. Кроме того, суд первой инстанции пришел к выводу о том, что действующее законодательство не содержит норм, предусматривающих прекращение выплаты вознаграждения авторам изобретения в связи с досрочным прекращением действия патента.

Между тем право на получение патента на изобретение, полезную модель или промышленный образец, созданные работником (автором) в связи с выполнением своих трудовых обязанностей или конкретного задания работодателя (служебное изобретение, служебная полезная модель, служебный промышленный образец), принадлежит работодателю, если договором между ним и работником (автором) не предусмотрено иное (п. 2 ст. 8 Патентного закона Российской Федерации от 23 сентября 1992 г. № 3517-І).

В случае, если работодатель получит патент на служебное изобретение, служебную полезную модель или служебный промышленный образец, либо примет решение о сохранении информации о таких изобретениях, полезной модели или промышленном образце в тайне, либо передаст право на получение патента другому лицу, либо не получит патент по поданной им заявке по зависящим от него причинам, работник (автор), которому не принадлежит право на получение патента на такое изобретение, полезную модель или промышленный образец, имеет право на вознаграждение (ч. 3 п. 2 Патентного закона РФ).

Аналогичные положения содержатся и в ст. 1345, пп. 1,3 ст. 1370 ГК РФ.

При этом работнику (автору) принадлежит право авторства на служебное изобретение, а также в предусмотренных законом случаях право на вознаграждение за использование служебного изобретения

Один из истцов, указанный в патенте как автор изобретения, с обществом в трудовых отношениях никогда не состоял, вследствие чего не может являться автором служебного изобретения, и в связи с чем его требование о выплате авторского вознаграждения за использование служебного изобретения не могло быть удовлетворено.

Возражая против заявленных исковых требований, ответчик указал, что с марта 2009 г. общество не использует изобретение, поскольку 31 марта 2009 г. действие патента прекращено.

Ответчик утверждал, что истцами не были представлены доказательства, подтверждающие использование обществом каждого признака формулы изобретения.

Однако суд, отклонив заявленное ответчиком ходатайство о проведении патентоведческой экспертизы, пришел к выводу о доказанности использования обществом формулы изобретения по настоящее время, на том основании, что, три отличительных признака изобретения, содержащихся в формуле изобретения, указаны в регламенте производства, что подтверждает использование обществом изобретения в производстве по настоящее время.

Из изложенных в п. 2 ст. 10 Патентного закона Российской Федерации от 23 сентября 1992 г. № 3517-І, п. 3 ст. 1358 ГК РФ требований следует, что для установления факта использования обществом в настоящее время изобретения, необходимо установить использование каждого, а не отдельного признака изобретения, приведенного в независимом пункте содержащейся в патенте формулы изобретения, что судом сделано и отражено в решении не было.

По смыслу ст. 1364 и 1399 ГК РФ, момент, с которого действие патента на изобретение, полезную модель или промышленный образец прекращается досрочно на основании волеизъявления патентообладателя (по его заявлению), приурочен ко дню поступления заявления в федеральный орган исполнительной власти по интеллектуальной собственности.

Досрочное прекращение действия патента означает изменение режима юридической монополии, в котором находились охраняемые техническое или художественно-конструкторское решение на режим общественного достояния в период до окончания установленного законом срока действия патента.

Приведенные нормы закона не были приняты во внимание судебными инстанциями, поскольку установив, что действие патента, выданного обществу, было досрочно прекращено 31 марта 2009 г., суд первой инстанции возложил на ответчика обязанность по выплате вознаграждения всем авторам изобретения за его использование в течение всего периода, в том числе включающего время после прекращения действия патента.

(Определения Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 15 февраля 2011 г. № 46-В10-31, от 17 мая 2011 г. № 46-В11-8)

28. Право преждепользования возникает не в силу решения суда, а при наличии условий, определенных п. 2 ст. 1361 ГК РФ, что не исключает возможности заявления в суд требования об установлении права преждепользования.

Общество с ограниченной ответственностью обратилось в арбитражный суд с иском к обществу о прекращении использования в производственной деятельности полезной модели.

Удовлетворяя заявленное требование, суд исходил из того, что истцу выдано свидетельство на полезную модель. Ответчиком нарушены исключительные права истца на ее использование, так как при производстве своих товаров он использует каждый признак, приведенный в независимой формуле полезной модели.

Суд апелляционной инстанции, оставляя в силе решение суда первой инстанции, отклонил доводы ответчика о том, что до даты приоритета полезной

модели ответчиком было создано независимо от истца тождественное решение и за ним сохраняется право на его дальнейшее безвозмездное использование без расширения объема.

При этом суд апелляционной инстанции указал, что ответчик встречное требование о признании права преждепользования не заявлял, следовательно, он не доказал в установленном законом порядке факт признания за ним права преждепользования в определенном объеме.

Суд кассационной инстанции отменил состоявшиеся судебные акты и направил дело на новое рассмотрение по следующим основаниям.

Согласно п. 1 ст. 1361 ГК РФ лицо, которое до даты приоритета изобретения, полезной модели или промышленного образца (ст. 1381 и 1382) добросовестно использовало на территории Российской Федерации созданное независимо от автора тождественное решение или сделало необходимые к этому приготовления, сохраняет право на дальнейшее безвозмездное использование тождественного решения без расширения объема такого использования (право преждепользования).

Из содержания п. 2 ст. 1361 ГК РФ следует, что для оценки объема права преждепользования необходимо принимать во внимание не только фактическое использование объекта исключительных прав, но и сделанные к этому приготовления.

Из смысла приведенной нормы следует, что преждепользование – это право безвозмездно использовать тождественное решение в определенном объеме и без расширения такого использования. Права преждепользователя ограничены тем объемом применения тождественного решения, который был им достигнут на дату приоритета, либо, если использование не было начато до этой даты, объемом, соответствующим сделанным приготовлениям.

Преждепользователь не вправе использовать тождественное решение в большем объеме по сравнению с тем, в каком решение использовалось или предполагалось использоваться до даты приоритета заявки. При этом устанавливаемый объем использования тождественного решения должен быть документально подтвержден.

Судебными инстанциями не исследовался вопрос о праве преждепользования и объемах его использования ответчиком.

В связи с этим суд кассационной инстанции решение суда первой инстанции и постановление суда апелляционной инстанции отменил, дело направил на новое рассмотрение в суд первой инстанции.

(Постановление Суда по интеллектуальным правам от 4 февраля 2014 г. по делу № А33-3192/2011)

29. Расширение любым путем объема использования изобретения, полезной модели или промышленного образца влечет необходимость получения преждепользователем разрешения обладателя патента на использование охраняемого патентом изобретения, полезной модели или промышленного образца.

Открытое акционерное общество обратилось в арбитражный суд с иском к государственному унитарному предприятию об обязании прекратить нарушение патента на изобретение путем запрещения изготовлять, применять, предлагать к продаже, продавать и каким-либо иным образом вводить в гражданский оборот

лекарство, предусмотренное указанным выше патентом, а также хранить указанный объект для этих целей.

Отказывая в удовлетворении требований частично, суд первой инстанции исходил из того, что согласно экспертному заключению у ответчика в соответствии со ст. 1361 ГК РФ возникло право преждепользования на изобретение – лекарственный препарат в объеме, установленном в указанном заключении.

Суд апелляционной инстанции, оставляя в силе решение суда первой инстанции, отклонил доводы ответчика о том, что его право преждепользования на изобретение – лекарственный препарат не ограничено объемом, установленным экспертами.

Суд кассационной инстанции поддержал вывод судов нижестоящих инстанций о запрете ответчику изготавливать, предлагать к продаже, продавать и иным способом вводить в гражданский оборот лекарственный препарат в объеме, превышающем указанный в экспертном заключении.

Согласно п. 1 ст. 1361 ГК РФ лицо, которое до даты приоритета изобретения, полезной модели или промышленного образца (ст. 1381 и 1382) добросовестно использовало на территории Российской Федерации созданное независимо от автора тождественное решение или сделало необходимые к этому приготовления, сохраняет право на дальнейшее безвозмездное использование тождественного решения без расширения объема такого использования (право преждепользования).

Поэтому расширение любым путем объема использования изобретения, полезной модели или промышленного образца влечет необходимость получения преждепользователем разрешения обладателя патента на использование охраняемого патентом изобретения, полезной модели или промышленного образца.

(Постановление ФАС Московского округа от 22 июля 2011 г. № КГ-А40/7807-11-П по делу № А40-49950/08-51-489; постановление Суда по интеллектуальным правам от 30 октября 2014 г. по делу № А08-2171/2012, постановление Суда по интеллектуальным правам от 28 октября 2013 г. по делу № А44-6472/2012)

30. Необходимое приготовление квалифицируется как установленное обстоятельствами дела намерение использовать на конкретном предприятии имеющееся тождественное патенту решение в технологической стадии, определяющей порядок её осуществления, которую можно объективно успешно реализовать.

Научные и иные исследования, не связанные с непосредственным внедрением в производство технологии изготовления продукта (изделия) или применения способа, не составляют необходимого приготовления к использованию тождественного решения.

Общество с ограниченной ответственностью обратилось в арбитражный суд с иском к швейной фабрике о прекращении изготавливать и распространять изделия, в которых использованы признаки, приведенные в формуле полезной модели по патенту, обладателем которого является общество.

Удовлетворяя заявленное требование, суд исходил из того, что истец является обладателем исключительных прав на полезную модель. Ответчиком нарушены исключительные права истца на ее использование, так как при производстве своих

товаров он использует каждый признак, приведенный в независимой формуле полезной модели.

Суд апелляционной инстанции, отменяя решение суда первой инстанции, принял во внимание доводы ответчика о том, что до даты приоритета полезной модели ответчиком было создано независимо от истца тождественное решение и за ним сохраняется право на его дальнейшее безвозмездное использование.

При этом суд апелляционной инстанции указал, что ответчик провел все необходимые приготовления, в том числе научные исследования для внедрения в производство технологии изготовления изделия в объеме, превышающем максимальную производственную мощность фабрики.

Суд кассационной инстанции отменил постановление суда апелляционной инстанции и направил дело на новое рассмотрение по следующим основаниям.

В соответствии с п. 1 ст. 1361 ГК РФ лицо, которое до даты приоритета изобретения, полезной модели или промышленного образца (ст. 1381, 1382 Кодекса) добросовестно использовало на территории Российской Федерации созданное независимо от автора тождественное решение или сделало необходимые к этому приготовления, сохраняет право на дальнейшее безвозмездное использование тождественного решения без расширения объема такого использования (право преждепользования).

Добросовестное использование ответчиком спорного решения в своей деятельности и, соответственно, наличие у него права преждепользования предполагается до тех пор, пока не будет доказано обратное. Обязанность по доказыванию таких обстоятельств лежит на лице, отрицающем это право, то есть в данном случае на истце.

Между тем судами не исследовался вопрос о максимальной производственной мощности фабрики в целом.

При определении объема использования тождественного технического решения необходимо учитывать критерий возможности реализации этого технического решения всеми ресурсами ответчика, существовавшими на момент создания такого решения, как если бы они все использовались только для выпуска изделий на его основе.

Таким образом, при новом рассмотрении дела суду необходимо предложить сторонам решить вопрос о проведении независимой судебно-экономической экспертизы для определения объема использования технического решения, тождественного техническому решению истца, приготовления для которого были совершены фабрикой до даты приоритета, принимая во внимание все экономические критерии.

Научные и иные исследования, не связанные с непосредственным внедрением в производство технологии изготовления продукта (изделия) или применения способа, не составляют необходимого приготовления к использованию тождественного решения.

В связи с этим суд кассационной инстанции постановление суда апелляционной инстанции отменил, дело направил на новое рассмотрение в суд первой инстанции.

(Постановление Суда по интеллектуальным правам от 28 октября 2013 г. по делу № А44-6472/2012)

31. Разработка проектной документации, в которой использован каждый признак изобретения, может быть квалифицирована как использование изобретения.

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение обратилось в арбитражный суд с иском к обществу с ограниченной ответственностью о взыскании убытков за незаконное использование изобретений.

Отказывая в удовлетворении требований, суд первой инстанции исходил из недоказанности возникновения у учреждения убытков, а также причинно-следственной связи между действиями общества и возможными убытками учреждения. Суд посчитал, что изготовление обществом спорной проектной документации для строительства здания не может быть признано введением в гражданский оборот продукта, изготовленного с использованием запатентованных технических решений (изобретений), поскольку указанные действия могут быть квалифицированы лишь как подготовка к использованию, что не является нарушением исключительного права учреждения.

Суд апелляционной инстанции посчитал ошибочными выводы суда первой инстанции о том, что при разрешении заявленного спора следует учитывать использование запатентованных технических решений, являющихся изобретениями, непосредственно при строительстве здания.

Согласно ч. 2 ст. 48 Градостроительного кодекса Российской Федерации (далее – ГрК РФ) проектная документация представляет собой документацию, содержащую материалы в текстовой форме и в виде карт (схем) и определяющую архитектурные, функционально-технологические, конструктивные и инженерно-технические решения для обеспечения строительства, реконструкции объектов капитального строительства, их частей, капитального ремонта.

В соответствии со ст. 1350 ГК РФ в качестве изобретения охраняется техническое решение.

В процессе выполнения проектных работ могут создаваться новые объекты интеллектуальной собственности.

Разработка проектной документации, в которой использован каждый признак изобретения, может быть квалифицирована как использование изобретения (постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 10 апреля 2012 г. по делу № 15339/11).

Удовлетворяя заявленное требование, суд апелляционной инстанции руководствовался ст. 15, 1350 ГК РФ и заключением судебной экспертизы, согласно которому проект здания содержит девять признаков изобретения и один эквивалентный признак (из десяти), приведенные в независимом пункте содержащейся в патенте формулы изобретения, обладателем исключительных прав на которое является учреждение.

Суд кассационной инстанции оставил в силе постановление суда апелляционной инстанции.

(Дело № А48-48/2012 Арбитражного суда Орловской области)

III. Права на средства индивидуализации юридических лиц, товаров, работ, услуг и предприятий

32. Незаконное размещение нескольких разных товарных знаков на одном материальном носителе является нарушением исключительных прав на каждый товарный знак.

Общество с ограниченной ответственностью обратилось в арбитражный суд с иском к индивидуальному предпринимателю о взыскании с него 30 000 руб. компенсации за нарушение исключительных прав на три товарных знака, размещенных на реализованном предпринимателем товаре (альбоме) без согласия правообладателя.

Решением арбитражного суда первой инстанции, оставленным без изменения арбитражным судом апелляционной инстанции, требования истца удовлетворены частично, с предпринимателя в пользу общества с ограниченной ответственностью взыскано 10 000 руб. компенсации. При этом суды исходили из реализации ответчиком одного товара, учли однократный характер нарушения и отсутствие сведений о ранее допущенных ответчиком нарушениях.

Арбитражный суд кассационной инстанции отменил решение арбитражного суда первой инстанции и постановление арбитражного суда апелляционной инстанции в части размера компенсации, удовлетворил требования истца в полном объеме.

При этом арбитражный суд кассационной инстанции указал, что суды, взыскивая компенсацию в минимальном размере, не учли, что каждый из трех товарных знаков является самостоятельным объектом исключительных прав, подлежащих защите.

В соответствии с п. 3 ст. 1252 ГК РФ¹, если одним действием нарушены права на несколько результатов интеллектуальной деятельности или средств индивидуализации, размер компенсации определяется судом за каждый неправомерно используемый результат интеллектуальной деятельности или средство индивидуализации.

Размещение нескольких товарных знаков на одном материальном носителе в этом случае является нарушением исключительных прав на каждый товарный знак. В результате неправильного исчисления компенсации за незаконное использование принадлежащих истцу товарных знаков суды взыскали компенсацию за нарушение исключительных прав в размере ниже низшего предела, установленного подп. 1 п. 4 ст. 1515 ГК РФ.

С учетом изложенного с ответчика в пользу истца подлежит взысканию компенсация в размере 30 000 руб. (по 10 000 руб. за факт нарушения исключительных прав на каждый товарный знак).

(Судебные акты по делам № А71-3897/2013, А14-7679/2013, А46-116/2014, А43-23328/2013, постановление Президиума ВАС РФ от 27 ноября 2012 г. № 9414/12; постановление Суда по интеллектуальным правам от 5 августа 2014 г. № С01-525/2014 по делу № А50-16204/2013)

¹ Пункт 3 статьи 1252 ГК РФ приведен в редакции Федерального закона от 12 марта 2014 г. № 35-ФЗ

33. Если защищаемые товарные знаки фактически являются группой (серией) знаков одного правообладателя, зависящих друг от друга, связанных между собой наличием одного и того же доминирующего словесного или изобразительного элемента, имеющих фонетическое и семантическое сходство, а также несущественные графические отличия, не изменяющие сущность товарных знаков, то нарушение прав на несколько таких товарных знаков представляет собой одно нарушение.

Общество с ограниченной ответственностью обратилось в арбитражный суд с иском к компании о взыскании с нее 840 000 руб. компенсации за незаконное использование двух товарных знаков, размещенных на этикетках ввезенной на территорию Российской Федерации продукции. Расчет компенсации производился истцом на основании подп. 2 п. 4 ст. 1515 ГК РФ в двукратном размере стоимости товаров, на которых незаконно размещен товарный знак.

Арбитражный суд первой инстанции исковые требования истца удовлетворил в полном объеме. Разрешая вопрос о размере подлежащей взысканию компенсации, суд исходил из того, что ответчиком было допущено нарушение исключительных прав истца на два товарных знака, поэтому взыскал компенсацию фактически в размере четырехкратной стоимости контрафактного товара.

Отменяя решение арбитражного суда первой инстанции в части размера компенсации, арбитражный суд апелляционной инстанции указал, что защищаемые товарные знаки истца фактически являются группой (серией) знаков одного правообладателя, которые зависимы друг от друга, связаны между собой наличием одного и того же доминирующего словесного элемента, имеют фонетическое и семантическое сходство, а также несущественные графические отличия, не изменяющие сущность товарных знаков.

С учетом этого маркировка (этикетка) каждой единицы ввезенной в Российскую Федерацию продукции нарушает права истца на принадлежащие ему два зависимых товарных знака одновременно, но количество контрафактного товара при этом не увеличивается вдвое. Поскольку компания ввезла на территорию Российской Федерации и ввела в гражданский оборот контрафактную продукцию стоимостью 210 000 руб., то исходя из двукратной стоимости ввезенной контрафактной продукции компенсация могла быть взыскана в сумме 420 000 руб.

(Постановление Президиума ВАС РФ от 26 июня 2012 г. № 2384/12; постановление Суда по интеллектуальным правам от 9 апреля 2014 г. по делу № А40-40634/2012)

34. Незаконное использование товарного знака посредством реализации товара, имитирующего товарный знак, является нарушением исключительных прав на такой товарный знак.

Компания обратилась в арбитражный суд с иском к индивидуальному предпринимателю о взыскании 10 000 руб. компенсации за нарушение прав на товарный знак. В обоснование заявленных требований компания указала, что в ходе закупки у ответчика приобретен товар – игрушка, имитирующая изображение персонажа мультипликационного сериала. Данный персонаж является зарегистрированным товарным знаком истца.

Арбитражный суд установил, что правообладатель не передавал ответчику права на использование товарного знака. Факт нарушения ответчиком исключительного права истца в результате реализации без согласия правообладателя товара – игрушки – подтверждается представленными в материалы дела доказательствами (видеозаписью реализации товара в торговой точке ответчика, товарным чеком, приобретенным товаром, приобщенным к материалам дела). При визуальном сравнении игрушки и персонажа, являющегося товарным знаком истца, установлено их сходство.

На основании п. 4 ст. 1515 ГК РФ за незаконное использование товарного знака правообладатель вправе требовать от нарушителя выплаты компенсации.

С учетом изложенного суд требования истца удовлетворил и взыскал с ответчика компенсацию в размере 10 000 руб. за нарушение исключительного права истца, выразившееся в незаконном использовании принадлежащего ему товарного знака.

(Дела № А19-3657/2014, А56-52922/2013; постановление Суда по интеллектуальным правам от 15 октября 2014 г. по делу № А76-1534/2014, постановление Суда по интеллектуальным правам от 26 марта 2015 г. по делу № А76-1541/2014)

35. При определении размера подлежащей взысканию компенсации суд не вправе по своей инициативе изменять вид компенсации, избранный правообладателем.

Открытое акционерное общество обратилось в арбитражный суд с иском к закрытому акционерному обществу о взыскании компенсации за незаконное использование комбинированного товарного знака. При расчете компенсации истец исходил из двукратного размера стоимости контрафактных товаров, произведенных и реализованных ответчиком (подп. 2 п. 4 ст. 1515 ГК РФ).

Арбитражный суд первой инстанции иски удовлетворил в части взыскания пяти миллионов рублей. Постановлением суда апелляционной инстанции решение оставлено в силе. Суды посчитали, что в данном случае сумма компенсации не подлежит исчислению по правилам, установленным подп. 2 п. 4 ст. 1515 ГК РФ, так как на произведенных товарах незаконно размещен не сам товарный знак, а сходное с ним обозначение. В связи с этим суды применили подп. 1 п. 4 ст. 1515 ГК РФ и взыскали компенсацию в максимальном размере.

Как установлено судами и подтверждается материалами дела, открытое акционерное общество является правообладателем комбинированного товарного знака, охраняемого свидетельством Российской Федерации. Судами установлено и ответчиком не оспаривалось, что общество с ограниченной ответственностью в 2011 – 2012 гг. производило и вводило в гражданский оборот однородные товары, упаковка которых имела аналогичное цветовое решение и изображение.

Суд кассационной инстанции отменил решение суда первой инстанции и постановление суда апелляционной инстанции и принял новое решение об удовлетворении иска по следующим основаниям. Нарушением исключительного права владельца товарного знака признается использование (размещение на товаре или упаковке) не только тождественного товарного знака, но и сходного с ним до степени смешения обозначения (п. 3 ст. 1484, п. 3 ст. 1515 ГК РФ).

Пунктом 4 ст. 1515 ГК РФ предусмотрены два типа компенсации, в равной

мере применимых при нарушении исключительного права на товарный знак, и правообладатель вправе сделать выбор по собственному усмотрению. Поэтому размещение на контрафактных товарах обозначения, сходного до степени смешения с товарным знаком истца, позволяет правообладателю по своему выбору требовать взыскания компенсации в размере, предусмотренном подп. 1 либо 2 п. 4 ст. 1515 ГК РФ, в том числе в двукратном размере стоимости данного товара. При этом вид компенсации не может быть изменен судом по своей инициативе, это может сделать только правообладатель (истец) до принятия по существу решения судом первой инстанции.

(Постановление Суда по интеллектуальным правам от 23 апреля 2014 г. № С01-193/2014 по делу № А45-9775/2013; апелляционное определение Московского городского суда от 26 августа 2014 г. по делу № 33-39960)

36. Компенсация в соответствии с подп. 1 п. 4 ст. 1515 ГК РФ (от 10 тыс. до 5 млн руб.) за незаконное использование товарного знака при введении в оборот товаров взыскивается за каждый случай нарушения. При этом одним случаем нарушения является одна сделка купли-продажи (оформленная одним чеком) независимо от количества проданных товаров, на которые нанесен один и тот же товарный знак, либо несколько последовательных сделок купли-продажи товара (оформленных отдельными чеками).

Общество с ограниченной ответственностью обратилось в арбитражный суд с иском к индивидуальному предпринимателю о взыскании компенсации за нарушение исключительного права на товарный знак, выразившееся в незаконном использовании товарного знака при введении товаров в оборот.

В ходе рассмотрения дела установлено, что предприниматель продал носки в количестве пяти пар, колготки в количестве трех пар и одну шапку, при этом на каждый товар незаконно нанесен товарный знак истца. Купля-продажа товара оформлена одним чеком.

Суд первой инстанции посчитал, что продажа товара является случаем использования независимо от количества проданных материальных носителей (правило «одного чека»). Следовательно, продажа одновременно нескольких единиц товара (одинакового или разного), на который незаконно нанесен товарный знак, как и продажа одной единицы товара, составляет одно нарушение. Исходя из всех обстоятельств дела, суд взыскал компенсацию в размере 10 000 руб.

Суд апелляционной инстанции изменил решение арбитражного суда первой инстанции, посчитав, что компенсация подлежит взысканию за каждый вид товара, маркированного одним и тем же товарным знаком. В связи с этим суд взыскал 30 000 руб.: по 10 000 руб. за каждый вид проданного товара (носки, колготки, шапка).

Суд кассационной инстанции постановление суда апелляционной инстанции отменил, решение суда первой инстанции оставил в силе по следующим основаниям. Компенсация в соответствии с подп. 1 п. 4 ст. 1515 ГК РФ (от 10 тыс. до 5 млн руб.) за незаконное использование товарного знака при введении в оборот товаров взыскивается за каждый случай нарушения. При этом одним случаем нарушения является одна сделка купли-продажи (оформленная одним чеком)

независимо от количества проданных товаров и вида товаров, на которые нанесен один и тот же товарный знак.

(Постановление Суда по интеллектуальным правам от 16 февраля 2015 г. по делу № А32-3419/2014)

37. При выявлении сходства до степени смешения используемого ответчиком обозначения с товарным знаком истца учитывается общее впечатление, которое производят эти обозначение и товарный знак (включая неохраняемые элементы) в целом на среднего потребителя соответствующих товаров или услуг. Вместе с тем использование исключительно неохраняемых элементов товарного знака не может быть признано нарушением.

Гражданин, являющийся обладателем исключительного права на комбинированный товарный знак, содержащий словесное обозначение «ЯрРитуалСервис», обратился в арбитражный суд с иском к О. о прекращении неправомерного использования принадлежащего ему товарного знака, содержащего словесное обозначение «Ритуал Сервис», в обозначении похоронного дома «Ритуал Сервис» с удалением спорного словесного элемента с материалов, которыми сопровождается выполнение работ и оказание услуг, в том числе с документации, рекламы, вывесок, автотранспортных средств.

Удовлетворяя заявленные требования, суд первой инстанции исходил из того, что предприниматели оказывают однородные услуги, а обозначение «Ритуал Сервис», используемое ответчиком, сходно до степени смешения с товарным знаком истца, что свидетельствует о нарушении его исключительного права.

Отменяя решение и отказывая в иске, суд апелляционной инстанции руководствовался ст. 1483 ГК РФ и признал недоказанным нарушение исключительных прав истца, поскольку используемые ответчиком слова «ритуал» и «сервис» являются неохраняемыми элементами товарного знака, поэтому ответчик вправе использовать указанные слова для индивидуализации своей предпринимательской деятельности.

Отменяя постановление суда апелляционной инстанции и направляя дело на новое рассмотрение, суд кассационной инстанции указал на необходимость оценки и исследования сходства до степени смешения двух словесных обозначений, применяемых сторонами в отношении однородного вида деятельности на одной территории, с точки зрения их графического и визуального сходства, а также наличия доминирующего элемента.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации с выводами суда кассационной инстанции не согласилась, постановление суда кассационной инстанции отменила, оставив в силе постановление суда апелляционной инстанции.

Суды установили, что словесные элементы «Ритуал» и «Сервис» используются отдельно от других изобразительных элементов товарного знака и являются общепринятыми понятиями.

Вместе с тем использование другими лицами словесных элементов «Ритуал» и «Сервис», в том числе для индивидуализации предпринимательской деятельности, в силу закона в любом случае не может признаваться нарушением исключительных прав, поскольку эти словесные элементы в комбинированном товарном знаке не обладают признаками охраноспособности.

При данных обстоятельствах указания суда кассационной инстанции на необходимость исследования сходства до степени смешения двух словесных обозначений не основаны на нормах права, поскольку неохраняемые элементы товарного знака не могут являться основанием, определяющим наличие или отсутствие сходства до степени смешения товарного знака, и обуславливать угрозу их смешения потребителями.

При выявлении сходства до степени смешения используемого ответчиком обозначения с товарным знаком истца учитывается общее впечатление, которое производят эти обозначение и товарный знак (включая неохраняемые элементы) в целом на среднего потребителя соответствующих товаров или услуг. Вместе с тем использование исключительно неохраняемых элементов товарного знака не может быть признано нарушением.

(Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 12 декабря 2014 г. № 301-ЭС14-1129)

Досрочное прекращение правовой охраны товарного знака

38. Для целей применения положений ст. 1486 ГК РФ учитывается не любое использование товарного знака правообладателем, а лишь совершение действий, предусмотренных п. 2 ст. 1484 ГК РФ, непосредственно связанных с введением товара в гражданский оборот.

Общество с ограниченной ответственностью обратилось с иском к предприятию с требованием о досрочном прекращении правовой охраны товарного знака, ссылаясь на наличие заинтересованности в использовании спорного обозначения, а также на отсутствие доказательств его использования правообладателем.

Суд первой инстанции в удовлетворении иска отказал частично со ссылкой на использование ответчиком товарного знака на документации, связанной с введением товаров в гражданский оборот, в предложениях о продаже товаров. При этом суд исходил из представленного ответчиком договора на производство продукции, заключенного с иным обществом, а также накладных, подтверждающих поставку товара производителем правообладателю. В связи с этим суд посчитал доказанным использование правообладателем спорного обозначения.

Суд кассационной инстанции решение суда первой инстанции отменил и отправил дело на новое рассмотрение. При этом суд отметил, что договор поставки и накладные подтверждают лишь производство товара третьим лицом и его передачу правообладателю, но не подтверждают использование товарного знака его правообладателем для целей ст. 1486 ГК РФ. Изготовление товара с нанесением на него товарного знака является использованием товарного знака в смысле положений ст. 1484 ГК РФ. Вместе с тем не любое использование товарного знака учитывается в целях применения положений ст. 1486 ГК РФ, а лишь совершение действий, предусмотренных п. 2 ст. 1484 ГК РФ, непосредственно связанных с введением товара в гражданский оборот.

Судом первой инстанции не исследовался вопрос о дальнейшей судьбе произведенной продукции, введении ее в гражданский оборот и доведении до

потребителя. Между тем в силу п. 2 ст. 1486 и п. 2 ст. 1484 ГК РФ установление этих обстоятельств имеет существенное значение для рассмотрения дела.

(Постановление от 20 февраля 2015 г. по делу № СИП-655/2014)

39. Досрочное прекращение правовой охраны товарного знака в связи с неиспользованием означает прекращение исключительного права на товарный знак на будущее время (п. 4 ст. 1486 ГК РФ), поэтому требования правообладателя о защите исключительного права, предъявленные до прекращения правовой охраны товарного знака, подлежат удовлетворению.

Общество с ограниченной ответственностью обратилось в арбитражный суд с иском к компании о взыскании компенсации в размере 2 000 000 руб. за незаконное использование товарного знака.

Компания возражала против удовлетворения требования общества, ссылаясь на вступивший в силу судебный акт арбитражного суда о досрочном прекращении правовой охраны товарного знака.

В ходе рассмотрения дела судом установлено, что ответчик использовал товарный знак, сходный до степени смешения с товарным знаком истца, для маркировки однородных товаров, на документации, связанной с введением этих товаров в гражданский оборот, в предложениях о продаже товаров. Суд также установил, что вступившим в законную силу судебным актом арбитражного суда прекращена правовая охрана товарного знака истца ввиду его неиспользования в течение более чем трех лет. При этом действия ответчика по использованию спорного обозначения в отношении однородных товаров были совершены в период, в течение которого согласно решению суда истец не использовал товарный знак, что повлекло досрочное прекращение его правовой охраны.

Суд первой инстанции посчитал, что прекращение правовой охраны товарного знака влечет отказ в удовлетворении требования правообладателя о взыскании компенсации, и отказал в иске.

Суд апелляционной инстанции оставил решение суда первой инстанции в силе, указав, что предъявление правообладателем требования о защите исключительного права на товарный знак, который не используется им в течение длительного времени, является злоупотреблением правом (ст. 10 ГК РФ) и влечет отказ в судебной защите в соответствии с п. 2 ст. 10 ГК РФ.

Суд кассационной инстанции решение суда первой инстанции и постановление суда апелляционной инстанции отменил, принял новое решение об удовлетворении иска. При этом суд кассационной инстанции исходил из следующего. Прекращение правовой охраны товарного знака по основаниям, указанным в ст. 1514 ГК РФ (в том числе и ввиду его неиспользования правообладателем), означает прекращение исключительного права на будущее время. До этого момента лицу, на имя которого зарегистрирован товарный знак, не может быть отказано в его защите. Поэтому требования правообладателя о защите исключительного права, предъявленные в связи с нарушением, совершенным до прекращения правовой охраны товарного знака, подлежат удовлетворению. Действия правообладателя по защите исключительного права не являются в данном случае злоупотреблением правом, поскольку совершены до обращения компании в суд с требованием о досрочном прекращении правовой охраны.

(Решение Арбитражного суда Новосибирской области от 20 марта 2015 г. по делу № А45-4302/2013 с учетом постановления Президиума Суда по интеллектуальным правам от 2 февраля 2015 г. № С01-1281/2014 по делу № СИП-539/2014)

40. Подача истцом заявки в Роспатент на регистрацию товарного знака или сходного с ним товарного знака в отсутствие иных доказательств реального намерения использовать товарный знак само по себе не является основанием досрочного прекращения правовой охраны товарного знака в связи с неиспользованием в соответствии с положениями ст. 1486 ГК РФ.

Общество с ограниченной ответственностью обратилось с иском к индивидуальному предпринимателю с требованием о досрочном прекращении правовой охраны товарного знака, зарегистрированного в отношении ряда товаров. В исковом заявлении общество указало на свою заинтересованность в использовании спорного обозначения со ссылкой на подачу им заявки в Роспатент о регистрации тождественного товарного знака в отношении однородных товаров, а также на отсутствие доказательств использования товарного знака его правообладателем.

Суд первой инстанции иск удовлетворил, посчитав, что общество доказало свою заинтересованность в использовании спорного обозначения, а ответчик не доказал использование товарного знака на протяжении трех лет до подачи иска о досрочном прекращении правовой охраны товарного знака.

Суд апелляционной инстанции оставил решение суда первой инстанции без изменения.

Суд кассационной инстанции в своем постановлении указал, что заинтересованным можно считать лицо, подавшее заявку на регистрацию товарного или сходного товарного знака, и это лицо осуществляет предпринимательскую деятельность, аналогичную деятельности правообладателя. Таким образом, сама по себе подача заявки на регистрацию спорного обозначения не является достаточным основанием для досрочного прекращения его правовой охраны. Требуется также, чтобы лицо имело реальное намерение использовать спорный товарный знак для индивидуализации производимых им товаров, таких же или однородных товаров, для которых зарегистрирован товарный знак. Истец же не представил каких-либо доказательств осуществления им однородной деятельности или производства однородных товаров. В связи с этим суд кассационной инстанции в иске отказал.

(Постановление от 24 октября 2014 г. по делу № СИП-259/2014)

41. При рассмотрении требования о досрочном прекращении правовой охраны товарного знака вследствие его неиспользования бремя доказывания использования товарного знака лежит на правообладателе. Для целей ст. 1486 ГК однородность товаров не учитывается.

Индивидуальный предприниматель обратился в арбитражный суд с иском к обществу с ограниченной ответственностью о досрочном прекращении правовой охраны товарных знаков со словесным обозначением «Царские» по свидетельству РФ № 292766, зарегистрированному для товара «пельмени» 30 класса МКТУ, и

свидетельству РФ № 301305, зарегистрированному для товаров «мясо», «птица», «дичь», «мясные экстракты» 29 класса МКТУ, вследствие их неиспользования.

Истец сослался на то, что он занимается деятельностью, связанной с производством продукции животноводства, и с целью расширения своей хозяйственной деятельности направил в Роспатент заявку на регистрацию собственного словесного товарного знака «Царские» в отношении ряда товаров 29 (мясо, котлеты, изделия колбасные, изделия мясные, мясные полуфабрикаты, консервы мясные) и 30 (пельмени) классов МКТУ.

Суд первой инстанции в удовлетворении иска отказал.

Суд кассационной инстанции решение суда первой инстанции отменил, иск удовлетворил частично, досрочно прекратив правовую охрану словесного товарного знака «Царские» по свидетельству РФ № 301305 по следующим основаниям.

На основании пп. 1 и 3 ст. 1486 ГК РФ бремя доказывания использования товарного знака лежит на правообладателе, истец же должен доказать наличие законного интереса в досрочном прекращении правовой охраны товарного знака ответчика.

При этом спор должен был быть разрешен судом в пользу истца или ответчика в зависимости от того, были ли ответчиком представлены надлежащие доказательства использования спорных товарных знаков для введения в гражданский оборот товаров, в отношении которых таким знакам была предоставлена правовая охрана.

Суд первой инстанции, проанализировав представленные ответчиком бизнес-каталог «Замороженные продукты 2011», отраслевой специализированный каталог «Замороженные и охлажденные продукты. Мороженое. 2013 – 2014», договоры поставки продуктов питания глубокой заморозки различных наименований и товарную накладную, установил, что ответчик в трехлетний период, предшествовавший обращению истца в суд с настоящим иском, предлагал к продаже и осуществлял продажу пельменей с наименованием «Царские». Поэтому вывод суда об отсутствии оснований для удовлетворения исковых требований в отношении товарного знака по свидетельству РФ № 292766, зарегистрированному для товара «пельмени» обоснован.

В то же время тот же вывод суда первой инстанции об использовании ответчиком товарного знака № 301305 в отношении товаров, для которых он зарегистрирован, неправилен.

Суд первой инстанции установил, что из представленных в материалы дела образцов упаковок реализуемых ответчиком товаров следует, что словесным обозначением «Царские», выполненным оригинальным шрифтом русскими буквами, маркировались такие товары, как: пельмени классические, пельмени из мяса молодых бычков, голубцы, в состав которых включены говядина, свинина, куриное мясо; фрикадельки, в состав которых включены говядина, свинина, куриное мясо; долма, в состав которой включены говядина и свинина; люля-кебаб, в состав которого включены говядина, свинина, мясо птицы; котлеты куриные, в состав которых включены мясо птицы и шпик; котлеты домашние, в состав которых включены говядина, мясо птицы механической обвалки, свинина; полуфабрикат мясосодержащий рубленый.

Однако суд первой инстанции не учел, что для сохранения правовой охраны товарный знак должен использоваться для тех товаров и услуг, для которых он

непосредственно зарегистрирован, а не для однородных с ними. Использование обозначения для маркировки иных товаров, отличных от тех, для которых он зарегистрирован, но которые входят в их состав в качестве ингредиентов и составляющих, по смыслу закона, также не может свидетельствовать об использовании товарного знака.

(Постановление Президиума Суда по интеллектуальным правам от 24 сентября 2014 г. № С01-758/2014 по делу № СИП-105/2014)

42. Истец по делу о досрочном прекращении правовой охраны товарного знака в связи с неиспользованием должен доказать свою заинтересованность в прекращении правовой охраны спорного товарного знака. При этом однородность производимых истцом товаров и оказываемых им услуг товарам и услугам, для которых зарегистрирован товарный знак, учитывается для целей ст. 1486 ГК РФ.

Общество обратилось с иском к предприятию о досрочном прекращении правовой охраны товарного знака в отношении всех товаров, для которых он зарегистрирован. В процессе рассмотрения дела установлено, что товарный знак зарегистрирован для товаров 32 класса МКТУ, а именно: минеральные и газированные воды и прочие безалкогольные напитки; сиропы и прочие составы для изготовления напитков; квас, лимонады.

Полагая, что спорный товарный знак не использовался правообладателем, на протяжении последних трех лет, общество обратилось в суд с заявлением о досрочном прекращении его правовой охраны в отношении указанных категорий товаров, ссылаясь на свою заинтересованность в досрочном прекращении правовой охраны спорного знака.

В ходе рассмотрения дела установлено, что общество производит фруктовые напитки и фруктовые соки, разливаемые в пластиковые бутылки с логотипом общества. Общество также подтвердило наличие необходимых мощностей для производства товаров, для которых зарегистрирован спорный товарный знак. Суд первой инстанции в иске отказал, указав на недоказанность истцом своей заинтересованности в досрочном прекращении правовой охраны спорного знака, реального намерения использовать спорное обозначение, посчитав, что истец не представил доказательств совершения необходимых подготовительных действий к использованию спорного обозначения, не подал заявку в Роспатент о регистрации товарного знака. Суд также указал, что товарный знак ответчика не зарегистрирован в отношении товаров, изготавливаемых истцом.

Суд кассационной инстанции решение суда первой инстанции отменил, направил дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции по следующим основаниям.

Применительно к п. 1 ст. 1486 ГК РФ заинтересованным лицом может быть признано любое лицо, имеющее законный интерес в прекращении правовой охраны неиспользуемого товарного знака.

К таким лицам могут быть отнесены производители однородных товаров (работ, услуг), в отношении которых (или однородных им) подано заявление о досрочном прекращении правовой охраны товарного знака, имеющие реальное намерение использовать спорное обозначение в своей деятельности и

осуществившие необходимые подготовительные действия к такому использованию.

В ходе установления однородности товаров суды должны принимать во внимание следующие обстоятельства: род (вид) товаров, их потребительские свойства и функциональное назначение (объем и цель применения), вид материала, из которого они изготовлены, взаимодополняемость либо взаимозаменяемость товаров, условия их реализации (в том числе общее место продажи, продажу через розничную либо оптовую сеть), круг потребителей, традиционный или преимущественный уклад использования товаров.

Кроме того, однородные товары – это товары, не являющиеся идентичными во всех отношениях, не обязательно находящиеся в одном классе МКТУ, но имеющие сходные характеристики и состоящие из схожих компонентов, произведенных из таких же материалов, что позволяет им выполнять те же функции.

Однородность признается по факту, если товары по причине их природы или назначения могут быть отнесены потребителями к одному и тому же источнику происхождения.

При новом рассмотрении дела суд первой инстанции иск общества о досрочном прекращении правовой охраны спорного знака удовлетворил.

(Постановления Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 18 июля 2006 г. № 2979/06, от 1 марта 2011 г. № 14503/10, от 17 сентября 2013 г. № 5793/13, постановление Президиума Суда по интеллектуальным правам от 26 марта 2015 г. № С01-390/2014 по делу № СИП-114/2013)

IV. Иные вопросы, связанные с защитой прав на результаты интеллектуальной деятельности

Практика рассмотрения дел о признании недействующими нормативных правовых актов, затрагивающих вопросы интеллектуальной собственности

43. Наличие прокатного удостоверения требуется только для публичной демонстрации кино- и видеофильмов, а не любых аудиовизуальных произведений.

Прокурор обратился в суд с заявлением о признании противоречащими федеральному законодательству и недействующими ряда норм закона Алтайского края от 4 декабря 1995 г. № 28-ЗС «Об охране общественной нравственности» (в редакции закона Алтайского края от 2 июля 2009 г. № 43-ЗС), в частности п. 3 ст. 3 в части слов «и другие», п. 5 ст. 3, абзаца третьего п. 2 ст. 5 в части слов «и аудиовизуальные», ст. 12, п. 1 ст. 13 в части слов «и аудиовизуальных», ст. 14 в части слов «а также перечень кино- и аудиовизуальных произведений, для просмотра которых установлены возрастные ограничения Администрацией Алтайского края».

Решением суда, оставленным без изменения определением Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации, заявление прокурора удовлетворено в части.

При рассмотрении дела судом установлено, что законодательным собранием принят закон, ст. 13 которого урегулирован порядок публичной демонстрации кино- и аудиовизуальных произведений.

Согласно ч. 1 данной статьи публичная демонстрация кино- и аудиовизуальных произведений осуществляется при наличии прокатного удостоверения в соответствии с требованиями федерального законодательства и данного закона.

По мнению прокурора, наличие прокатного удостоверения в соответствии с федеральным законодательством требуется только для публичной демонстрации кино- и видеофильмов, поэтому норма, предусматривающая наличие прокатного удостоверения для публичной демонстрации аудиовизуальных произведений, противоречит федеральному законодательству.

Разрешая требования прокурора, суд на основании анализа федерального законодательства установил, что законодательство предусматривает наличие прокатного удостоверения только для демонстрации кино- и видеофильмов, тогда как понятие аудиовизуального произведения, данное в ст. 1263 ГК РФ, шире понятия кино- и видеофильма.

В обоснование своего вывода суд сослался на постановление Совета Министров – Правительства Российской Федерации от 28 апреля 1993 г. № 396 «О регистрации кино- и видеофильмов и регулировании их публичной демонстрации», которым утверждены Положение о регистрации кино- и видеофильмов и Правила оформления и выдачи прокатных удостоверений на кино- и видеофильмы, а также на Правила по киноvideообслуживанию населения, утвержденные постановлением Правительства Российской Федерации от 17 ноября 1994 г. № 1264, и Федеральный закон от 22 августа 1996 г. № 126-ФЗ «О государственной поддержке кинематографии Российской Федерации», согласно которому на федеральный орган исполнительной власти в области кинематографии возлагаются ведение государственного регистра фильмов и выдача прокатных удостоверений на них в целях регулирования проката фильмов, защиты обладателей прав на фильм, определения возрастной категории зрительской аудитории в порядке, установленном Правительством Российской Федерации.

С учетом того, что правила оформления и выдачи прокатных удостоверений установлены федеральным законодательством и предусматривают выдачу прокатных удостоверений только на кино- и видеофильмы, и что выдача прокатных удостоверений осуществляется федеральным органом исполнительной власти, вывод суда о том, что норма Закона, предусматривающая публичную демонстрацию аудиовизуальных произведений при наличии прокатного удостоверения, противоречит федеральному законодательству, является правильным.

(Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 2 марта 2011 г. № 51-Г11-11)

Процессуальные вопросы

44. Дела по спорам о защите интеллектуальных прав с участием организаций, осуществляющих коллективное управление авторскими и смежными правами, после 8 декабря 2011 г. рассматриваются арбитражными

судами независимо от того, в интересах правообладателей какой категории (физических или юридических лиц) выступает такая организация в суде, и от характера спорных правоотношений.

До 8 декабря 2011 г. вопрос о подведомственности споров с участием организаций, осуществляющих коллективное управление авторскими и смежными правами, решался в зависимости от того, выступает такая организация от имени правообладателей (юридических лиц, индивидуальных предпринимателей или граждан, не являющихся индивидуальными предпринимателями) или от своего имени.

Согласно разъяснениям, содержащимся в п. 21 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации и Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 26 марта 2009 г. № 5/29, в случае, если указанные организации обращаются в защиту прав физических лиц или одновременно физических и юридических лиц либо неопределенного круга лиц, такие споры подведомственны судам общей юрисдикции. Если же они обращаются в защиту прав только юридических лиц в связи с их предпринимательской и иной экономической деятельностью, споры подведомственны арбитражным судам.

Если до указанной даты в суды обращалась организация по управлению правами на коллективной основе с исковыми заявлениями к юридическим лицам с требованиями о взыскании компенсации за нарушение авторских прав физических лиц или физических и юридических лиц в связи с публичным исполнением произведений, то такие исковые заявления принимались к производству судов общей юрисдикции с учетом приведенных разъяснений.

Федеральным законом от 8 декабря 2011 г. № 422-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с созданием в системе арбитражных судов Суда по интеллектуальным правам» в ст. 33 АПК РФ «Специальная подведомственность дел арбитражным судам» введен новый п. 4.2, в силу которого арбитражным судам подведомственны дела по спорам о защите интеллектуальных прав с участием организаций, осуществляющих коллективное управление авторскими и смежными правами, а также по спорам, отнесенным к подсудности Суда по интеллектуальным правам.

После вступления в силу указанного закона, учитывая изменения в подведомственности дел указанной категории, организации по коллективному управлению стали обращаться в арбитражные суды, а суды общей юрисдикции прекращали производство по делу в соответствии с абзацем вторым ст. 220 ГПК РФ по основаниям, предусмотренным п. 1 части первой ст. 134 ГПК РФ.

(По материалам справок Нижегородского, Ростовского областных судов)

45. Аккредитованная организация по управлению правами на коллективной основе вправе в интересах третьих лиц предъявлять в суд требования о защите авторских и смежных прав, управление которыми она осуществляет.

При этом наличие договора с каждым из правообладателей не является необходимым условием для обращения в суд.

РАО в порядке ст. 46 ГПК РФ обратилась в суд с иском к обществу о взыскании авторского вознаграждения для физических лиц – иностранных авторов

за публичное исполнение музыкальных произведений при показе ответчиком кинофильмов в кинотеатре.²

В обоснование заявленных требований истец указал, что РАО согласно положениям Устава и пп. 1, 3, 5 ст. 1242 ГК РФ является организацией по управлению правами авторов и иных правообладателей на коллективной основе в случаях, когда осуществление их прав в индивидуальном порядке затруднительно, в том числе и при сборе авторского вознаграждения при публичном исполнении музыкальных произведений при показе кинофильмов в кинотеатре. Ответчиком в залах кинотеатра осуществлялся показ кинофильмов, однако в нарушение действующего законодательства ответчик уклоняется от заключения соглашения с РАО о порядке и размере выплаты авторского вознаграждения за публичное исполнение музыкальных произведений при показе аудиовизуальных произведений, нарушает обязательство по выплате авторского вознаграждения.

Определением суда первой инстанции, оставленным без изменения определением судебной коллегии по гражданским делам краевого суда, исковое заявление оставлено без рассмотрения.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации отменила состоявшиеся по делу судебные постановления.

Суд первой инстанции, оставляя исковое заявление РАО без рассмотрения, исходил из того, что истец не имеет полномочий на подписание и предъявление в суд искового заявления в защиту интересов третьих лиц, поскольку в нарушение положений ст. 46 ГПК РФ не представлен договор с обладателями авторских и (или) смежных прав на управление имущественными правами на коллективной основе и (или) договор с иностранной организацией, в связи с чем нельзя сделать вывод о том, что РАО действует в интересах указанных в исковом заявлении лиц по их просьбе.

Между тем, оставляя исковое заявление без рассмотрения, суд сослался на п. 10 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 июня 2006 г. № 15 «О вопросах, возникших у судов при рассмотрении гражданских дел, связанных с применением законодательства об авторском праве и смежных правах» без учета того, что на момент возникновения правоотношений действовали положения части четвертой ГК РФ, а не нормы законодательства 2006 года.

Суд не учел, что в силу п. 1 ст. 1242 ГК РФ авторы, исполнители, изготовители фонограмм и иные обладатели авторских и смежных прав в случаях, когда осуществление их прав в индивидуальном порядке затруднено, могут создавать основанные на членстве некоммерческие организации, на которые в соответствии с полномочиями, предоставленными им правообладателями, возлагается управление соответствующими правами на коллективной основе (организации по управлению правами на коллективной основе).

При этом такая организация, независимо от того, выступает она в суде от имени правообладателей или от своего имени, действует в защиту не своих прав, а прав лиц, передавших ей в силу п. 1 ст. 1242 Кодекса право на управление соответствующими правами на коллективной основе.

В соответствии с п. 5 ст. 1242 ГК РФ организации по управлению правами на

² Дело рассматривалось судами общей юрисдикции в соответствии с правилами подведомственности этой категории дел, действовавшими до вступления в силу Федерального закона от 8 декабря 2011 г. № 422-ФЗ.

коллективной основе вправе от имени правообладателей или от своего имени предъявлять требования в суде, а также совершать иные юридические действия, необходимые для защиты прав, переданных им в управление на коллективной основе.

Аккредитованная организация также вправе от имени неопределенного круга правообладателей предъявлять требования в суде, необходимые для защиты прав, управление которыми осуществляет такая организация.

Как разъяснено в п. 21 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 5, Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации № 29 от 26 марта 2009 г. «О некоторых вопросах, возникших в связи с введением в действие части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации», аккредитованная организация действует без доверенности, подтверждая свое право на обращение в суд за защитой прав конкретного правообладателя (или неопределенного круга лиц в случае, предусмотренном абзацем вторым п. 5 ст. 1242 Кодекса) свидетельством о государственной аккредитации.

РАО является аккредитованной организацией по управлению правами на коллективной основе, в связи с чем имеет право на подачу названного выше иска.

При таких обстоятельствах вывод суда о том, что у РАО отсутствует право на предъявление в суд искового заявления о защите нарушенных авторских и (или) смежных прав третьих лиц, признан неправильным.

(Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 31 января 2012 г. № 18-В11-117)

46. При рассмотрении дел о защите нарушенных авторских или смежных прав суду необходимо установить, права на какие конкретно произведения и объекты смежных прав были нарушены на основании непосредственного исследования имеющихся в деле доказательств (ст. 10, 71 АПК РФ).

Общество с ограниченной ответственностью обратилось в арбитражный суд с иском к индивидуальному предпринимателю о взыскании компенсации за незаконное использование фонограмм, права на которые принадлежат истцу.

Решением суда первой инстанции исковые требования удовлетворены в полном объеме, постановлением суда апелляционной инстанции решение оставлено без изменения.

Отменяя решение суда первой инстанции и постановление суда апелляционной инстанции и направляя дело на новое рассмотрение, суд кассационной инстанции указал, что в нарушение требований ст. 10, 71 АПК РФ суд первой инстанции при рассмотрении дела по существу не исследовал (не просматривал) и не оценивал представленную видеозапись покупки диска, не прослушивал сам диск, на обложке которого указаны наименования фонограмм, на предмет фактического наличия в нем указанных фонограмм.

Между тем ответчиком были заявлены возражения относительно наличия на диске фонограмм, права на которые принадлежали истцу.

Иных доказательств, подтверждающих наличие на диске фонограмм, компенсация за нарушение прав на которые предъявлена к взысканию, материалы дела не содержали.

Вместе с тем объектом исключительного смежного права являются фонограммы, то есть любые исключительно звуковые записи исполнений или иных звуков либо их отображений (ст. 1304 ГК РФ), а не их словесное обозначение на обложке диска. Установление факта нахождения на диске именно тех музыкальных произведений, компенсация за незаконное использование которых предъявлена к взысканию, имеет значение для вывода о нарушении ответчиком смежных прав истца.

Суд кассационной инстанции пришёл к выводу, что судебные акты нижестоящих судов приняты с нарушением норм процессуального права, выводы, содержащиеся в судебных актах, не соответствуют фактическим обстоятельствам дела и сделаны при неполном исследовании обстоятельств дела, в связи с чем не могут быть признаны законными.

(Судебные акты по делу № А43-16160/2013; постановления Суда по интеллектуальным правам от 21 апреля 2014 г. по делу № А12-14848/2013, от 13 августа 2014 г. по делу № А12-22717/2013, от 14 апреля 2015 г. по делу № А65-16006/2014, от 5 февраля 2014 г. по делу № А12-12748/2013)

47. При взыскании на основании подп. 1 п. 4 ст. 1515 ГК РФ компенсации за незаконное использование товарного знака суд определяет ее размер не произвольно, а исходя из оценки представленных сторонами доказательств.

Общество с ограниченной ответственностью обратилось в арбитражный суд с иском к индивидуальному предпринимателю о взыскании компенсации за нарушение исключительного права на товарный знак, выразившееся в изготовлении товара, содержащего незаконное воспроизведение товарного знака истца.

Исходя из выявленного объема производства ответчиком товара цена иска была определена истцом на основании подп. 1 п. 4 ст. 1515 ГК РФ.

Решением суда первой инстанции исковые требования удовлетворены полностью.

Постановлением суда апелляционной инстанции решение изменено, исковые требования удовлетворены в части, на основании подп. 1 п. 4 ст. 1515 ГК РФ суд снизил размер подлежащей взысканию компенсации, указав, что исходя из указанной нормы суд определяет размер компенсации по своему усмотрению. При этом, по мнению суда апелляционной инстанции, нарушению соразмерен именно такой размер компенсации.

Отменяя постановление суда апелляционной инстанции и оставляя в силе решение суда первой инстанции, суд кассационной инстанции указал следующее.

При рассмотрении дела установлен факт нарушения исключительного права на товарный знак.

Взыскание компенсации за незаконное использование товарного знака, по смыслу п. 3 ст. 1252 ГК РФ³, является альтернативой взысканию убытков в случае, когда доказывание их конкретного размера не представляется возможным.

³ Пункт 3 ст. 1252 ГК РФ приведен в редакции Федерального закона от 12 марта 2014 г. № 35-ФЗ

Заявляемое истцом требование о взыскании компенсации должно быть определено в исковом заявлении в твердой сумме, по его мнению, соразмерной допущенному ответчиком нарушению.

При удовлетворении требования о взыскании компенсации на основании подп. 1 п. 4 ст. 1515 ГК РФ суд определяет ее размер не произвольно. Истец должен представить доказательства, обосновывающие расчет суммы компенсации (ст. 65 АПК РФ). Ответчик же вправе оспаривать как сам факт нарушения, так и размер требуемой истцом компенсации.

Поскольку ответчиком представленный истцом расчет размера компенсации не опровергнут, исковые требования подлежали удовлетворению полностью.

(Постановления Суда по интеллектуальным правам от 16 января 2014 г. № С01-261/2013 по делу № А40-53543/2011)

48. При взыскании компенсации за незаконное использование результатов интеллектуальной деятельности судебные расходы на оплату государственной пошлины относятся на истца пропорционально размеру необоснованно заявленной им компенсации.

Общество с ограниченной ответственностью обратилось в арбитражный суд с иском к компании о взыскании компенсации в размере 2 000 000 руб. за незаконное использование товарного знака.

Решением арбитражного суда исковые требования удовлетворены, размер компенсации судом снижен до 1 000 000 руб., с компании в пользу истца взысканы судебные расходы на оплату государственной пошлины, определённые исходя из суммы компенсации, которая подлежала бы взысканию без учета ее снижения. При этом суд отметил, что уменьшение судом заявленной истцом суммы компенсации не влияет на определение размера судебных расходов, взыскиваемых с ответчика в пользу истца, который эти расходы фактически понес.

Отменяя судебные акты в части распределения судебных расходов на оплату государственной пошлины, суд апелляционной инстанции не согласился с выводами суда об отнесении на ответчика судебных расходов на оплату государственной пошлины в полном объеме.

Размер компенсации за незаконное использование товарного знака определяется судом на основании подп. 1 п. 4 ст. 1515 ГК РФ исходя из характера дела и иных обстоятельств.

В условиях, когда в законе указан минимальный и максимальный размер компенсации, а также предусмотрено право суда определять конкретный размер компенсации исходя из характера нарушения, истец, заявляя исковые требования в максимальном размере, в силу ст. 9 АПК РФ несет риск наступления последствий совершения им процессуальных действий, который в рассматриваемом случае заключается в отнесении на истца судебных расходов пропорционально размеру необоснованно заявленной им компенсации.

С учетом изложенного судебные расходы истца на оплату государственной пошлины подлежали возмещению за счёт ответчика в размере, исчисленном пропорционально размеру удовлетворённых исковых требований.

(Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 4 февраля 2014 г. № 9189/2013, постановления Суда по интеллектуальным правам от 8 июля 2014 г. по делу № А40-93595/2011;

от 16 января 2014 г. по делу № А40-53543/2011, от 16 февраля 2015 г. по делу № А32-3419/2014, постановление Второго арбитражного апелляционного суда от 7 мая 2014 г. по делу № А28-7580/2013)

49. Суд удовлетворяет заявление правообладателя о принятии предварительных обеспечительных мер или об обеспечении иска по доменным спорам при представлении заявителем доказательств наличия у него права на результат интеллектуальной деятельности или средство индивидуализации и доказательств нарушения исключительного права.

Общество с ограниченной ответственностью обратилось в арбитражный суд с иском к индивидуальному предпринимателю о защите исключительного права на товарный знак. Одновременно истцом было заявлено ходатайство о принятии обеспечительных мер в виде запрета ответчику совершать действия по передаче домена www.kr.ru другому регистратору.

Суд первой инстанции в удовлетворении ходатайства истца о принятии обеспечительных мер отказал, сославшись на недоказанность оснований обеспечительных мер (ст. 90 АПК РФ).

Арбитражный суд апелляционной инстанции определение суда первой инстанции отменил, запретил ответчику совершать действия по передаче домена www.kr.ru другому регистратору.

При этом суд апелляционной инстанции отметил, что обеспечительные меры по доменным спорам преследуют цель сохранения существующего состояния отношений и запрет администратору совершать какие-либо действия с доменным именем, аннулировать доменное имя и передавать права администрирования доменного имени другому лицу. Для применения обеспечительных мер не требуется представления доказательств в объеме, необходимом для обоснования требований и возражений по существу спора.

В связи с высокой оборотоспособностью доменных имен представление доказательств того, что непринятие запрошенных мер может затруднить или сделать невозможным исполнение судебного акта, не является необходимым.

Таким образом, достаточными являются представление заявителем доказательств наличия у него права на результат интеллектуальной деятельности или средство индивидуализации, а также его нарушения и обоснование причин обращения с требованием о применении обеспечительных мер.

(Постановления Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 26 августа 2014 г. по делу № А56-23241/2014, от 21 февраля 2014 г. по делу № А56-69712/2013)

Практика рассмотрения заявлений о принятии предварительных обеспечительных мер защиты авторских и (или) смежных прав в информационно-телекоммуникационных сетях, в том числе в сети «Интернет»

50. Помимо требований, установленных частью первой ст. 144¹ ГПК РФ, заявление о принятии предварительных обеспечительных мер в целях защиты исключительных прав в сети «Интернет» должно отвечать общим

требованиям к содержанию и порядку подачи процессуальных документов в суд.

В Московский городской суд поступило заявление общества о принятии предварительных обеспечительных мер, направленных на обеспечение защиты исключительных прав на многосерийный фильм, который, по утверждению заявителя, размещен на определенных сайтах информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» без разрешения правообладателя-общества.

Согласно части четвертой ст. 144¹ ГПК РФ при подаче заявления о предварительном обеспечении защиты исключительных прав заявитель представляет в суд документы, подтверждающие факт использования в информационно-телекоммуникационных сетях, в том числе в сети «Интернет», объектов исключительных прав и права заявителя на данные объекты. Непредставление указанных документов в суд является основанием для вынесения определения об отказе в предварительном обеспечении защиты исключительных прав на фильмы, в том числе кинофильмы, телефильмы, в информационно-телекоммуникационных сетях, в том числе в сети «Интернет», в котором суд разъясняет право на повторную подачу указанного заявления с выполнением требований названной части, а также право на подачу иска в общем порядке.

Общие требования к содержанию и порядку подачи процессуальных документов в суд общей юрисдикции регламентированы ГПК РФ.

Представляемые в суд процессуальные документы должны отвечать необходимым установленным законом требованиям, носящим общий характер и позволяющим идентифицировать заявителя и лицо, привлекаемое к участию в деле по подлежащим рассмотрению требованиям.

В силу части четвертой ст. 1, ст. 131 ГПК РФ в заявлении должны быть указаны в том числе наименование ответчика, его место жительства или, если ответчиком является организация, ее место нахождения.

Между тем наименование лица, подлежащего привлечению к ответу по требованию о принятии предварительных обеспечительных мер, ответственного за заявленное нарушение исключительных прав на фильм, а равно его место жительства (местонахождение) в заявлении не были указаны.

Не представлены и документы, которые могут свидетельствовать о нарушении таким лицом исключительных прав заявителя на фильм, а также документы, подтверждающие факт использования в информационно-телекоммуникационных сетях, в том числе в сети «Интернет», объектов исключительных прав заявителя.

Заявителем не представлено также доказательств наличия прав в отношении аудиовизуального произведения у компании, предоставившей заявителю исключительное право использовать фильм.

Кроме того, заявление о принятии предварительных обеспечительных мер от имени общества подписано его представителем, действующим на основании доверенности, подписанной лицом в качестве генерального директора данной организации.

Однако надлежащим образом заверенных копий уставных документов общества, а равно документов, подтверждающих назначение (избрание) указанного лица на должность генерального директора общества и его право на подписание доверенностей от имени общества, к заявлению не приложено.

Таким образом, заявление подано в суд с существенными нарушениями требований гражданского процессуального закона, не позволяющими должным образом установить принадлежность заявителю исключительных прав на фильм, а также идентифицировать лицо, ответственное за заявленное нарушение исключительных прав, в связи с чем в предварительном обеспечении защиты исключительных прав на фильм отказано.

(Определение Московского городского суда от 28 апреля 2014 г. № 2и-73/2014)

51. В заявлении о принятии предварительных обеспечительных мер должно быть указано наименование и местожительство (местонахождение) лица, ответственного за заявленное нарушение исключительных прав на фильм.

Общество, являющееся обладателем исключительной лицензии на фильм, обратилось в суд с заявлением о принятии предварительных обеспечительных мер, направленных на обеспечение защиты исключительных прав на этот фильм, размещенный в сети «Интернет» на соответствующем сайте без его разрешения.

Вместе с тем представляемые в суд процессуальные документы должны отвечать необходимым установленным законом требованиям, носящим общий характер и позволяющим идентифицировать заявителя и лицо, привлекаемое к участию в деле по подлежащим заявлению требованиям.

В силу части четвертой ст. 1, ст. 131 ГПК РФ в заявлении должны быть указаны в том числе наименование ответчика, его место жительства или, если ответчиком является организация, ее место нахождения.

Между тем наименование лица, подлежащего привлечению к ответу по требованию о принятии предварительных обеспечительных мер, ответственного за заявленное нарушение исключительных прав на фильм, а равно его местожительство (местонахождение) в поданном заявлении не были указаны.

Тем самым были допущены нарушения требований гражданского процессуального закона, носящие существенный характер и не позволяющие идентифицировать лицо, ответственное за заявленное нарушение исключительных прав, в связи с чем в предварительном обеспечении защиты исключительных прав на фильм по данному заявлению отказано.

(Определение Московского городского суда от 31 октября 2014 г. № 2и-148/2014)

52. Обращаясь в суд с заявлением в порядке ст. 144¹ ГПК РФ, заявитель должен доказать принадлежность ему прав на фильм и факт использования его в сети «Интернет».

Общество (правообладатель) обратилось в суд с заявлением о принятии предварительных обеспечительных мер, направленных на обеспечение защиты исключительных прав на многосерийный анимационный фильм, серии которого размещены на сайте информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» без разрешения правообладателя.

Вместе с тем заявителем не было представлено доказательств, подтверждающих факт использования в информационно-телекоммуникационных сетях, в том числе в сети «Интернет», серий анимационного фильма.

Так, из представленных заявителем скриншотов не следовало, что серии анимационного фильма используются именно на сайте, который указывал заявитель.

Согласно лицензионному договору заявителю была предоставлена лицензиатом исключительная лицензия на использование серий анимационного фильма на определенный срок: с 5 ноября 2014 г. по 31 декабря 2014 г.

Заявителем не подтверждено, что на момент обращения в суд с указанным заявлением он обладает правом использования на основании исключительной лицензии серий анимационного фильма.

Поэтому данное заявление не позволяло должным образом установить принадлежность заявителю прав на многосерийный анимационный фильм, в связи с чем в предварительном обеспечении защиты исключительных прав на многосерийный анимационный фильм было отказано.

(Определение Московского городского суда от 17 июля 2014 г. № 2и-97/2014)

53. В случае удовлетворения заявления о принятии предварительных обеспечительных мер Роскомнадзор и иные лица обязаны прекратить создание технических условий, обеспечивающих размещение, распространение и иное использование фильма на сайте в информационно-телекоммуникационной сети.

В суд поступило заявление организации о принятии предварительных обеспечительных мер, направленных на обеспечение защиты исключительных прав на фильм, который, по утверждению заявителя, размещен в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» на соответствующем сайте без разрешения правообладателя, являющегося обладателем исключительной лицензии на данное аудиовизуальное произведение.

В силу части первой ст. 144¹ ГПК РФ суд по письменному заявлению организации или гражданина вправе принять предварительные обеспечительные меры, направленные на обеспечение защиты исключительных прав на фильмы, в том числе кинофильмы, телефильмы, заявителя в информационно-телекоммуникационных сетях, в том числе в сети «Интернет», до предъявления иска.

В соответствии со ст. 140 ГПК РФ мерами по обеспечению иска могут быть в том числе возложение на ответчика и других лиц обязанности совершить определенные действия, касающиеся предмета спора о нарушении исключительных прав на фильмы, в том числе кинофильмы, телефильмы, в информационно-телекоммуникационных сетях, в том числе в сети «Интернет».

Согласно части четвертой ст. 144¹ ГПК РФ при подаче заявления о предварительном обеспечении защиты исключительных прав на фильмы, в том числе кинофильмы, телефильмы, в информационно-телекоммуникационных сетях, в том числе в сети «Интернет», заявитель представляет в суд документы, подтверждающие факт использования в информационно-телекоммуникационных сетях, в том числе в сети «Интернет», объектов исключительных прав и права заявителя на данные объекты.

Суд удовлетворил заявление о принятии предварительных обеспечительных мер, так как документы, подтверждающие факт использования указанного фильма в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» на сайте информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», а равно документы, отражающие права заявителя на этот фильм, в суд при подаче заявления представлены, в связи с чем

заявление является правомерным и направлено на достижение целей и задач, определенных при принятии Федерального закона от 2 июля 2013 г. № 187-ФЗ.

Суд обязал Федеральную службу по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций и иных лиц прекратить создание технических условий, обеспечивающих размещение, распространение и иное использование фильма на сайте в информационно-телекоммуникационной сети.

(Определение Московского городского суда от 18 февраля 2015 г. № 2и-15/2015; Определение Московского городского суда от 10 апреля 2015 г. № 2и-37/2015)

54. До 1 мая 2015 г. законом не была предусмотрена возможность принятия предварительных обеспечительных мер в целях защиты исключительных прав в сети «Интернет» на иные (кроме фильмов) объекты авторских прав.⁴

Общество обратилось в суд с заявлением о принятии предварительных обеспечительных мер, направленных на обеспечение защиты исключительных прав на видеопроизведение (название не указано), размещенное на сайте информационно-телекоммуникационной сети «Интернет».

В удовлетворении заявления было отказано по следующим основаниям.

Федеральным законом от 2 июля 2013 г. № 187-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам защиты интеллектуальных прав в информационно-телекоммуникационных сетях» предусмотрено принятие предварительных обеспечительных мер в целях защиты исключительных прав именно и только на фильмы, в том числе кинофильмы, телефильмы.

Возможность принятия предварительных обеспечительных мер в целях защиты исключительных прав на иные (кроме фильмов) объекты авторских прав законом не предусмотрена.

В данном заявлении испрашивалось принятие предварительных обеспечительных мер в целях защиты исключительных прав на видеопроизведение (название не указано).

Из представленного договора возмездного оказания услуг, заключенного между обществом и В., следовало, что названное видеопроизведение собственно фильмом не является, так как представляет собой смонтированную видеозапись учебных уроков на определенные темы, состоящие из разделов.

Так, согласно договору исполнитель (В.) по заданию заказчика (общества) обязуется подготовить и провести в определенный сторонами период учебные уроки. Во время проведения уроков заказчик организывает и проводит видеосъемку. Результатом сотрудничества сторон является итоговая смонтированная видеозапись

⁴ При рассмотрении указанных дел суд руководствовался положениями ст. 144¹ ГПК РФ в редакции, действовавшей до внесения в нее изменений Федеральным законом от 24 ноября 2014 г. № 364-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации» и расширения перечня объектов, в отношении которых могут быть приняты указанные меры.

уроков. Заказчик гарантирует соблюдение личных авторских прав исполнителя, как автора текстов уроков.

В соответствии со ст. 1263 ГК РФ авторами аудиовизуального произведения являются: 1) режиссер-постановщик; 2) автор сценария; 3) композитор, являющийся автором музыкального произведения (с текстом или без текста), специально созданного для этого аудиовизуального произведения.

Какие-либо документы, подтверждающие создание видеопроизведения в качестве фильма, его регистрацию в Государственном регистре фильмов, а равно принадлежность обществу исключительных прав на такой фильм (лицензионные договоры с режиссером-постановщиком, автором сценария и композитором), в суд не представлены; договор с автором текста уроков сам по себе о создании фильма свидетельствовать не может.

(Определение Московского городского суда от 30 декабря 2013 г., определение Московского городского суда от 15 декабря 2014 г. № 2и-183/2014)

По аналогичным основаниям было отказано в удовлетворении заявления телекомпании о принятии предварительных обеспечительных мер, направленных на обеспечение защиты исключительных прав на аудиовизуальное произведение – телепрограмму.

Вместе с тем из представленных в суд документов следовало, что названное аудиовизуальное произведение – телепрограмма собственно фильмом не является, так как представляет собой телепрограмму, жанр и формат которой определяются как развлекательный документальный репортаж.

В соответствии со ст. 1263 ГК РФ авторами аудиовизуального произведения являются: 1) режиссер-постановщик; 2) автор сценария; 3) композитор, являющийся автором музыкального произведения (с текстом или без текста), специально созданного для этого аудиовизуального произведения.

Какие-либо документы, подтверждающие создание аудиовизуального произведения – телепрограммы – в качестве фильма, его регистрацию в Государственном регистре фильмов, а равно принадлежность заявителю исключительных прав на такой фильм (лицензионные договоры с режиссером-постановщиком, автором сценария и композитором), в суд не представлены.

(Определение Московского городского суда от 1 августа 2014 г.)

Кроме того, приведенная правовая позиция следует и из совокупного анализа и толкования положений ст. 144¹ ГПК РФ с правилами, установленными частью четвертой ГК РФ и Федеральным законом от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации».

Таким образом, отсутствуют правовые основания для удовлетворения заявлений о принятии предварительных обеспечительных мер, направленных на обеспечение защиты исключительных прав на книгу, размещенную на сайте в сети «Интернет» без разрешения правообладателя.

(Определение Московского городского суда от 17 декабря 2013 г. № 2и-114/2013)

55. После 1 мая 2015 г. предварительные обеспечительные меры могут быть приняты не только в отношении прав на фильмы, в том числе кинофильмы, телефильмы, но и в отношении прав на любые другие объекты

авторских и (или) смежных прав, кроме прав на фотографические произведения и произведения, полученные способами, аналогичными фотографии.

Организация эфирного или кабельного вещания – обладатель исключительного права на сообщение в эфир или по кабелю радио- и телепередач канала вправе требовать принятия предварительных обеспечительных мер в случае трансляции этого телеканала на сайте в сети «Интернет» без ее разрешения.

В связи с введением в действие Федерального закона от 24 ноября 2014 г. № 364-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации» обществом с ограниченной ответственностью было подано заявление о принятии предварительных обеспечительных мер, направленных на обеспечение защиты авторских и (или) смежных прав на сообщение передач (телевизионное вещание) телеканала «Наш Футбол», размещенное на сайте информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», которое, по утверждению заявителя, транслируется в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» на соответствующем сайте без разрешения правообладателя.

Из положений п. 1 ст. 1303 ГК РФ следует, что интеллектуальные права на сообщение в эфир или по кабелю радио- и телепередач (вещание организаций эфирного и кабельного вещания), являются смежными с авторскими правами (смежными правами).

В силу подп. 3 п. 1 ст. 1304 ГК РФ объектами смежных прав являются сообщения передач организаций эфирного или кабельного вещания, в том числе передач, созданных самой организацией эфирного или кабельного вещания либо по ее заказу за счет ее средств другой организацией.

Заявитель имеет лицензию на осуществление телевизионного вещания, является организацией эфирного и кабельного вещания, имеет исключительное право сообщения в эфир или по кабелю радио- и телепередач (эфирное и кабельное вещание).

Судом установлено, что на сайте в сети «Интернет» в отсутствие разрешения заявителя осуществляется трансляция телеканала, т.е. сообщение в эфир или по кабелю телепередач.

Согласно ст. 1312 ГК РФ в целях обеспечения иска по делам о нарушении смежных прав к ответчику или к лицу, в отношении которого имеются достаточные основания полагать, что оно является нарушителем смежных прав, а также к объектам смежных прав, в отношении которых предполагается, что они являются контрафактными, соответственно применяются меры, предусмотренные ст. 1302 данного кодекса.

В соответствии со ст. 1302 ГК РФ суд также может принять соразмерные объему и характеру правонарушения обеспечительные меры, направленные на пресечение неправомерного использования произведений в информационно-телекоммуникационных сетях, в частности на ограничение доступа к материалам, содержащим незаконно используемые произведения.

Суд удовлетворил указанное заявление, так как были представлены документы, подтверждающие факт трансляции телеканала «Наш Футбол» на сайте

в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», а равно документы, подтверждающие исключительные права заявителя на телевизионное вещание телеканала «Наш Футбол».

(Определение Московского городского суда от 1 июня 2015 г. № 2и-80/2015)

Права на музыкальные произведения до предъявления иска в суд могут быть защищены путем принятия предварительных обеспечительных мер.

В суд поступило заявление организации о принятии предварительных обеспечительных мер, направленных на обеспечение защиты авторских и (или) смежных прав на музыкальное произведение, размещенное, по утверждению заявителя, на соответствующем сайте в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» без разрешения правообладателя.

Суд пришел к выводу об удовлетворении заявления, так как при его подаче были представлены документы, подтверждающие факт использования указанного музыкального произведения на сайте в сети «Интернет», а равно документы, отражающие исключительные права заявителя на это музыкальное произведение.

(Определение Московского городского суда от 19 мая 2015 г. № 2и-57/2015)

В соответствии со статьей 144¹ ГПК РФ предварительные обеспечительные меры могут быть приняты для обеспечения защиты авторских и (или) смежных прав на литературные произведения.

Издательство обратилось в суд с заявлением о принятии предварительных обеспечительных мер, направленных на обеспечение защиты авторских и (или) смежных прав на произведения литературы, которые, по утверждению заявителя, размещены в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» на соответствующем сайте без разрешения правообладателя, являющегося обладателем исключительной лицензии на данные произведения.

Поскольку в суд были представлены документы, подтверждающие факт использования данных произведений литературы на сайте в сети «Интернет», а также документы, отражающие исключительные права издательства на эти произведения литературы, заявление было признано правомерным и направленным на достижение целей и задач, определенных при принятии Федерального закона от 24 ноября 2014 г. № 364-ФЗ, в связи с чем удовлетворено.

(Определение Московского городского суда от 29 мая 2015 г. № 2и-79/2015)

Вопросы защиты прав на результаты интеллектуальной деятельности, созданные за счет бюджетных средств

56. Права на результаты интеллектуальной деятельности, созданные за счет бюджетных средств, принадлежат Российской Федерации, если это предусмотрено государственным контрактом/договором. В случае принадлежности исключительного права не Российской Федерации правообладатель обязан заключить с госзаказчиком договор о безвозмездном предоставлении права на использование такого результата интеллектуальной деятельности при изготовлении поставляемых товаров либо выполнении подрядных работ для государственных нужд.

Организация обратилась в арбитражный суд с иском к другой организации о запрете использовать программу для ЭВМ и взыскании убытков. К участию в деле в качестве третьего лица, не заявляющего самостоятельных требований, привлечен Фонд социального страхования Российской Федерации (далее – ФСС РФ).

Дело неоднократно рассматривалось арбитражными судами. В вынесенных по делу судебных постановлениях суды сослались на следующее.

Правовому регулированию выполнения научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ посвящена глава 38 ГК РФ. При этом к государственным или муниципальным контрактам, в рамках которых такие работы выполняются для государственных и муниципальных нужд, применяются также правила ст. 763 – 768 ГК РФ о подрядных работах для государственных и муниципальных нужд.

Права исполнителя и заказчика на результаты работ, которым предоставляется правовая охрана как результатам интеллектуальной деятельности, определяются в соответствии с правилами раздела VII ГК РФ.

В соответствии с п. 1 ст. 1229 ГК РФ гражданин или юридическое лицо, обладающие исключительным правом на результат интеллектуальной деятельности или на средство индивидуализации (правообладатель), вправе использовать такой результат или такое средство по своему усмотрению любым не противоречащим закону способом. Правообладатель может распоряжаться исключительным правом на результат интеллектуальной деятельности или на средство индивидуализации (ст. 1233), если Кодексом не предусмотрено иное.

Правообладатель может по своему усмотрению разрешать или запрещать другим лицам использование результата интеллектуальной деятельности или средства индивидуализации. Отсутствие запрета не считается разрешением (согласием).

Другие лица не могут использовать соответствующие результат интеллектуальной деятельности или средство индивидуализации без согласия правообладателя, за исключением случаев, предусмотренных названным кодексом. Использование результата интеллектуальной деятельности или средства индивидуализации (в том числе их использование способами, предусмотренными Кодексом), если такое использование осуществляется без согласия правообладателя, является незаконным и влечет ответственность, установленную Кодексом, другими законами, за исключением случаев, когда использование результата интеллектуальной деятельности или средства индивидуализации лицами иными, чем правообладатель, без его согласия допускается данным кодексом.

Положения о правах государства на результаты интеллектуальной деятельности, созданные по государственному или муниципальному контракту, содержатся также в главах четвертой части ГК РФ, посвященных правам на различные результаты интеллектуальной деятельности: в ст. 1298 – произведения науки, литературы и искусства; в ст. 1373 – изобретения, полезные модели, промышленные образцы; в ст. 1432 – селекционные достижения; в ст. 1464 – топологии интегральных микросхем; в ст. 1471 – секреты производства (ноу-хау); в главе 77 – единые технологии.

По общему правилу исключительное право на результат интеллектуальной деятельности, созданный при выполнении государственного или муниципального контракта, принадлежит исполнителю, если государственным или муниципальным

контрактом не предусмотрено, что это право принадлежит Российской Федерации, субъекту Российской Федерации или муниципальному образованию, от имени которых выступает государственный или муниципальный заказчик, либо совместно исполнителю и соответствующему публичному образованию.

Судом установлено, что в договоре 1998 года истец и ФСС РФ согласовали, что авторские права на создаваемые для ФСС России подсистемы ЕИИС «Соцстрах» принадлежат исполнителю, а порядок пользования имущественными правами подлежит дополнительному согласованию сторонами договора. При этом вопросы авторского сопровождения, адаптации, модернизации и внедрения разработанных программных продуктов к предмету данного договора не были отнесены.

Впоследствии в государственном контракте на выполнение работ по модернизации и развитию ЕИИС «Соцстрах» 2005 года установлено, что имущественные права на ЕИИС «Соцстрах» принадлежат ФСС РФ, имущественные права на инструментальные средства и технологические компоненты, на основе которых создана программа ЕИИС «Соцстрах», принадлежат исполнителю.

Также между ФСС РФ (заказчиком) и этим исполнителем заключались отдельные договоры, по условиям которых все имущественные права на созданные объекты интеллектуальной собственности при их исполнении передаются заказчику – ФСС РФ и могут быть использованы только с его письменного разрешения. Иных положений о составе имущественных прав разработчика – исполнителя госконтракта на результаты работ, выполняемых им с системой программ ЕИИС «Соцстрах», договоры не содержали.

В соответствии со ст. 12 Закона Российской Федерации от 23 сентября 1993 г. № 3523-I «О правовой охране программ для электронных вычислительных машин и баз данных» (далее – Закон РФ от 23 сентября 1993 г. № 3523-I), действовавшего в период создания ЕИИС «Соцстрах», исключительное право на программу для ЭВМ, созданную при выполнении работ по государственному контракту, принадлежит исполнителю (подрядчику), если государственным контрактом не установлено, что это право принадлежит Российской Федерации, от имени которой выступает государственный заказчик. Также нормами п. 3 ст. 12 Закона РФ от 23 сентября 1993 г. № 3523-I устанавливалось, что в случае, если исключительное право на программу для ЭВМ принадлежит в соответствии с п. 2 этой статьи не Российской Федерации, правообладатель обязан заключить с заказчиком договор о безвозмездном предоставлении права на использование программы для ЭВМ при изготовлении поставляемых товаров либо выполнении подрядных работ для государственных нужд. Аналогичные нормы нашли свое закрепление в ст. 1298 ГК РФ. Согласно п. 6 ст. 1298 ГК РФ правила этой статьи также применяются к программам для ЭВМ, создание которых не было предусмотрено государственным контрактом для государственных нужд, но которые были созданы при выполнении такого контракта.

Как установил суд, из буквального толкования договора 1998 года не следует, что для его исполнения исполнителем (истцом) была предоставлена программа для ЭВМ либо по результатам его выполнения возник объект интеллектуальной деятельности – программа для ЭВМ, исключительные права на которую были переданы в установленном договором и законом порядке исполнителю контракта.

Оценив представленные доказательства, суд пришел к выводу о том, что не

доказан факт приобретения исполнителем прав на программу для ЭВМ в результате исполнения указанного выше договора.

При этом суды пришли к выводу, что программы ЕИИС «Соцстрах» создавались за счет средств бюджета на основании государственного заказа и в силу действующего на тот период законодательства права на них принадлежали Российской Федерации, от имени которой выступал государственный заказчик.

(Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 19 ноября 2014 г. № 305-ЭС14-3982)

57. В случае принадлежности Российской Федерации в лице госзаказчика в силу заключенного контракта имущественных прав на единую интегрированную информационную систему (государственную информационную систему) государство является правообладателем как всей системы в целом, так и ее частей.

Организация обратилась в арбитражный суд с иском к другой организации о запрете использовать программу для ЭВМ и взыскании убытков. К участию в деле в качестве третьего лица, не заявляющего самостоятельных требований, привлечен Фонд социального страхования Российской Федерации (далее – ФСС РФ).

Как установлено судом, между ФСС РФ и ответчиком заключены государственные контракты на выполнение в 2012 и 2013 годах работ по технической поддержке и сервисному обслуживанию информационных систем и ресурсов ФСС РФ, прикладных функциональных подсистем ЕИИС «Соцстрах».

По утверждению истца, в составе ЕИИС «Соцстрах» используется программа для ЭВМ, правообладателем которой он является. По мнению истца, ответчики, выполняя работы по госконтракту для ФСС РФ по технической поддержке, сервисному сопровождению и развитию прикладных функциональных подсистем ЕИИС «Соцстрах» и осуществляя модификацию данной системы, незаконно без разрешения правообладателя использовали спорную программу для ЭВМ. Получение ответчиком доходов от выполнения работ по государственному контракту с ФСС РФ послужило основанием для обращения в суд с указанным иском.

Решением суда, оставленным без изменения судом апелляционной инстанции, в удовлетворении иска было отказано. Суд по интеллектуальным правам, отказывая в удовлетворении кассационных жалоб и оставляя состоявшиеся по делу постановления в силе, указал следующее.

Согласно подп. 2 п. 1 ст. 1225, п. 1 ст. 1259 ГК РФ программы для ЭВМ относятся к результатам интеллектуальной деятельности, которым предоставляется правовая охрана как литературным произведениям. В силу п. 4 ст. 1259 ГК РФ для возникновения, осуществления и защиты авторских прав не требуется регистрация произведения или соблюдение каких-либо иных формальностей. В отношении программ для ЭВМ и баз данных возможна регистрация, которая осуществляется по желанию правообладателя в соответствии с правилами ст. 1262 ГК РФ.

В соответствии со ст. 1270 ГК РФ автору произведения или иному правообладателю принадлежит исключительное право использовать произведение в соответствии со ст. 1229 ГК РФ в любой форме и любым не противоречащим закону способом (исключительное право на произведение), в том числе способами,

указанными в п. 2 этой статьи. Правообладатель может распоряжаться исключительным правом на произведение.

Вместе с тем нормы п. 3 ст. 1270 ГК РФ устанавливают, что практическое применение положений, составляющих содержание произведения, в том числе положений, представляющих собой техническое, экономическое, организационное или иное решение, не является использованием произведения применительно к правилам главы 70 ГК РФ, за исключением использования, предусмотренного подп. 10 п. 2 названной статьи.

Наряду с этим правила подп. 5 п. 2 ст. 1270 ГК РФ не применяются в отношении программы для ЭВМ, за исключением случая, когда такая программа является основным объектом проката.

На основании изложенного истец в силу ч. 1 ст. 65 АПК РФ обязан доказать наличие исключительных прав на программу для ЭВМ, использование ответчиком произведения способами, указанными в п. 2 ст. 1270 ГК РФ, а также размер причиненных убытков в виде упущенной выгоды и причинно-следственную связь между действиями ответчика и причиненными убытками, а ответчик – обстоятельства законности своих действий по использованию произведения.

В обоснование иска истец ссылался на то, что является правообладателем программы для ЭВМ согласно свидетельству о ее государственной регистрации в Роспатенте от 2004 г., и факт приобретения ее у другой организации на основании договора об отчуждении исключительного права от 2008 г. (зарегистрирован в Роспатенте только в 2011 г.), которая, в свою очередь, приобрела права на данный объект интеллектуальной собственности в результате исполнения ею принятых на себя обязательств по соглашению от 1997 г. о сотрудничестве, заключенному с ФСС РФ, предметом которого являлось совместное участие и взаимодействие сторон в разработке целевого программного, информационного и математического обеспечения для ЕИИС «Соцстрах», а также по договору от 1998 г., заключенному с ФСС РФ в связи с подписанием указанного соглашения.

Отказывая в иске, суды обращали внимание на следующие обстоятельства:

- спорная программа для ЭВМ была создана по заданию ФСС РФ в рамках разработки целевого программного, информационного и математического обеспечения для ЕИИС «Соцстрах» по договору 1998 г.;

- при этом название программы для ЭВМ, под которым она была зарегистрирована истцом в Роспатенте в 2004 году, не упоминалось в заданиях, договорах и контрактах на разработку ЕИИС «Соцстрах», а также в отчетных материалах и исходных текстах, представленных суду;

- вместе с тем имелось письмо от 2010 г., согласно которому истец признал факт передачи ФСС РФ всех имущественных прав на программное обеспечение, входящее в состав программы ЕИИС «Соцстрах»;

- истец, считая себя правообладателем программы для ЭВМ, не представил исходного материала, который был передан ему в качестве экземпляра программы для ЭВМ от прежнего правообладателя в виде исполняемой программы на каком-либо носителе либо листинга программы, как не было представлено и доказательств того, что такие материалы передавались истцу. Сама программа либо ее реферат отсутствуют и в Роспатенте, где в 2004 г. регистрировалась данная программа для ЭВМ, а в 2011 г. регистрировалась сделка в отношении данного объекта интеллектуальной собственности.

Иных доказательств факта создания спорной программы для ЭВМ по заказу ФСС РФ и передачи исключительных прав на эту программу истцу в суд не представлено.

Суд кассационной инстанции в своем постановлении указал, что имущественные права на ЕИИС «Соцстрах» принадлежат ФСС РФ, а имущественные права на инструментальные средства и технологические компоненты, на основе которых создана программа ЕИИС «Соцстрах», принадлежат истцу. При этом понятия «инструментальные средства» и «технологические компоненты» в указанных выше договорах и контрактах на разработку ЕИИС «Соцстрах» не содержались и сторонами дополнительно не определены.

По результатам проведенной по делу судебной экспертизы был сделан вывод о том, что программа для ЭВМ используется в составе представленных на исследование эксперту версий программы ЕИИС «Соцстрах» с незначительными изменениями. При этом данная программа для ЭВМ не является средством разработки, но содержит набор компонентов, на основе которого были созданы программы, входящие в состав представленных на исследование версий ЕИИС «Соцстрах». Доказательств того, что эта программа для ЭВМ является инструментальным средством (технологическим компонентом) программ ЕИИС «Соцстрах», суду не представлено.

Доводы, основанные на противопоставлении термина «программа для ЭВМ», обозначающего то, что является объектом правовой охраны, и термина «система», обозначающего то, что не является таковым, по мнению Суда по интеллектуальным правам, носят формальный характер. То обстоятельство, что в названии «ЕИИС «Соцстрах» используется слово «система», не исключает, что указанная система является программой (комплексом программ).

На основании изложенного и при отсутствии каких-либо идентифицирующих признаков таких инструментальных средств и технологических компонентов в договорах и контрактах, а также при отсутствии данных понятий в законодательстве, суд пришел к выводу о невозможности определить действительный объем имущественных прав, который был оставлен за разработчиком – исполнителем госконтракта, а который – за госзаказчиком – ФСС России.

Ссылки истца на то, что свидетельство о государственной регистрации права истца на программу для ЭВМ является единственным законным доказательством принадлежности исключительного права истцу, судами не были приняты, поскольку в силу п. 1 ст. 1262 ГК РФ регистрация права на программу для ЭВМ или на базу данных носит заявительный характер. При этом сведения, внесенные в Реестр программ для ЭВМ или в Реестр баз данных, считаются достоверными, поскольку не доказано иное. Ответственность за достоверность предоставленных для государственной регистрации сведений несет заявитель. На этом же основании были отклонены ходатайства истца о приобщении к материалам дела свидетельств о государственной регистрации исключительного права истца на программы ЭВМ – подсистемы ЕИИС «Соцстрах», часть из которых к тому же датирована после вынесения судом первой инстанции обжалуемого по делу решения.

Судом установлено, что ЕИИС «Соцстрах» создавалась по государственным контрактам, где госзаказчиком выступал ФСС России, является федеральной государственной информационной системой, все ее подсистемы внесены в реестр

федерального имущества и реестр федеральных государственных информационных систем.

Таким образом, ФСС РФ вправе реализовывать принадлежащие Российской Федерации имущественные права на всю систему ЕИИС «Соцстрах» и ее подсистемы любым не запрещенным законом способом.

С учетом изложенного вывод судов о том, что Российская Федерация в лице ФСС РФ является правообладателем как ЕИИС «Соцстрах», так и отдельных ее частей, признан обоснованным.

(Постановление Суда по интеллектуальным правам от 13 августа 2014 г. по делу № А40-81328/2011)

58. Правомочие на модификацию программ для ЭВМ, созданных по государственному контракту, содержащему условие о принадлежности исключительных прав на полученные результаты Российской Федерации в лице госзаказчика, охватывается исключительным правом Российской Федерации как правообладателя.

Группа авторов – разработчиков программного обеспечения обратилась в суд с иском к ФСС РФ о запрете вносить изменения во все программы, входящие в состав ЕИИС «Соцстрах», до получения ФСС РФ согласия авторов программ на внесение таких изменений, взыскании компенсации морального вреда, опубликовании решения суда о допущенных нарушениях авторских и смежных прав разработчиков ЕИИС «Соцстрах».

В обоснование своих требований истцы указали, что они работали в организации в должностях программистов и в их обязанности входила разработка программного обеспечения в том числе для ФСС РФ, в котором с 2000 г. эксплуатируется ЕИИС «Соцстрах», авторами и разработчиками отдельных подсистем которой они являются.

Отказывая в удовлетворении заявленных требований, суды первой и апелляционной инстанций указали на следующее.

ЕИИС «Соцстрах» как федеральная государственная информационная система и все ее подсистемы внесены в реестр Росимущества и реестр федеральных государственных информационных систем, который ведется Роскомнадзором России.

Поскольку правоотношения в данном случае возникли до 1 января 2008 г., судом при разрешении данного спора были применены нормы законодательства, действовавшего до введения в действие четвертой части ГК РФ, которые вместе с тем аналогичны действующему ныне законодательному регулированию.

В соответствии с п. 2 ст. 2 Закона РФ от 23 сентября 1992 г. № 3523-І «О правовой охране программ для электронных вычислительных машин и баз данных» (далее – Закон № 3523-І) программы для ЭВМ и базы данных относятся к объектам авторского права, которым предоставляется правовая охрана как произведениям литературы и сборникам соответственно в силу Закона об авторском праве. Исходя из ст. 4 Закона РФ № 3523-І авторское право на указанные объекты возникает в силу их создания. Для признания и осуществления авторского права не требуется депонирования, регистрации или соблюдения иных формальностей.

Согласно ст. 15 Закона РФ «Об авторском праве и смежных правах» автору в отношении его произведения принадлежат личные неимущественные права, включая право авторства, право на имя, право на обнародование, право на защиту репутации автора.

В силу ст. 12 Закона РФ № 3523-І исключительное право на программу для ЭВМ или базу данных, созданные работником (автором) в связи с выполнением трудовых обязанностей или по заданию работодателя, принадлежит работодателю, если договором между ними не предусмотрено иное. Согласно ст. 10 названного закона автору или иному правообладателю принадлежит исключительное право осуществлять и (или) разрешать осуществление в том числе действий по модификации программы для ЭВМ или базы данных.

В связи с этим при разрешении споров о защите авторского права или смежных прав ответчик обязан доказать выполнение им требований указанного закона при использовании произведений и (или) объектов смежных прав, а истец – факт принадлежности ему авторского права и (или) смежных прав или права на их защиту.

Как установлено судом, целевое программное, информационное обеспечение для ЕИИС «Соцстрах» разрабатывалось по заказу ФСС РФ организацией, с которой заключались договоры на выполнение научно-исследовательских работ, а также государственные контракты на выполнение работ по модернизации и развитию ЕИИС «Соцстрах», которыми предусматривалось, что права авторства на полученные результаты принадлежат исполнителю, а исключительные (имущественные) права на полученные результаты принадлежат заказчику и любое их использование возможно только с письменного разрешения ФСС РФ.

Доводы истцов о том, что их авторство на программы для ЭВМ подтверждается свидетельствами о государственной регистрации программ для ЭВМ, не были приняты во внимание, поскольку в силу ст. 1262 ГК РФ такая регистрация носит заявительный характер. При этом сведения, внесенные в Реестр программ для ЭВМ или в Реестр баз данных, считаются достоверными, поскольку не доказано иное, а ответственность за достоверность предоставленных для государственной регистрации сведений несет заявитель (п. 6 ст. 1262 ГК РФ). Кроме того, представленные истцами свидетельства были выданы в 2014 году, после внесения сведений о федеральной государственной информационной системе «Соцстрах» в реестр федеральных государственных информационных систем.

В силу приведенных выше норм закона модификация программ для ЭВМ относится к исключительным правам Российской Федерации в лице ФСС РФ на эти объекты интеллектуальной собственности и не нарушает неимущественных прав авторов. С 2006 года работы по технической поддержке, сервисному обслуживанию и развитию ЕИИС «Соцстрах» на основании государственных контрактов с ФСС РФ осуществлялись различными организациями.

(Решения Мещанского районного суда г. Москвы от 11 августа 2014 г. и от 20 августа 2014 г., оставленные в силе апелляционными определениями Московского городского суда от 10 декабря 2014 г. и от 4 марта 2015 г.)

59. Заключение государственного контракта на выполнение работ по технической поддержке и сервисному обслуживанию государственной информационной системы, разработанной по государственному заказу и

принадлежащей государству, иным подрядчиком не свидетельствует о причинении тем самым ущерба исполнителю (разработчику) по первоначальному государственному контракту, во исполнение которого она разработана.

Судом установлено, что по итогам открытого аукциона между ответчиком и ФСС РФ заключен государственный контракт на выполнение работ по технической поддержке и сервисному обслуживанию информационных систем и ресурсов ФСС РФ, в соответствии с которым ответчик обязался выполнить работы по технической поддержке и сервисному обслуживанию прикладных функциональных подсистем ЕИИС «Соцстрах» за определенную плату. По условиям этого контракта исполнителю не переходят какие-либо имущественные права на результат выполненных работ или оказанных услуг, как не предусматривается и создание самостоятельного объекта интеллектуальных прав. Согласно данному контракту все права на результаты работ по нему являются собственностью Российской Федерации в лице госзаказчика и любое их использование возможно только по письменному разрешению ФСС РФ.

По мнению истца, в составе ЕИИС «Соцстрах» используется программа для ЭВМ, правообладателем которой он является. Ответчик, выполняя работы по госконтракту для ФСС РФ по технической поддержке, сервисному сопровождению и развитию прикладных функциональных подсистем ЕИИС «Соцстрах» и осуществляя модификацию данной системы, тем самым незаконно без разрешения правообладателя использовал спорную программу для ЭВМ. Получение ответчиком доходов от выполнения работ по государственному контракту с ФСС РФ послужило основанием для обращения в суд с иском.

Вместе с тем в силу ст. 15 ГК РФ лицо, право которого нарушено, может требовать полного возмещения причиненных ему убытков, если законом или договором не предусмотрено возмещение убытков в меньшем размере.

Под убытками понимаются расходы, которые лицо, чье право нарушено, произвело или должно будет произвести для восстановления нарушенного права, утрата или повреждение его имущества (реальный ущерб), а также неполученные доходы, которые это лицо получило бы при обычных условиях гражданского оборота, если бы его право не было нарушено (упущенная выгода). Если лицо, нарушившее право, получило вследствие этого доходы, лицо, право которого нарушено, вправе требовать возмещения наряду с другими убытками упущенной выгоды в размере не меньшем, чем такие доходы.

Пунктом 4 ст. 393 ГК РФ установлено, что при определении упущенной выгоды учитываются предпринятые кредитором для ее получения меры и сделанные с этой целью приготовления.

Для наступления ответственности, установленной правилами ст. 15 ГК РФ, необходимо наличие состава (совокупности условий) правонарушения, включающего: факт нарушения другим лицом возложенных на него обязанностей (совершения незаконных действий или бездействия), наличие причинно-следственной связи между допущенным нарушением и возникшими у заявителя убытками, а также размер причиненных убытков.

Бремя доказывания указанных обстоятельств лежит на истце. При этом лицо, требующее через суд от иного хозяйствующего субъекта воздержаться от использования результата интеллектуальной деятельности и возмещения

причиненных убытков, должно доказать весь указанный состав правонарушения. Отсутствие хотя бы одного из условий ответственности влечет отказ в удовлетворении иска.

На основании изложенного истец в силу ч. 1 ст. 65 АПК РФ обязан доказать использование ответчиком программы для ЭВМ способами, указанными в п. 2 ст. 1270 ГК РФ, размер причиненных убытков в виде упущенной выгоды и причинно-следственную связь между действиями ответчика и причиненными убытками.

Судом установлено, что ответчик как исполнитель государственного контракта выполнял принятые на себя обязательства по технической поддержке, сервисному сопровождению указанной системы, что исключает его вину в форме умысла либо неосторожности в использовании ЕИИС «Соцстрах».

В силу подп. 3 п. 1 ст. 1252 ГК РФ защита исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности и на средства индивидуализации осуществляется, в частности, путем предъявления требования о возмещении убытков к лицу, неправомерно использовавшему результат интеллектуальной деятельности или средство индивидуализации без заключения соглашения в правообладателем (бездоговорное использование) либо иным образом нарушившему его исключительное право и причинившему ему ущерб.

При этом приведенная норма не делает какого-либо исключения из порядка определения убытков, установленных общими нормами гражданского законодательства.

В п. 11 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации и Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 1 июля 1996 г. № 6/8 «О некоторых вопросах, связанных с применением части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» разъяснено, что размер неполученного дохода (упущенной выгоды) должен определяться с учетом разумных затрат, которые кредитор должен был понести, если бы обязательство было исполнено.

При таких обстоятельствах нарушение ответчика и убытки истца находятся в прямой причинно-следственной связи, понесенные расходы подлежат возмещению в разумных пределах с учетом наличия доказательств их фактической выплаты, необходимости затрат, сформировавших расходы, для защиты нарушенного права, баланса процессуальных прав и обязанностей сторон.

Однако истцом не было представлено доказательств совершения названных действий. Кроме того, судом установлен факт отсутствия в действиях ответчика состава правонарушения исключительных прав истца на спорную программу для ЭВМ, а также не усматривалось, что истец предпринимал действия с целью получения дохода от использования этой программы.

При этом установлено, что истец не намеревался и не участвовал в открытых аукционах на право заключения государственных контрактов с ФСС РФ на выполнение данных работ.

Таким образом, отсутствовали доказательства того, что при обычных условиях гражданского оборота истец получил бы в спорный период прибыль именно в размере оплаты работ, который был предусмотрен госконтрактом.

Перечисленные выше обстоятельства повлекли отказ в удовлетворении судом заявленных требований.

(Постановление Суда по интеллектуальным правам от 29 декабря 2014 г. по делу № А40-162480/2013)

60. Геодезические и картографические продукция, материалы и данные признаются результатами интеллектуальной деятельности, если процесс их создания носит не только технический, производственный, но и творческий характер.

На материалы и данные федерального картографо-геодезического фонда, созданные за счет средств бюджета, распространяются имущественные (в том числе исключительные) права Российской Федерации.

Управление Федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии по Волгоградской области (далее – Управление Росреестра) обратилось в суд с иском к муниципальному бюджетному учреждению «Институт градостроительного планирования Волгограда «Мегаполис» (далее – учреждение) о взыскании компенсации за нарушение исключительных прав Российской Федерации.

Решением суда, оставленным без изменения судом апелляционной инстанции, требования удовлетворены. Постановлением Суда по интеллектуальным правам судебные акты отменены, дело направлено на новое рассмотрение в суд первой инстанции.

В кассационной жалобе Управление Росреестра ссылалось на то, что в соответствии с п. 1 ст. 1259 ГК РФ географические, геологические и другие карты, планы, эскизы и пластические произведения, относящиеся к географии, топографии и к другим наукам, также относятся к объектам авторского права, и указывало на ст. 10 Федерального закона от 18 декабря 2006 г. № 231-ФЗ «О введении в действие части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации», полагая необоснованными выводы Суда по интеллектуальным правам о том, что на материалы и данные федерального картографо-геодезического фонда не распространяются исключительные права Российской Федерации.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации указала следующее.

Судами установлено, что при проведении анализа сведений государственного кадастра недвижимости Управлением Росреестра было обнаружено, что учреждением в лице кадастрового инженера проведены кадастровые работы с использованием координат пунктов государственной геодезической сети по образованию земельных участков из земель, находящихся в государственной или муниципальной собственности, расположенных по определенным адресам.

Согласно указанным межевым планам учреждение при выполнении геодезических работ в качестве исходных данных использовало координаты пунктов государственной геодезической сети в местной городской системе координат.

Полагая, что таким образом учреждением нарушены исключительные права Российской Федерации на материалы и данные федерального картографо-геодезического фонда, Управление Росреестра обратилось в арбитражный суд с данным иском.

Судами установлено, что полномочия Управления Росреестра на обращение в суд предусмотрены пп. 7.1.32, 7.1.35 Положения об Управлении Федеральной

службы государственной регистрации, кадастра и картографии по Волгоградской области, утвержденного приказом Росреестра от 28 октября 2009 г. № 328, согласно которым Управление Росреестра осуществляет государственный геодезический надзор за геодезической и картографической деятельностью, передачей геодезических и картографических материалов и данных в картографо-геодезические фонды, а также за хранением и использованием этих материалов и данных, а также представительство интересов Российской Федерации по делам, связанным с рассмотрением вопросов об исключительном праве на результаты интеллектуальной деятельности в области геодезии и картографии.

Удовлетворяя заявленные требования, суды первой и апелляционной инстанции руководствовались п. 1 ст. 1259, п. 2 ст. 1260, подп. 4 п. 1 ст. 1304, п. 1 ст. 1334, п. 1 ст. 1335, ст. 1311 ГК РФ и исходили из неправомерного использования учреждением без разрешения правообладателя сведений федерального картографо-геодезического фонда. Указанные сведения, созданные за счет средств федерального бюджета, относятся к объектам авторского и смежного с ним права, и их использование возможно только на основании договора, заключенного с правообладателем.

Отменяя принятые судебные акты, и направляя дело на новое рассмотрение, Суд по интеллектуальным правам посчитал необоснованными выводы судов о том, что координаты пунктов государственной геодезической сети являются объектами авторского права, поскольку определение геодезических координат представляет собой процесс технического измерения приборами и применения математических формул и не носит творческий характер.

Между тем в соответствии с п. 1 ст. 1259 ГК РФ результатами интеллектуальной деятельности и приравненными к ним средствами индивидуализации юридических лиц, товаров, работ, услуг и предприятий, которым предоставляется правовая охрана (интеллектуальной собственностью), являются в том числе географические, геологические и другие карты, планы, эскизы и пластические произведения, относящиеся к географии, топографии и к другим наукам.

В соответствии с п. 1 ст. 9 Федерального закона от 26 декабря 1995 г. № 209-ФЗ «О геодезии и картографии» (далее – Закон о геодезии и картографии) геодезические, картографические, топографические, гидрографические, аэрокосмосьемочные, гравиметрические материалы и данные, в том числе в цифровой форме, полученные в результате осуществления геодезической и картографической деятельности и находящиеся на хранении в федеральных органах исполнительной власти, подведомственных этим федеральным органам организациях, образуют государственный картографо-геодезический фонд Российской Федерации.

Согласно ст. 10 Закона о геодезии и картографии результаты геодезической и картографической деятельности, в том числе геодезические, картографические, топографические, гидрографические, аэрокосмосьемочные и гравиметрические материалы, которые получены за счет средств федерального бюджета, а также ранее за счет средств республиканского бюджета РСФСР и составлявшей союзный бюджет части государственного бюджета СССР и находятся на территории Российской Федерации, включая материалы государственного картографо-геодезического фонда Российской Федерации, являются федеральной собственностью.

Статьей 11 Закона о геодезии и картографии определено, что исключительные права на результаты геодезической и картографической деятельности признаются и осуществляются в соответствии с гражданским законодательством.

Статьей 10 Федерального закона от 18 декабря 2006 г. № 231-ФЗ «О введении в действие части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» установлено, что исключительное право на результаты интеллектуальной деятельности в области геодезии и картографии, которые получены ранее за счет средств республиканского бюджета РСФСР и составлявшей союзный бюджет части государственного бюджета СССР и находятся на территории Российской Федерации, в том числе на материалы государственного картографо-геодезического фонда Российской Федерации, признается за Российской Федерацией, если это исключительное право не было передано или не принадлежало другому лицу в соответствии с законодательством Российской Федерации.

Распоряжение исключительным правом на результаты интеллектуальной деятельности в области геодезии и картографии от имени Российской Федерации осуществляется в порядке, установленном Правительством Российской Федерации.

В настоящее время такой порядок определен постановлением Правительства Российской Федерации от 3 августа 2012 г. № 793.

Выводы о том, что сам по себе федеральный картографо-геодезический фонд, как совокупность систематизированных материалов и данных может являться объектом смежных прав, признаны необоснованными, поскольку указанные обстоятельства не подлежали установлению при рассмотрении данного дела. Иск был заявлен о защите авторских прав.

В данном случае под правовую охрану подпадает не уникальная систематизация цифровых картографических материалов в целях обработки ЭВМ и не содержимое этих материалов как базы данных (объект смежных прав), а система картографо-геодезических материалов, созданных за счет федерального бюджета.

Таким образом, выводы о том, что на материалы и данные федерального картографо-геодезического фонда не распространяются исключительные права Российской Федерации, поскольку координаты пунктов государственной геодезической сети не признаются результатом интеллектуальной деятельности, необоснованны.

В то же время ст. 1 Закона о геодезии и картографии определяет понятие геодезии как области отношений, возникающих в процессе научной, технической и производственной деятельности по определению фигуры, размеров, гравитационного поля Земли, координат точек земной поверхности и их изменений во времени, а геодезические и картографические работы как процесс создания геодезических и картографических продукции, материалов и данных. Картографо-геодезический фонд – совокупность материалов и данных, созданных в результате осуществления геодезической и картографической деятельности и подлежащих длительному хранению в целях их дальнейшего использования.

Таким образом, процесс создания геодезических и картографических продукции, материалов и данных может носить как технический, производственный характер, так и быть процессом научной деятельности, то есть носить творческий характер.

Вопрос о том, была ли система координат государственной геодезической сети создана в результате творческой или технической деятельности, подлежит

установлению при новом рассмотрении дела судом первой инстанции.

(Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 8 апреля 2015 г. № 306-ЭС14-5432)

Вопросы защиты прав на результаты интеллектуальной деятельности при рассмотрении дел по спорам, связанным с применением избирательного законодательства

61. Использование в печатных агитационных материалах фотографий памятников архитектуры, открытых для свободного доступа, в том числе для фотосъемки любым лицом, не свидетельствует о нарушении законодательства об интеллектуальной собственности.

Ж. обратился в суд с заявлением об отмене регистрации кандидата в депутаты П., полагая, что последним проведена агитация с нарушением в том числе законодательства Российской Федерации об интеллектуальной собственности.

Решением суда, оставленным без изменения Судебной коллегией по административным делам Верховного Суда Российской Федерации, отказано в удовлетворении заявленных требований.

При этом суд пришёл к выводу об отсутствии нарушений законодательства Российской Федерации об интеллектуальной собственности в агитационных материалах П.

В заявлении Ж. указывал, что кандидатом П. использованы в агитационных печатных материалах без согласия правообладателей и без указания имени автора фотографии архитектурных памятников.

При рассмотрении дела судом было установлено, что использованные изображения в фотографиях памятников архитектуры (храмов и монастырей) открыты для свободного доступа, в том числе для фотосъемки любым лицом. Автором таких фотографий является К., им в судебное заседание были представлены как сами фотографии на цифровом носителе, так и договор авторского заказа с кандидатом П.

Судом также было установлено, что рисованное графическое изображение звезды на буклете и в газете, выбранное кандидатом П. для достижения результата на выборах, выполнено безотносительно рубиновой звезды, установленной на одной из башен Московского Кремля, и не тождественно эскизу изображения звезды народного художника СССР Федоровского Ф.Ф., правообладателями которого в настоящее время являются его наследники.

Судом установлено, что автором, создавшим графическое изображение звезды, является С., с которой кандидатом П. был предварительно заключен договор авторского заказа с полной передачей автором прав на использование изображения. Представленные в суд заявителем скриншоты интернет-сайтов не свидетельствуют о том, что в печатных агитационных материалах изображена именно Кремлёвская рубиновая звезда.

Иных доказательств того, что в агитационных материалах изображена именно Кремлевская рубиновая звезда, заявителем суду представлено не было.

(Определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда Российской Федерации от 13 сентября 2014 г. № 5-АПГ14-44)

62. Включение в агитационные материалы кандидата в депутаты графических изображений проектов строящихся объектов недвижимости, в том числе с логотипами, безусловно не свидетельствует о нарушении авторских прав иных лиц на эти объекты.

А. обратился в суд с заявлением о признании незаконным и отмене решения территориальной избирательной комиссии о регистрации кандидатом в депутаты Г., указав, что в агитационных листовках Г. допущены нарушения законодательства об интеллектуальной собственности на территории Российской Федерации.

Решением суда, оставленным без изменения Судебной коллегией по административным делам Верховного Суда Российской Федерации, отказано в удовлетворении заявленных требований.

Судом установлено, что кандидат Г. представил в территориальную избирательную комиссию агитационный печатный материал «Буклет», изготовленный на основании заключенного между обществом (исполнитель) и кандидатом Г. (заказчик) договора об оказании полиграфических услуг за счет средств избирательного фонда.

Агитационный материал состоит из четырех страниц с изображением кандидата в депутаты на фоне строящихся домов. В буклете содержится информация о кандидате, его семье, семейные фотографии, сведения о его месте работы и достижениях. Представлены графические изображения проектов жилых домов, в том числе с рядом логотипов, а также изображения Успенского Собора Свенского монастыря и Храма Сергия Радонежского в Утах (Мирковых Утах).

Судом установлено, что в агитационном материале отсутствует какая-либо информация об объектах недвижимости, направленная на привлечение внимания к конкретным объектам, формирование и поддержание интереса к ним и продвижение на рынке, не содержится признаков коммерческой рекламы, информации о географическом расположении объектов недвижимости, их технических и потребительских характеристиках и стоимости.

Нарушение требований ст. 1276 ГК РФ при проведении предвыборной агитации имеет место в случае, когда в агитационных материалах без согласия автора или иного правообладателя и без выплаты вознаграждения воспроизводится, сообщается в эфир или по кабелю фотографическое произведение, произведение архитектуры или произведение изобразительного искусства, которые постоянно находятся в месте, открытом для свободного посещения, и изображение произведения таким способом является основным объектом этого воспроизведения, сообщения в эфир или по кабелю либо когда изображение используется в коммерческих целях.

С учетом того, что указанные выше графические изображения объектов недвижимости в агитационном материале безусловно воспринимаются в контексте с информацией и иными материалами, изложенными в нём, занимают незначительную и неосновную её часть, каждое изображение не является основным самостоятельным объектом информации, указанные на снимках объекты находятся в местах, открытых для свободного доступа, их изображение в материале находится в контексте с информацией, размещённой на данной странице, о деятельности Г., что не свидетельствует о присвоении Г. авторства иных лиц на эти объекты и нарушении авторских прав.

63. Популярность произведения не указывает на то, что результат творческого труда автора является общественным достоянием и может свободно использоваться любым лицом, в том числе в агитационных материалах, без чьего-либо согласия или разрешения и без выплаты авторского вознаграждения.

Избирательное объединение и избирательная комиссия обратились в суд с заявлением об отмене регистрации списка кандидатов в депутаты, выдвинутого избирательным объединением отделения политической партии.

Заявление мотивировано, в частности, тем, что агитационные материалы избирательного объединения отделения политической партии изготовлены с нарушением требований законодательства Российской Федерации об интеллектуальной собственности.

Решением суда, оставленным без изменения Судебной коллегией по административным делам Верховного Суда Российской Федерации, заявление удовлетворено, регистрация списка кандидатов отменена.

При рассмотрении дела судом установлено, что избирательным объединением политической партии изготовлен агитационный материал в виде четырех баннеров и двенадцати сити-бордов, в том числе с изображением мужчины в берете со звездой и развевающимися волосами в черно-белом цвете. Данный агитационный материал разрешен к использованию Н. В основе изображения использована фотография кубинского государственного деятеля Эрнесто Че Гевары, автором которой является кубинский фотограф Альберто Корда (Альберто Диас Гутьеррес), умерший 25 мая 2001 г. Кадр был сделан 5 марта 1960 г., а в 1967 году фотография была распространена в Европе итальянским издателем Джанджакомо Фельтринелли. На этой фотографии Че Гевара изображен в берете со звездой и развевающимися волосами. После гибели Че Гевары (9 октября 1967 г.) фотография до настоящего времени известна под именем «Героический Партизан». В 1968 году ирландский художник Джим Фицпатрик создал стилизованный черно-красный постер (плакат) данной фотографии, который фактически в настоящее время является одним из часто копируемых изображений Че Гевары.

Таким образом, авторами изображения Че Гевары являются иностранные граждане А. Корда и Д. Фицпатрик, впервые свои произведения они обнародовали за пределами Российской Федерации. Фотография и постер (плакат) с изображением Че Гевары являются объектами авторского права и обнародованы при жизни авторов. Авторские права А. Корды и Д. Фицпатрика, в том числе право авторства, имя автора, неприкосновенность произведения, подлежат защите.

Имеется также общедоступная информация о том, что право на фотографию с изображением Че Гевары принадлежит дочери Д. Корды и используется в сотрудничестве с правительством Кубы, защищено торговой маркой под № VA-1-276-975.

Доказательств того, что избирательным объединением политической партии получено от указанных авторов этих произведений или иных правообладателей согласие на использование данных произведений в агитационных материалах, суду не представлено. Суд справедливо расценил агитационные материалы с

изображением Че Гевары как нарушение законодательства Российской Федерации об интеллектуальной собственности и, как следствие, отменил регистрацию списка кандидатов, выдвинутого избирательным объединением отделения политической партии.

При этом суд апелляционной инстанции проверил довод апелляционной жалобы о том, что избирательным объединением политической партии в агитационных материалах использован образ Че Гевары исключительно как общепризнанный символ свободы, независимости и борьбы за справедливость, а не его фотография или рисунок, которые стали фактически общественным достоянием вследствие большого тиражирования и использования производителями кружек, футболок и т.д.

Суд указал, что сама по себе популярность произведений А. Корды и Д. Фицпатрика не указывает на результат творческого труда автора как на общественное достояние, ибо, по смыслу ст. 7 и 18 Бернской конвенции, произведение может стать общественным достоянием вследствие истечения срока охраны или вследствие истечения ранее предоставленного произведению срока охраны. При этом срок охраны фотографических произведений не может быть короче 25 лет со времени создания такого произведения. Срок же охраны, предоставляемой после смерти автора, и сроки, предусмотренные пп. 2 – 4 ст. 7 данной конвенции, начинают течь со дня смерти автора или со дня наступления события, указанного в этих пунктах, но продолжительность этих сроков исчисляется только с 1 января года, следующего за годом смерти или годом наступления такого события. Автор фотографии Че Гевары А. Корда умер в 2001 году, поэтому двадцатипятилетний срок охраны авторского права на фотографию не истек. В отношении плаката, созданного Д. Фицпатриком, также не истек срок охраны, поскольку согласно Бернской конвенции он составляет все время жизни автора и 50 лет после его смерти.

(Определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда Российской Федерации от 9 сентября 2014 г. № 30-АПГ14-6)

64. Использование в агитационных материалах результатов интеллектуальной деятельности, которые не являются основным самостоятельным объектом информации, занимают незначительную часть и не распространяются в коммерческих целях, не могут служить основанием для отмены регистрации кандидата.

В., являющийся зарегистрированным кандидатом в депутаты областного представительного органа, обратился в суд с заявлением об отмене регистрации кандидата в депутаты А., полагая, что в агитационных материалах последнего допущены нарушения авторских прав.

Решением суда, оставленным без изменения Судебной коллегией по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации, отказано в удовлетворении заявленных требований.

Обращаясь в суд, В. указывал, что для А. была изготовлена праздничная открытка со словами адресных (персональных) поздравлений ветеранов с 66-летней годовщиной Победы советских войск в Сталинградской битве 1942 – 1943 гг. с оплатой из его избирательного фонда. На лицевой стороне открытки изображены скульптурные композиции, георгиевская лента, приведены слова маршала

В.И. Чуйкова (не соответствующие указанному в открытке источнику), использованы две фотографии без разрешения их правообладателя. В отпечатанной также из средств его избирательного фонда листовке использовано фотоизображение скульптуры, а в агитационном плакате незаконно использовано фотоизображение храма без разрешения правообладателя и без заключения с ним соответствующего договора, то есть были нарушены нормы гражданского законодательства об авторском праве. Указанные агитационные материалы распространялись среди избирателей.

Суд отказал в удовлетворении заявленных требований, придя к выводу о том, что изготовление и использование агитационного материала имели место, но обстоятельств, указывающих на нарушение требований избирательного либо гражданского законодательства (об интеллектуальной собственности) при изготовлении, размещении и распространении агитационного материала со стороны А. допущено не было.

Вывод суда первой инстанции мотивирован тем, что кандидат праве распространять агитационные материалы с соблюдением установленного порядка, в том числе с соблюдением законодательства об интеллектуальной собственности, при этом заявителем по делу не представлено доказательств, указывающих на несоблюдение А. его прав и обязанностей.

В силу ст. 1276 ГК РФ (о свободном использовании произведения, постоянно находящегося в месте, открытом для свободного посещения) А. вправе был использовать фотоизображения памятных скульптур; использование фотоизображений скульптуры и храма в агитационном материале, где фотофрагменты не являются основным объектом, не является нарушением со стороны А.

Автором использованных в агитационном материале фотографических произведений являлся К., который на безвозмездной основе и без требования об указании своего имени предоставил их А. Сведений о том, кто являлся авторами непосредственно памятников, не представлено. Бесспорным является то обстоятельство, что памятники находятся в открытых и свободных для доступа местах. Анализ агитационного материала с фотографиями скульптурных композиций указывает на то, что эти изображения не являются его основным объектом и что его распространение в коммерческих целях не осуществлялось.

Судом признана несостоятельность доводов заявителя об искажении приведенных на открытке слов маршала В.И. Чуйкова, о неправильной ссылке на источник, о нарушении авторских прав и о переработке произведения. Размещением слов маршала в книге в качестве цитаты авторские права редактора не нарушаются, тем более что фраза маршала стала крылатым выражением, размещена в сети «Интернет», то есть является доступной большому кругу людей. Неверная ссылка на источник нахождения фразы не может быть признана влекущей отмену регистрации кандидата, а исключение из цитаты слова «живые» не является переработкой произведения. Воспроизведение на поздравительной открытке цветов гвоздики, медали «За оборону Сталинграда», георгиевской ленты не указывает на нарушение чьих-либо авторских прав.

Получение А. на безвозмездной основе услуг по компоновке агитационных материалов и их сдаче в печать соответствует заключенному договору. Имеющиеся в поздравительной открытке копированные с интернет-сайта две электронные фотографии (в качестве фона и фрагментарно) использованы не в СМИ, а в

агитационных материалах. И использованные в агитационном материале фрагменты (изображения) не являются основным объектом открытки.

(Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 11 марта 2009 г. № 16-Г09-12)

65. В случае заключения кандидатом в депутаты лицензионных договоров на использование при проведении предвыборной агитации музыкальных произведений с соответствующей организацией по коллективному управлению правами получение дополнительного согласия авторов и исполнителей этих произведений не требуется.

Е. обратился в суд с заявлением об отмене регистрации кандидата Л., который, по мнению заявителя, проводил предвыборную агитацию в нарушение законодательства об интеллектуальной собственности, поскольку использовал аудиоролик с отрывками из музыкальных произведений без согласия авторов и исполнителей, без заключения лицензионного договора и уплаты вознаграждения.

Решением суда, оставленным без изменения Судебной коллегией по административным делам Верховного Суда Российской Федерации, отказано в удовлетворении заявленных требований по следующим основаниям.

Судом установлено, что уведомлением представительства организации по коллективному управлению авторскими и смежными правами – Российского авторского общества от 21 февраля 2011 г. Л. было разрешено в период с 21 февраля по 11 марта 2011 г. публичное исполнение с помощью технических средств на территории избирательного округа произведений, входящих в репертуар Российского авторского общества, путем заключения договора.

РАО управляет авторскими правами авторов произведений, использованных кандидатом Л., при их публичном исполнении.

21 февраля 2011 г. РАО заключен лицензионный договор с Л. на публичное исполнение авторских произведений, Л. произведена оплата по договору.

21 февраля 2011 года Л. с обществом по коллективному управлению смежными правами «Всероссийская Организация Интеллектуальной Собственности» заключен договор о выплате вознаграждения за публичное исполнение фонограмм.

При таких обстоятельствах суд установил, что оснований, предусмотренных подп. «д» п. 7 ст. 76 Федерального закона от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» для отмены регистрации кандидата в депутаты, не имеется, поскольку кандидатом Л. было получено разрешение правообладателя на использование авторских произведений путем заключения лицензионного договора, произведена его оплата, заключен договор на использование фонограмм.

(Определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда Российской Федерации от 11 марта 2011 г. № 10-Г11-4)